

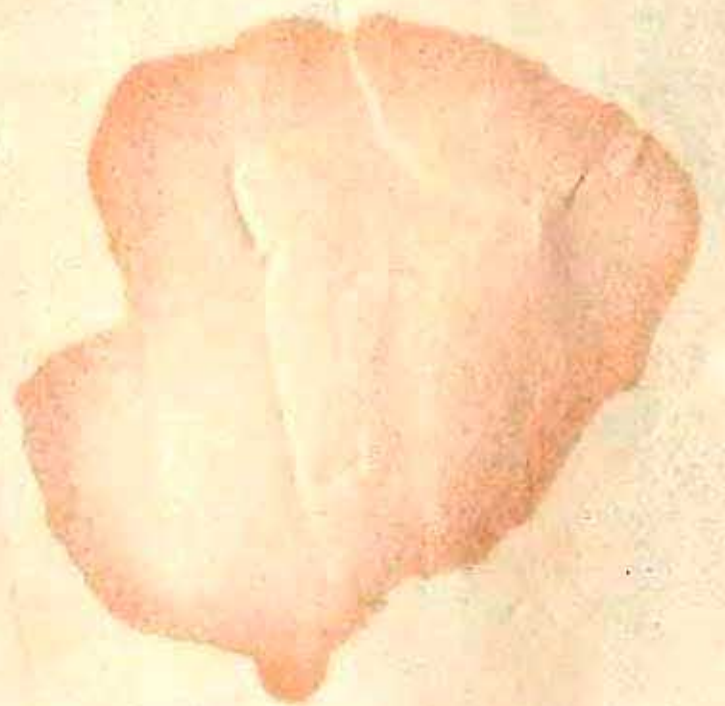
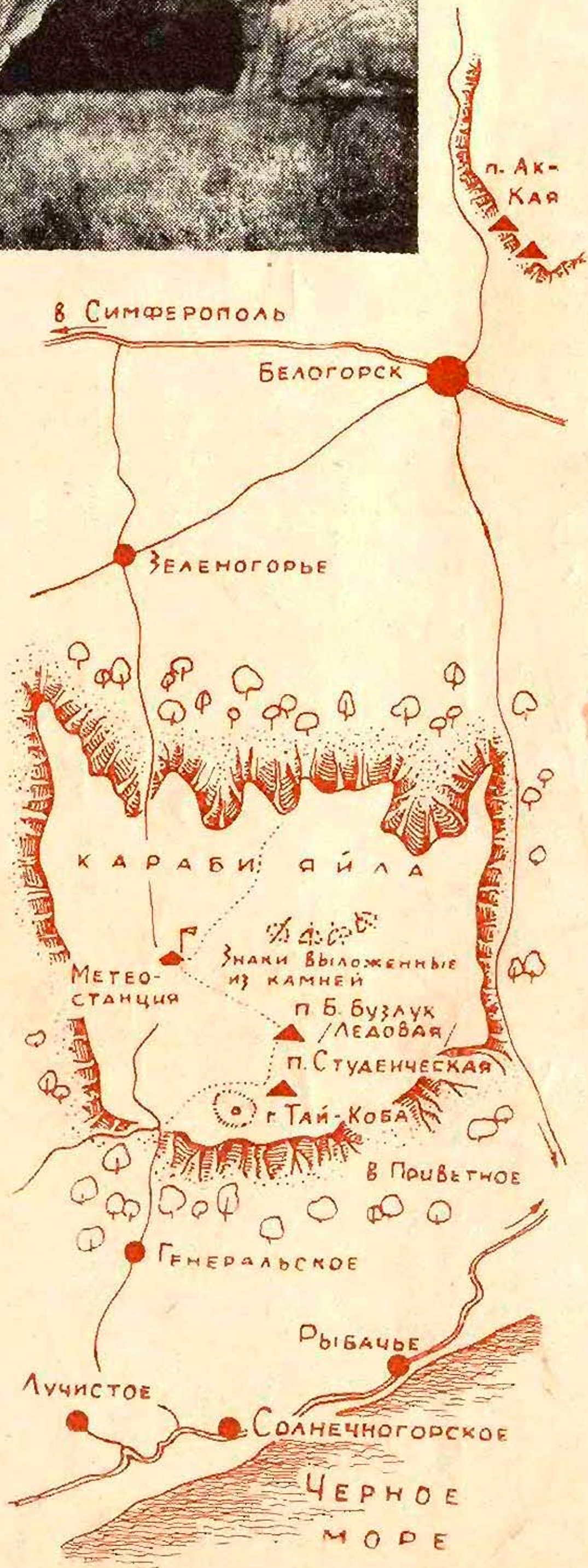
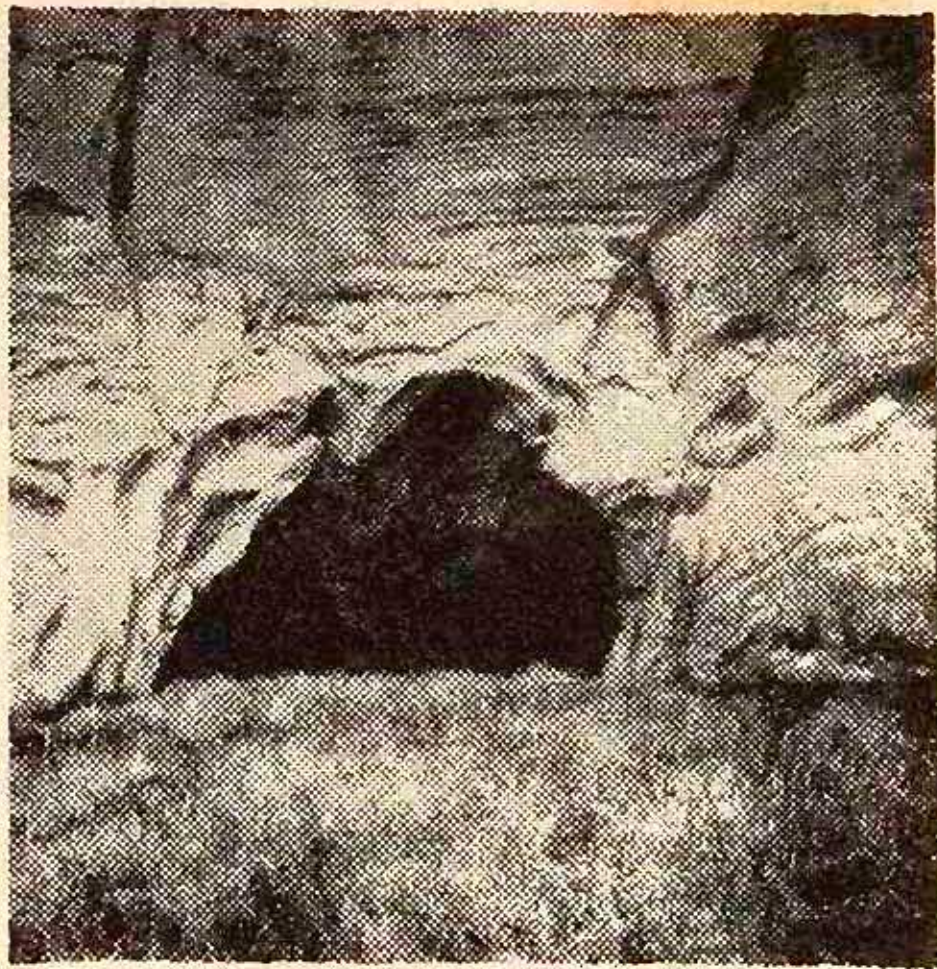
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

В. ДРАЧУК

ШАГ

В НЕВЕДОМОЕ

В. ДРАЧУК

ШАГ В НЕВЕДОМОЕ

Издательство „КРЫМ“
Симферополь — 1971

902.6
Д-72

Книга посвящена наименее изученным памятникам древнего и средневекового Крыма — знакам, рисункам, надписям. Она рассказывает о рисуночном «письме», запечатлевшем дела минувших веков, о таинственных изображениях, которые дошли до нас от тех времен, когда люди еще не знали письменности.

«Шаг в неведомое» — так назвал книгу автор. И вы, читая ее, как бы шагнете в далекое прошлое нашего края.

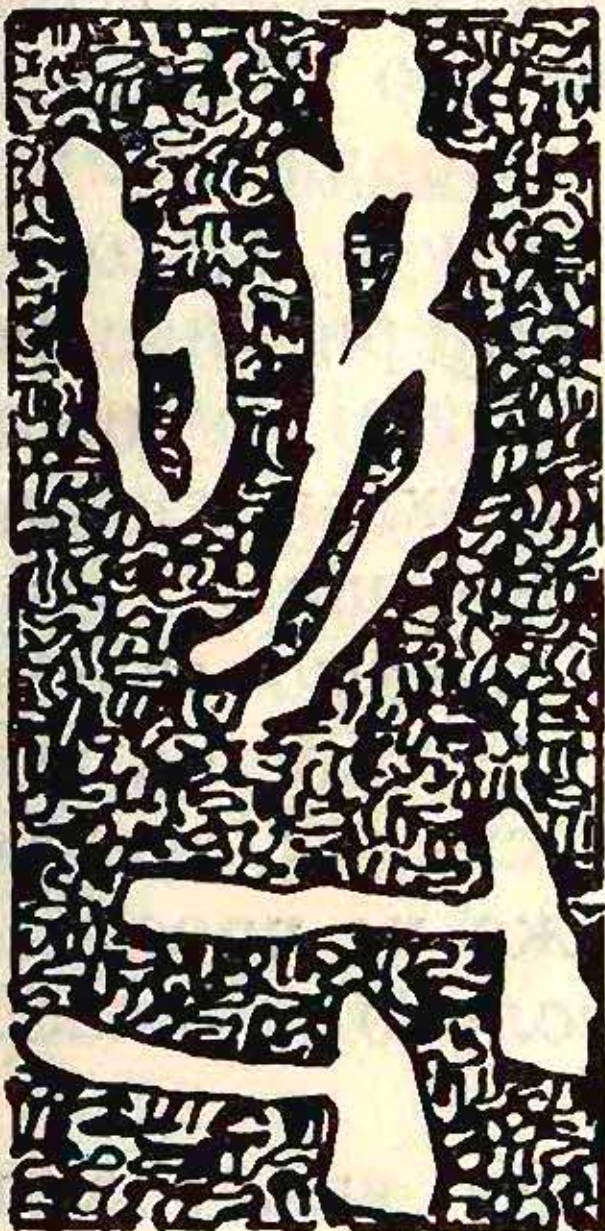
2-8-4
Пол. 336-71

Ответственный редактор
О. И. ДОМБРОВСКИЙ

Говорит Дарайавуш, царь:
«Ты, который в будущие дни
увидишь эту надпись...
или эти изображения, —
не разрушай их,
но оберегай,
пока можешь!..»

*Из надписи персидского ца-
ря Дария (VI в. до н. э.)*

Крымский полуостров, по образно-
му выражению одного русского писа-
теля, — «естественный музей, храня-
щий тайны тысячелетий». Слова эти,
сказанные почти полтора столетия на-
зад, когда Таврида была еще в пол-
ном смысле слова *terra incognita*,*
оказались пророческими. Сегодня с
уверенностью можно сказать, что в
нашей стране, да, пожалуй, и во
всем мире, нет земли, которая была
бы так насыщена памятниками всех
времен и стольких народов.

* *Terra incognita* (лат.) — неизвестная земля.

Не все, к сожалению, знают подлинную ценность этих сокровищ. А ведь долг каждого из нас, будь то ученый-специалист или просто культурный человек, — не только знать наследие прошлого, но и заботиться о его сохранности («... не разрушай... но оберегай, пока можешь!...»).

В этой книжке мы и поведем разговор о наследии прошлого, но не обо всем, а о части, точнее даже — частице, этого наследия — различных, порой «таинственных» изображениях, знаках и начертаниях, оставленных в Крыму многими племенами и народами. Это не просто немые свидетели давно минувших веков, а ценнейшие документы, заключающие в себе определенную информацию.

На протяжении многих тысячелетий — до тех пор, пока не появилась письменность¹, — люди использовали различные изображения для фиксации важнейших событий жизни. Такого рода «письмо» возникло еще в те времена, когда на земном шаре водились мамонты. Ученые называли его «предметным», потому что информация передавалась в нем простейшими изображениями предметов, а также насечками, бугорками и т. п., которые выражали смысловую связь между этими рисунками.

Со временем первобытные коллективы стали крупнее, увеличилась потребность людей в более сложных способах выражения своего отношения к окружающему. Наряду с «предметным» письмом возникает письмо «рисуночное». То, что человек хотел передать другому, он по-прежнему рисовал или вырезал на камнях, скалах, кусках кожи или древесной коры, но это была уже не простейшая («предметная») информация, а довольно сложное повествование, состоящее из ряда «сцен».

Как средство информации изображения выступают и в более позднее время. В пору античности и в средние

века они не только широко распространены, но даже в какой-то степени развиваются параллельно с письменностью. Кое-где применяем их и мы (дорожные знаки и т. п.).

Разыскивая и исследуя древние изображения, расшифровывая их смысл, ученые решают многие загадки истории. В Крыму в этом направлении сделан пока только первый шаг. И книжка, которую вы держите в руках, — впервые предпринимаемая попытка рассказать об этом шаге в неведомое.

* * *

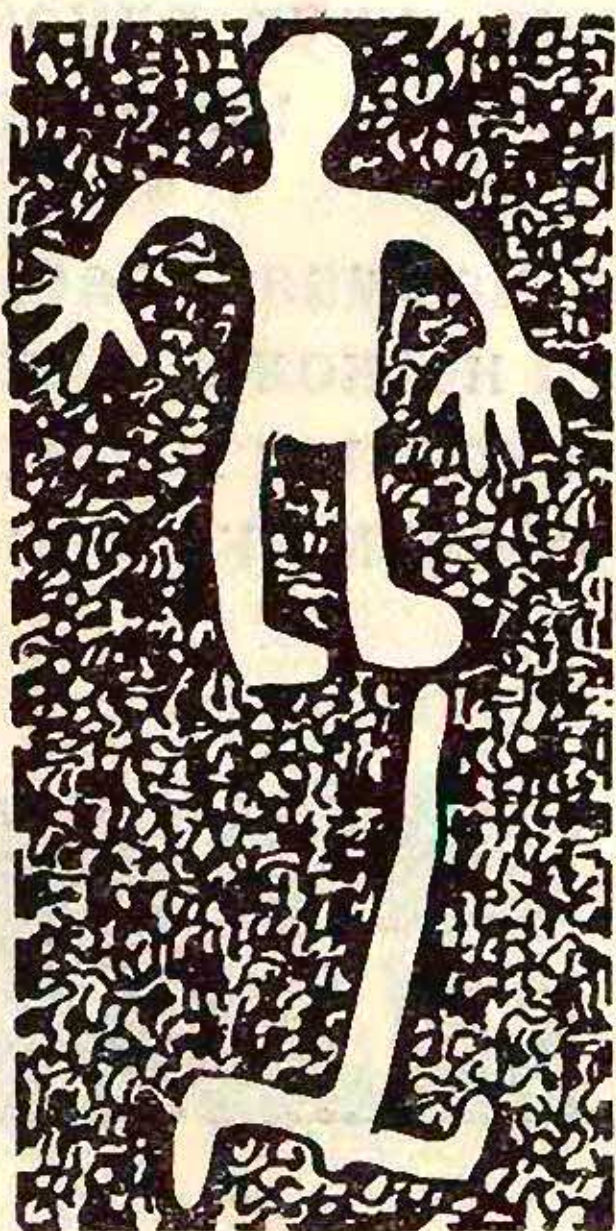
В работе над книгой пришлось обращаться и к древним источникам, и к трудам современных авторов, и к неизданным материалам научных архивов. Ссылки на них, помещенные в конце книги, даны лишь в том ограниченном объеме, какой допускает популярный характер настоящего издания. В действительности же круг одной только научной литературы по этому вопросу намного шире.

Страницы в приводимых трудах мы не указываем потому, что сноски размещены в тексте по несколько необычному принципу: каждая из них относится не столько к какой-либо детали, отдельному факту, сколько к целому кругу освещаемых явлений.

ЗАГАДКИ НА КАМНЕ

Древнейшие знаки и изображения, найденные на крымской земле, относятся к III—II тысячелетиям до н. э., к так называемой эпохе меди-бронзы*. На территории полуострова жили тогда племена четырех основных культур того времени: ямной, кеми-обинской, катакомбной и срубной.

Племена ямной, катакомбной, срубной культур, названные так по типам оставленных ими могил — простых ям, катакомб, срубов, — не были коренным населением полуострова.

* Это время характеризуется распространением выделки орудий труда, оружия, украшений и утвари из меди и бронзы.

Что касается кеми-обинцев, получивших свое условное название от раскопанного в 1957 г. кургана Кеми-Оба (вблизи Белогорска), то вопрос об их происхождении остается пока открытым². Их считают и местными жителями, находившимися в определенном родстве с кавказскими племенами, и выходцами с Кавказа...

Впрочем, как бы ни решился этот спорный вопрос, для нас важно одно: кеми-обинцы при помощи красок, резцов, отбойников весьма искусно запечатлели на камне различные события из своей жизни. Не умея письменно закреплять звуки речи, они научились передавать информацию об окружающем их мире посредством «картинописи», или, как говорят ученые, пиктографии. Образцы этих «письмен» (пиктограмм), дошедшие до нашего времени, представляют собой своеобразные повествования в рисунках. Остановимся подробнее на некоторых из них.

НЕРАСКРЫТЫЕ „ТАЙНЫ“

В 1935 г. на правом берегу реки Качи, на скале Таш-Аир, археологи обнаружили наскальные изображения, растянувшиеся десятиметровой полосой шириной от 1 до 1 1/2 м. Хотя рисунки эти и оказались сильно разрушенными природой, от них все же остались, кроме бесформенных пятен, три группы изображений из 35 фигур³. Это своеобразная запись событий из жизни племени, жившего в долине Качи, ни мало ни много, 4000 лет назад (1)*.

* Цифрами в скобках обозначены ссылки на иллюстративный материал: арабскими — в основном тексте, римскими (в сочетании с арабскими) — в приложениях. Курсивом дана внутренняя нумерация в рисунках и таблицах.

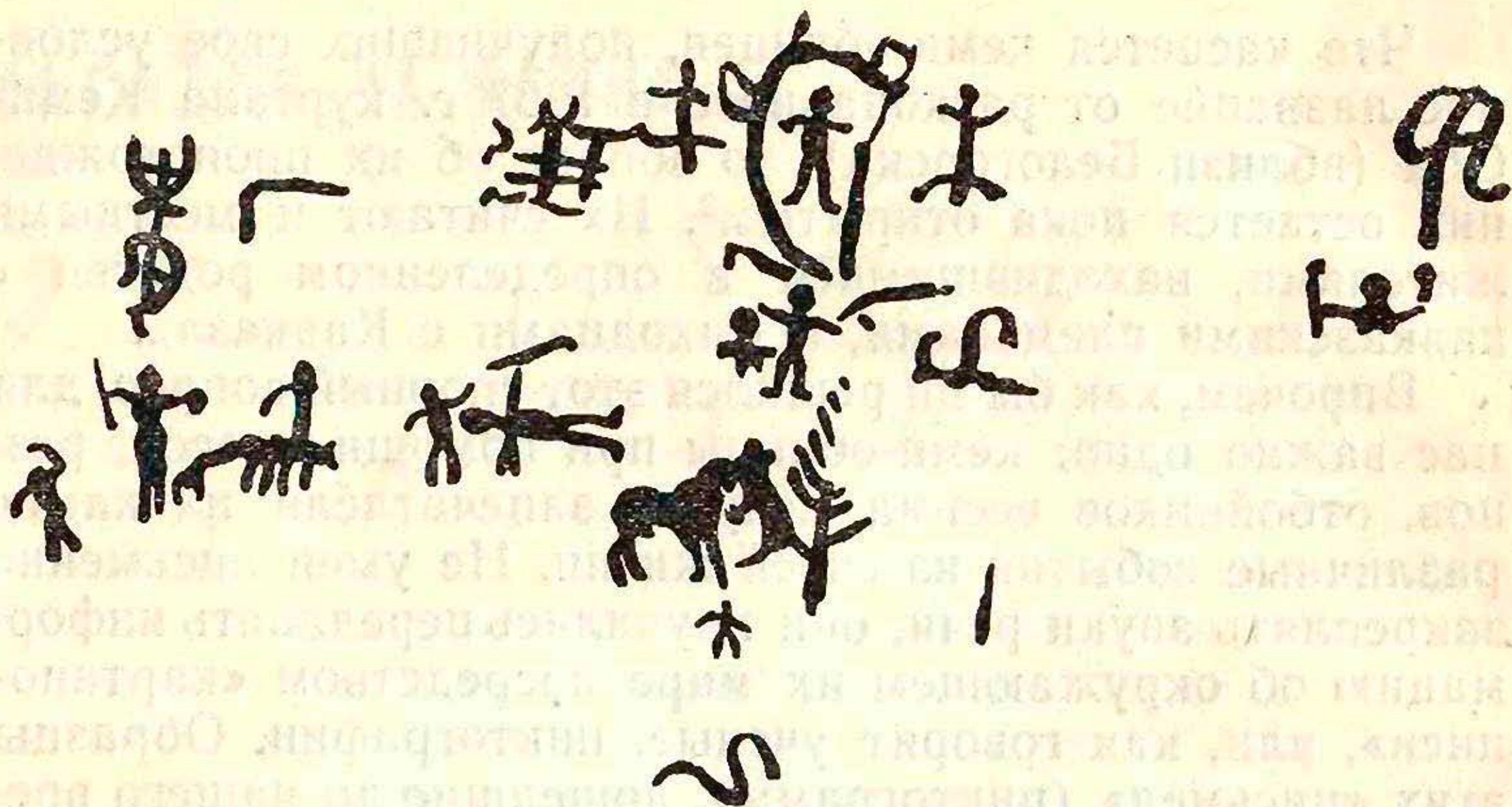

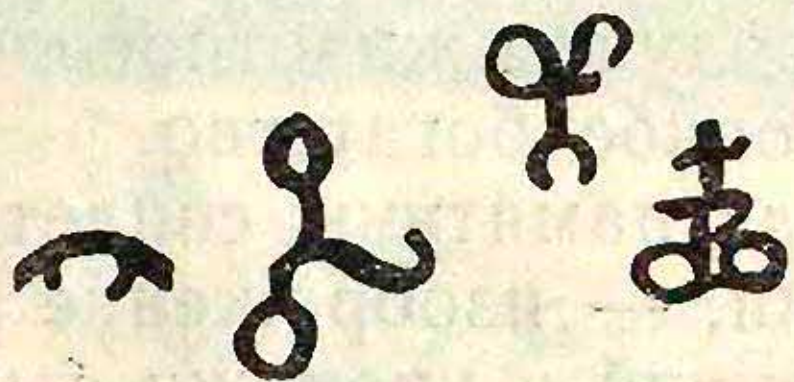
Рис. 1. Рисунки красной охрой на скале Таш-Аир (правый берег реки Качи).

Фигуры вооруженных и безоружных людей, испуганная лошадь у дерева, к которому она привязана, оцетившаяся собака, готовая к прыжку, разрушенные постройки и разбитые повозки... Судя по всему, это рассказ о кровавом столкновении двух первобытных племен.

Как полагают исследователи, в эпоху раннего металла — в III — начале II тысячелетия до н. э. — происходили столкновения между местными жителями и пришлыми племенами, вторгшимися из северных степей. Некоторые, непонятные на первый взгляд, рисунки Таш-Аира можно рассматривать как сильно схематизированные человеческие фигуры, которые служили родовыми знаками. Такого рода стилизация изображений человека известна по многим памятникам этой эпохи в Западной Европе.

С какой же целью пришлые племена нападали на

кеми-обинцев? Ответить на этот вопрос с полной уверенностью едва ли возможно. Одной из причин могло быть стремление к обогащению путем грабежа. О таких нападениях, даже в более позднее, скифское время, сообщает автор II в. н. э. Лукиан Самосатский, передавая рассказ скифа по имени Токсарис: «У нас всегда ведутся постоянные войны: мы или сами нападаем на других, либо подвергаемся нападению, либо вступаем в стычки ради пастбищ и добычи».

Не исключено также, что северные пришельцы намеревались захватить районы горного и предгорного Крыма, заселенные кеми-обинцами. Если это так, кеми-обинский художник запечатлел одну из кровопролитных схваток своих соплеменников в борьбе за родину, за право жить там, где жили их отцы, деды, прадеды...

Как бы то ни было, но одно ясно: война не была главным занятием самих кеми-обинцев. Это были мир-

ные скотоводы и земледельцы. Продукты животноводства и земледелия составляли их основное богатство.

Древние кеми-обинцы оставили памятник, свидетельствующий о характере их занятий, — изображение различных сельскохозяйственных орудий и упряжки быков. Этот единственный пока рассказ о земледелии эпохи бронзы дошел до наших дней на большой известняковой плите (2), найденной в 3 км от Симферополя, в урочище Бахчи-Эли. Длина ее 107 см, ширина 70 и толщина 15 см. На обе стороны верхней части плиты первобытный художник нанес рисунки, а на одной из торцовых ее граней выбил два параллельных ряда чашевидных углублений.

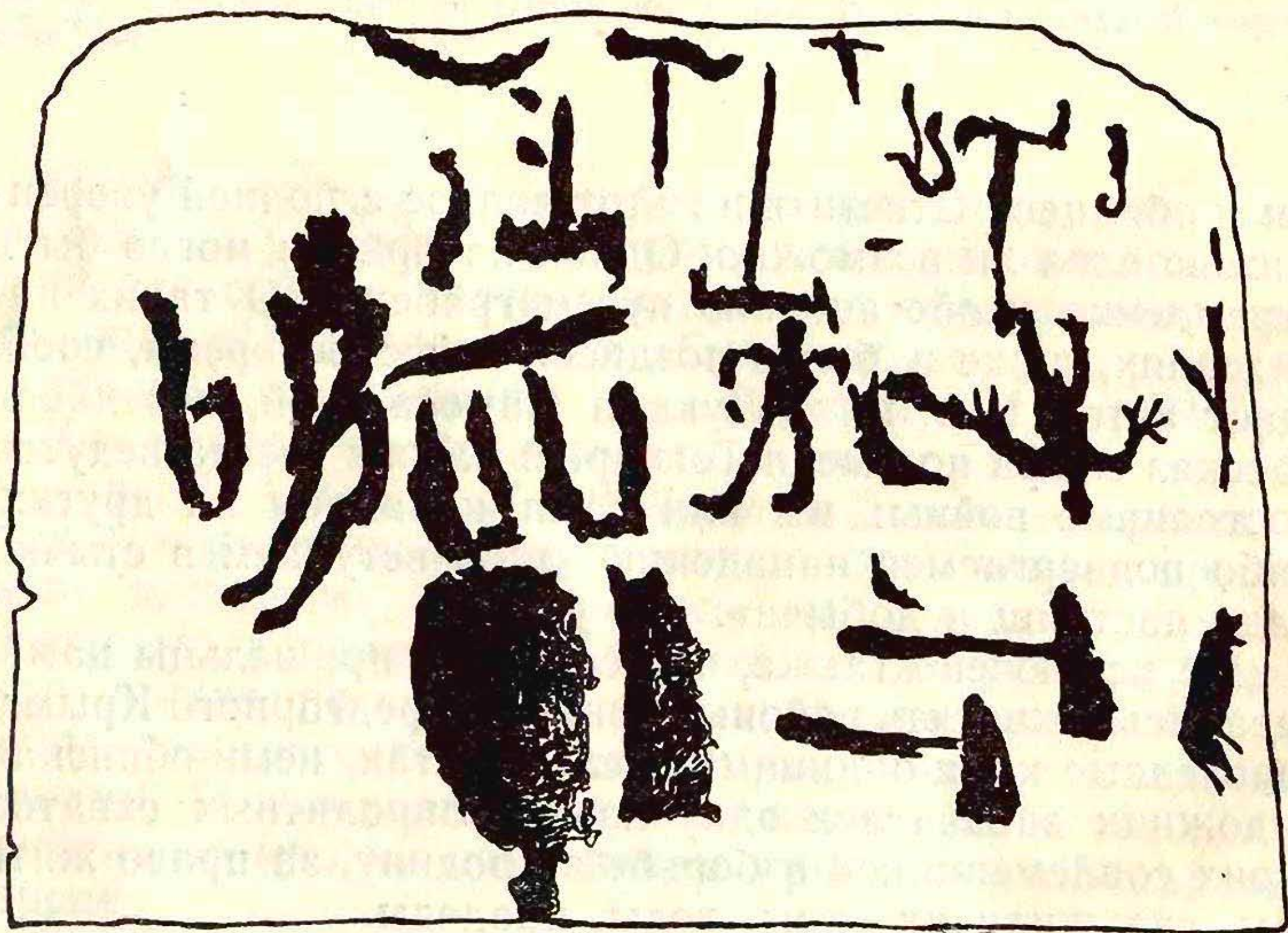
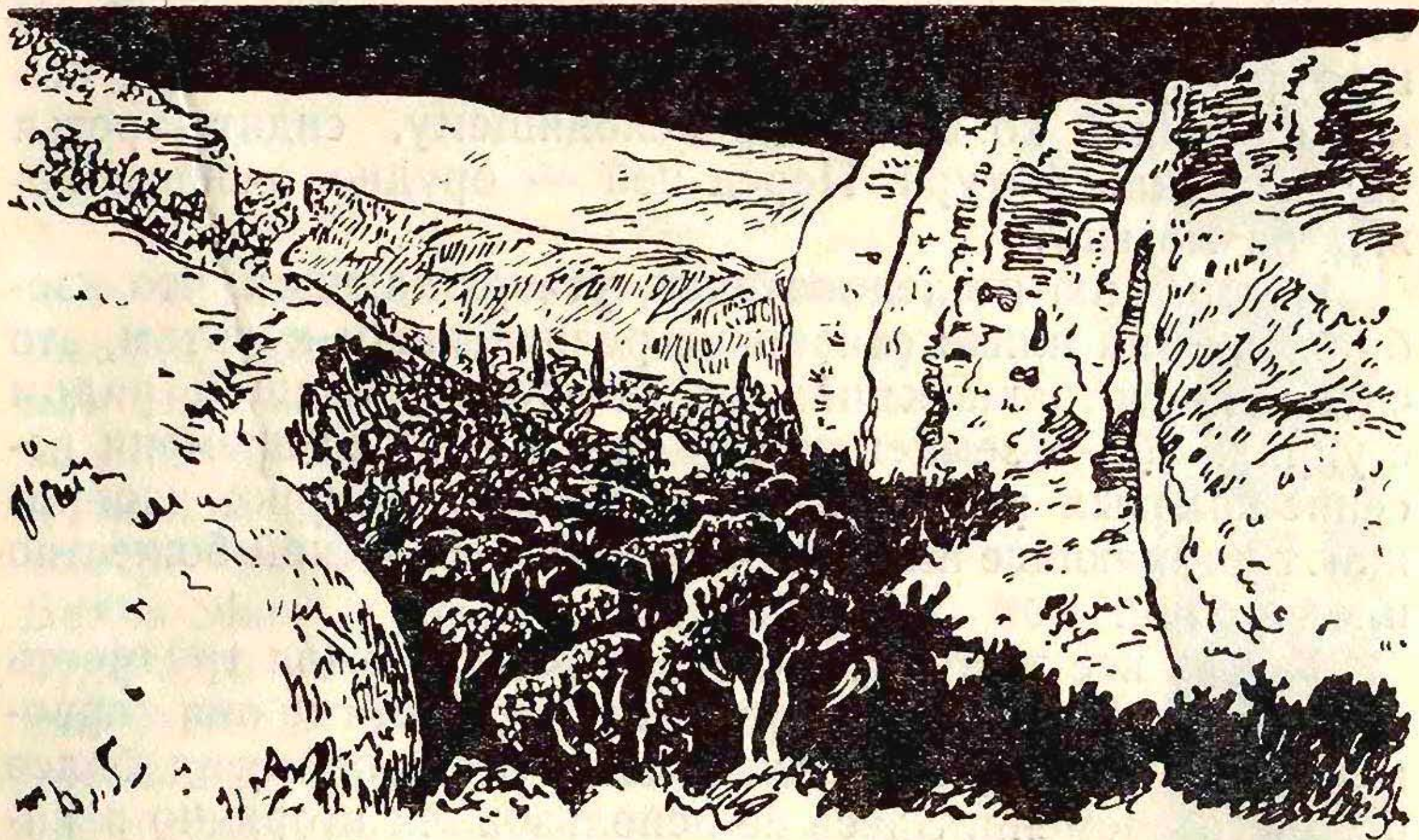

Рис. 2. Изображения, вырезанные на каменной плите из Бахчи-Эли (Симферополь).

Урочище Таш-Аир. Скалы с рисунками III—II тысячелетия до н. э.

Судя по свободной от изображений нижней части, плита возвышалась над землей, венчая, быть может, вершину кургана с погребением. А возможно, как думают некоторые исследователи, она была установлена в каком-либо из местных святилищ.

На трех сторонах плиты изображены топоры, мотыги и другие орудия труда, а на четвертой — целое повествование. Вот фигура человека, изображенного головой вниз. Он — мертв, ибо так в древности изображали мертвых. Рядом — другая, быстро шагающая или бегущая фигура, возможно с серпом или каким-то другим орудием в левой руке. Вверху над ними — два изображения прямоугольных рал*. Тут же — топор, кирка, мотыга,

* Точно такие же рала II тысячелетия до н. э. высечены на скалах близ Фонтанальбы (Швейцария). До недавнего времени ими пользовались и некоторые племена Африки и Латинской Америки.

серпы. А там, куда направляется шагающая или бегущая фигура, мирно стоит упряжка быков. Рядом с быками, спиной ко всему происходящему, сидит третья человеческая фигура. Перед ней — орудие, очень похожее на мотыгу.

По мнению исследователей, утверждающих, что изображения на плите связаны с религиозным культом, это сцена подготовки к пахоте. Человек, сидящий рядом с упряжкой, — землепашец, дожидаящийся времени весенне-полевых работ. Две же другие фигурки изображают умирающее на зиму и оживающее весной божество плодородия.

Так ли все это? Трудно сказать. И главная трудность в том, что археологи нашли плиту не там, где она первоначально стояла, а в одной из грунтовых могил более позднего времени. Здесь ее использовали вторично в качестве обычной каменной плиты для перекрытия погребения. Плита вполне могла венчать и вершину кургана с погребением кеми-обинской культуры. А если так, то на ней могло быть изображено и нечто имевшее непосредственное отношение к погребенному или погребенным.

Подобные случаи в науке уже встречались. Например, на берегу реки Камы археологи нашли каменную надмогильную плиту, на которой были изображены человеческая фигура, кинжал, боевой молот и шейный обруч. Когда же они раскопали погребение, которому оказалось около 2500 лет, то нашли не только скелет погребенного, но и лежавшие рядом кинжал, боевой молот и шейный обруч⁴

Обычай изображать на надгробных плитах то, что имело связь с умершим, был, видимо, не только распространенным, но и очень стойким. Даже в средние века население Крыма на своих надмогильных плитах вырезало наковальни, топоры, пастушеские посохи, плуги

Рис. 3. Надгробная стела из кургана у с. Казанки (Бахчисарайский район).

и т. п., сообщая таким образом, кто именно погребен в могиле — кузнец, плотник, пастух или пахарь. Подобный обычай существовал у ногайских татар и многих других народов. Однако, несмотря на обилие аналогий, плита из Бахчи-Эли — уникальный памятник: не будь этой находки, мы не знали бы о хозяйственной деятельности древнейшего населения Крыма — племен кеми-обинской культуры.

Что касается двух рядов чашевидных углублений на торцовой стороне плиты из Бахчи-Эли, то их назначение хорошо известно. Они служили для сжигания каких-то благовоний — то ли в честь усопшего, то ли в честь божества. Подобные углубления в каменных плитах делались многими народами начиная с глубокой древности. Некоторые племена Центральной Африки, сохранившие в неприкосновенности свой первобытный строй, пользуются и сейчас такими жертвенниками. Нередко сжигания сопровождаются различными обрядовыми плясками и песнями.

Вполне возможно, что и в Крыму культовые сжигания благовоний уже в глубокой древности сопровождались ритуальными танцами. По мнению археолога А. А. Щепинского, такая пляска в честь погребенного кеми-обинца изображена на каменной стеле, найденной в селе Казан-

ки Бахчисарайского района (3). Стела эта представляет собой зеленовато-серую диоритовую плиту высотой 1,45 м, шириной 0,28—0,29 м и толщиной 0,15 м. Верхняя часть плиты оформлена в виде головы, у которой глаза и рот отсутствуют, а нос и брови выделены четким рельефом. Голова, опоясанная едва заметным ободком, переходит в туловище со сложенными на груди руками. А еще ниже, под изображением пояса, древний мастер рельефно вырезал две держащие друг друга за руки человеческие фигурки с широко расставленными ногами. Свободные полусогнутые руки они приподняли над головами. Надо полагать, для людей древности эта сцена заключала в себе некий священный смысл. Доказательством может служить тот факт, что в последнее время археологи обнаружили уже несколько стел с подобным изображением. В будущем новые находки, несомненно, помогут решить этот вопрос.

Ведя разговор о памятниках кеми-обинских племен,

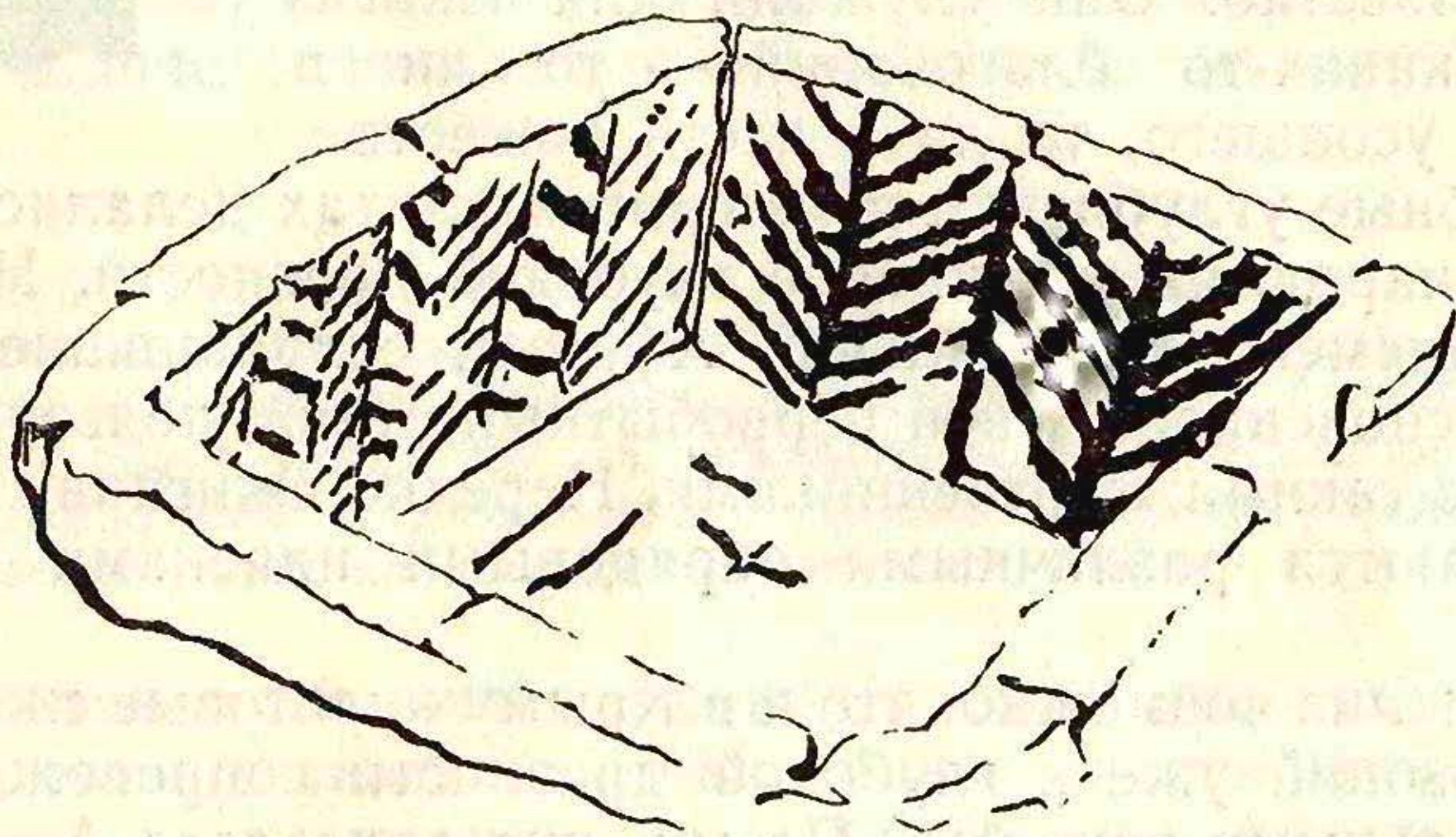

Рис. 4. Роспись погребального каменного ящика из с. Долинка Красноперекопского района.

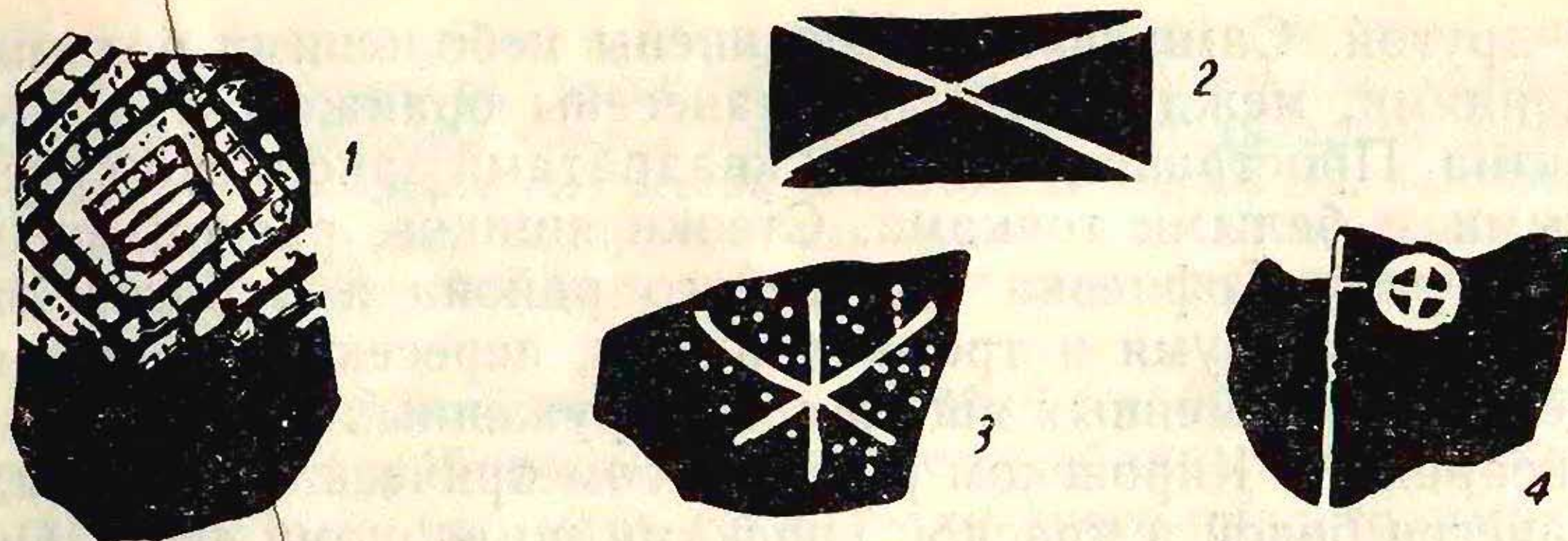

Рис. 5. Плиты из расписных каменных ящиков в курганах Крыма: 1 — из Бахчисарая; 2 — из с. Софиевка Кировского района; 3 — из Белогорска (Кеми-Оба); 4 — из с. Долинное Бахчисарайского района.

нельзя не вспомнить одну особенность их погребального обряда. Кеми-обинцы, хороня усопших в каменных или деревянных ящиках (над которыми насыпался земляной курган), нередко расписывали внутренние стены гробниц геометрическими узорами (4). Наносились узоры красной, черной и белой краской.

Главный мотив росписи — чередующиеся черные и красные полосы, которые, начинаясь от краев плиты, идут своими вершинами к центру. Кроме линий, на некоторых ящиках можно увидеть красные пятна, ромбы, треугольники, кружки, волнистые линии, клетки из красных и белых полос на черном фоне, елочки, нарисованные красной и черной краской. Подобные находки имели место между реками Кача и Альма, в Симферопольском районе — у сел Кояш и Скеля, у поселка Украинка, близ Белогорска и т. д. (5).

На одной из стенок каменного ящика, найденного в окрестностях Бахчисарая, белые полосы нанесены по черному фону так, что образуют квадраты, вписанные один

в другой. Сами полосы соединены небольшими белыми линиями, между которыми нанесены оранжево-красные пятна. Пространство между квадратами заполнено красными и белыми точками. Стенки ящиков, раскопанных близ села Софиевка Кировского района и Белогорска, украшены двумя и тремя линиями, пересекающимися в центре. В каменных ящиках, обнаруженных вблизи Бахчисарая и в Кировском районе, геометрический узор был нанесен белой и красной красками по черному фону. Он выглядел так ярко, будто рука художника нанесла эти ромбы, треугольники, перекрещивающиеся полосы, зигзаги, точки не много веков назад, а всего лишь за несколько дней до раскопок.

Характерно, что на стенках всех найденных в Крыму ящиков с росписью геометрические узоры наносились по какой-то определенной схеме, хотя ни один образец росписи не является полной копией другого. Пользуясь всего лишь тремя красками (черной, красной и белой), создатели узоров наносили свои треугольники, квадраты, ромбы каждый раз в совершенно новых сочетаниях.

Возникает вопрос: зачем было украшать вот так могильные сооружения и притом не снаружи, а изнутри? И ради чего создавали люди эти тяжелые — до двух тонн — ящики, тщательно и с таким трудом подгоняя плиты друг к другу либо соединяя их с помощью сложных врубок?

Исследователи полагают, что сооружение ящиков было связано с представлениями о том, что душа человека после его смерти продолжает жить. А раз так — значит, нужно построить ей достойное жилище, подобное тому, какое имел человек при жизни.

На наш взгляд, вполне допустимо, что каменные ящики были своеобразной моделью жилищ. Такие погребальные сооружения с начала III тысячелетия до н. э. распространяются на огромных тер-

риториях Европы, Азии и Африки. Позже, с развитием первых цивилизаций древности, люди начали строить настоящие «дворцы мертвых» с большим числом помещений, где складывались запасы продуктов, всевозможная утварь и прочее. В Сирии же, на берегу Средиземного моря, обнаружен настоящий «город мертвых» середины II тысячелетия до н. э. В нем был даже... водопровод!..⁵

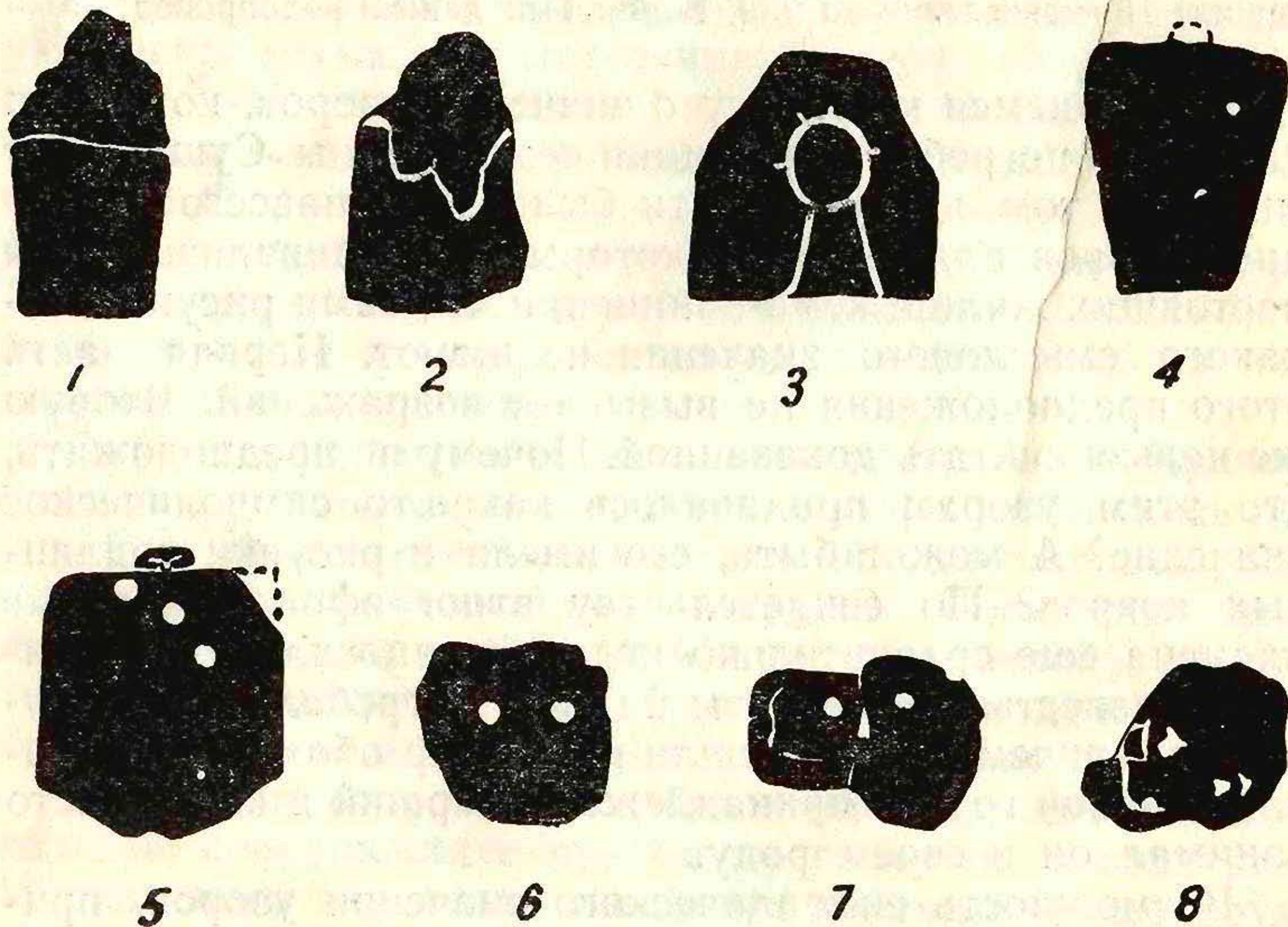
Но вернемся к вопросу о значении узоров, которыми украшали погребальные ящики кеми-обинцы. Существует мнение о том, что узоры эти были всего-навсего имитацией ковров или циновок, которыми увешивались стены настоящих жилищ кеми-обинцев, и что сами рисунки никакого смыслового значения не имеют. Первая часть этого предположения не вызывает возражений. Вторую же нельзя считать доказанной. Почему не предположить, что этим узорам придавалось какое-то символическое значение? А может быть, его имели и рисунки подлинных ковров? По свидетельству этнографов, некоторые племена еще сравнительно недавно наносили охрой, сажей и известью орнаменты на свои погребальные сооружения, причем у них тот или иной узор обозначал, к какой родовой группе принадлежал умерший и какое место занимал он в своем роду.

Возможность символического значения узоров, применявшихся кеми-обинцами, подтверждается и таким, на первый взгляд отдаленным, примером, как татуировка или раскраска тела цветной глиной, сажей и известью. До сих пор различные племена вкладывают в эти украшения не только определенный смысл, но и магическое значение.

Следует отметить, что у ряда народов черная, красная и белая краски с древнейших времен и до недавнего времени были традиционными для рисунков символического значения. Уже в самом начале III тысячелетия до н. э. мы встречаем их в междуречье Тигра и Евфрата в святилище Инанны — богини древних шумеров, самой

Рис. 6. Древние антропоморфные стелы и изображения из степного Крыма: 1—3, 8—10 — из окрестностей Евпатории; 4 — из с. Емельяновка Нижнегорского района; 5 — из Симферопольского района; 6, 7 — с Керченского полуострова.

древней, известной по письменным источникам, богини-матери. Стены древнего святилища украшала мозаика из черных, красных и белых полос. Еще пример: вся стена раскопанного в верховьях Тигра дворца XIII в. до н. э. с изображениями местных божеств была окрашена в красный цвет, на фоне которого ярко выделялись узоры из чередующихся черных и белых полос. А у североамериканских индейцев каждый из этих цветов сохранял до недавнего времени особое, строго определенное значение: красный напоминал о войне, черный — об опасности или вражде, белый — о благоденствии.

9

10

Как уже говорилось, кроме кеми-обинцев, в эпоху меди-бронзы на территории Крыма поселились пришлые племена ямной, катакомбной и срубной культур. Ни одно из этих племен не оставило нам памятников, подобных описанным выше, но и они прибегали к различным способам наглядного отображения действительности⁶.

Так, соседи кеми-обинцев — жители древнеямной культуры, обитавшие в степном Крыму в III — начале II тысячелетия до н. э., изображали обычно умерших со-родичей в виде примитивных антропоморфных* изваяний (6). Нередко в подобных случаях естественный камень подвергался лишь незначительной доработке. Иногда же на плоской стороне плиты высекалось схематическое подобие человеческой фигуры либо изображение лица. Такие надгробия найдены близ Евпатории, у села Емельяновка Нижнегорского района, близ Симферополя.

---

* Антропоморфный (от греческих слов *antropos* — человек, *morphe* — вид, форма) — напоминающий своим внешним видом человека.

К концу III тысячелетия до н. э. у населения дрезне-ямной культуры появляются плоские антропоморфные стелы, которые устанавливаются на курганах. Изваяния эти имеют глаза, нос, рот, руки. А на стеле женщины древний ваятель изобразил и груди. Такие стелы археологи нашли на Керченском полуострове.

Однако если эти памятники говорят сами за себя и не представляют особых загадок для археологов, то другие находки этой эпохи, отличающиеся от кеми-обинских и принадлежащие, возможно, племенам катакомбной культуры, остаются неразгаданными и по сей день. У села Денисовка Симферопольского района был найден ничем не примечательный (на первый взгляд) обломок каменной плиты. Но на его лицевой стороне сохранились следы нескольких врезанных линий. Как понимать эти линии? Какой смысл вложил в них тот, кто их вырезал? Решить это могут только новые находки аналогичных памятников, их сопоставление и изучение.

Примером таких, еще не понятых нами изображений могут послужить следы человеческих стоп, высеченные на плоских сторонах плиты, найденной в кургане у поселка Марьино близ Симферополя. Подобные же «следы» встречены археологами на очень больших территориях и на самых различных памятниках⁷. Многие ученые, как у нас, так и за рубежом, неоднократно пытались приподнять завесу таинственности над этими загадочными изображениями. Однако к единому выводу они так и не пришли.

Приведем два примера. В 1911 г. в Северной Испании в пещере Пасьега были найдены наскальные изображения, в том числе двух человеческих ступней. Известный историк письменности Г. Йенсен говорит о них следующее: «Две человеческие ступни... вероятно, символизируют понятие «идти в пещеру». А вот как объясняет другой ученый, Г. Федоров, изображение человеческих стоп на мраморной

плите, найденной в древнеримском городе Остия: «В храме богини войны Беллоны стоит мраморный ритуальный (культовый) камень. На нем изображены следы двух пар здоровенных мужских ног, идущих в противоположных направлениях. Это солдат, вернувшийся невредимым из какого-то тяжелого похода, счел нужным именно так поблагодарить богиню — спасибо, дескать, с чем ушел, с тем и пришел, все в порядке!»⁸.

Как видим, приведенные аналогии ничего не разъясняют: смысл подобных изображений по-прежнему остается загадкой.

Некоторые исследователи полагают, что плита, найденная в Марьино, имела культовое назначение: ведь на ней, кроме человеческих стоп, были вырезаны чашевидные углубления, те самые, которые, как упоминалось выше, использовались для сжигания благовоний или возлияний в честь божества. Что же касается изображений самих стоп, то вопрос об их смысле ждет еще своих исследователей.

СИМВОЛЫ БЕССМЕРТИЯ

Как ни велико различие между памятниками изобразительного искусства кемибинцев и других племен, обитавших в Крыму 4—5 тысяч лет назад, было бы неверно утверждать, что между ними нет ничего общего. Дело в том, что, кроме упомянутых выше, был еще один вид символических изображений — наиболее почитаемых, которым в одинаковой мере поклонялись все племена, — изображения солнца. С древнейших времен во многих странах земного шара в качестве «знаков солнца» использовались различные комбинации кругов с крестами, просто круги или кресты. Точно так изображало солнце и население Крыма в эпоху меди-бронзы. Техника же выполнения изображений была разной.

На скале навеса Таш-Аир I близ с. Предущельное и на стенке каменного ящика, обнаруженного близ села Долинное Бахчисарайского района, кеми-обинские художники изобразили солнце красной охрой в виде круга с перекрещивающимися в центре под прямым углом полосами (I, 35; 5, 4). Солнечный знак аналогичного начертания высечен на обломке известняковой плиты, раскопанной в одном из курганов вблизи Симферополя. А на бронзовом литом топоре рубежа II—I тысячелетия до н. э., найденном около Керчи (7), солнечный знак в виде нескольких заключенных друг в друга

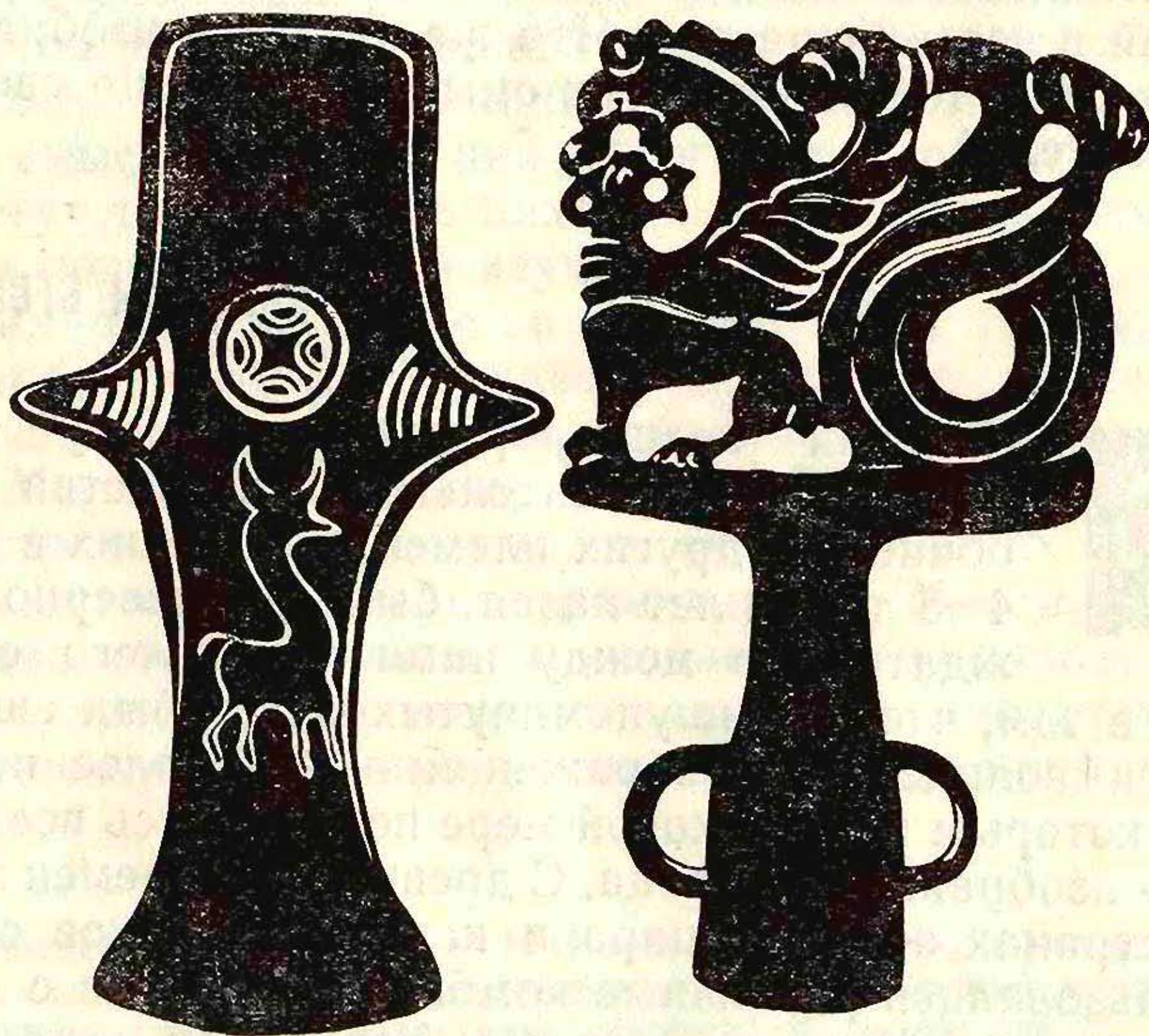

Рис. 7. Культовый бронзовый топорик из окрестностей г. Керчи и скифское навершие жезла, найденное в Присивашье.

дисков (с крестом внутри наименьшего) изображен рельефно выпуклыми линиями.

Особый интерес представляют два последних примера, ибо и на обломке каменной плиты, найденной в окрестностях Симферополя, и на бронзовом топоре из Керчи солнечные изображения сопровождаются еще и другими. Так, на плите за пределами очертаний солнца имеется пять чашечковидных углублений и несколько углубленных линий. Шестое чашечковидное изображение находится в самом центре солнечного знака, в том месте, где перекрещиваются две линии, разделяющие круг на четыре части. Все это неоспоримо свидетельствует о культовом назначении плиты. Что касается чашечковидного углубления в центре солнечного знака, то очень заманчиво, по нашему мнению, допустить, что оно предназначалось для возлияний или сжигания благовоний в честь самого солнечного божества.

На бронзовом топоре из Керчи ниже солнечного знака изображено рогатое животное, очень похожее на быка с длинной шеей. Некоторые исследователи считают, что этот топор тоже, возможно, был культовым и служил для умерщвления жертвенных животных при совершении определенных культовых обрядов. Обычай же умерщвления жертвенных животных на территории Крыма в эпоху меди-бронзы существовал бесспорно: об этом свидетельствуют многочисленные археологические данные.

Но почему же наши далекие предки, поклоняясь небесному светилу, изображали его в виде кругов и перекрещивающихся линий?

В настоящее время вопрос этот решен. В круге, символизовавшем солнечный диск, древние помещали другой знак — крест, служивший символом огня. Вспомним, что с древнейших времен одним из распространенных способов добывания огня было трение двух перекрещи-

вающихся палок. А о том, какую роль играл огонь в жизни человека, говорить не приходится. Тем более—огонь небесный.

3500 лет тому назад египетский фараон Аменхотеп IV (Эхнатон), мыслитель и религиозный реформатор, сказал, обращаясь к своему народу: «Я объясняю вам, что не существует бога, который хотел бы, чтобы его прославляли кровью и жертвами... Существует только один бог, который стоит над всеми и который властвует над нашей судьбой. Наш бог — Солнце, само Солнце, которое все создало!..»⁹.

НА ЗАРЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Так называемый железный век*, сменивший эпоху меди-бронзы, с первых столетий был насыщен бурными историческими событиями. Вторгшаяся в Приазовье и Причерноморье (а затем и в Крым) лавина скифов столкнулась в Крыму с местным, киммерийским и таврским, населением. Вслед за скифами на территории полуострова появляются новые племена — сарматские. Почти одновременно со всеми этими событиями южные земли всего Причерноморья впервые соприкоснулись с одной из величайших цивилизаций мира — греческой.

Согласно новейшим археологическим данным, киммерийцы произошли от племен так называемой срубной культуры, населявших южные степи Украины в конце II — начале I тысячелетий до н. э.

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет

---

* В Крыму он начинается примерно в VIII в. до н. э.

Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих,—

пел знаменитый древнегреческий певец Гомер о северных берегах Черного моря в начале I тысячелетия до н. э.

Происхождение тавров и скифов еще полностью не выяснено. Часть исследователей считает скифов потомками племен срубной культуры, живших в районе Нижней Волги. В VIII в. до н. э. скифы, двигаясь на запад, частично вытеснили киммерийцев с занимаемых ими территорий, а частично подчинили их своему влиянию. Древнегреческий историк Геродот, посетивший в V в. до н. э. Северное Причерноморье, оставил следующий рассказ об этих событиях¹⁰. Киммерийцы совещались между собой, как быть, ввиду многочисленности скифского войска. По мнению народа, следовало покинуть страну, чтобы не подвергать себя опасности. Цари же предлагали сражаться, «памятуя блага, какими киммерийцы пользовались на родине, а также и те бедствия, какие ждали их в чужбине». Так или иначе, теснимые скифами, киммерийцы ушли из своей страны.

О таврах же греческий географ Скимн Хиосский (I в. до н. э.) писал, что это «народ многочисленный и любит кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилостивляют богов нечестивыми деяниями»¹¹. В сообщении этом ничего не сказано о происхождении тавров. Однако сравнительный анализ памятников киммерийских, таврских и кеми-обинских, а также памятников древнего населения Центрального и Западного Кавказа, низовьев рек Дуная и Днестра — областей, во все времена экономически, этнически и культурно связанных с Крымом, позволяет предположить, что

основной составной частью раннетаврского населения были упомянутые выше кеми-обинцы.

Древние авторы оставили прямые свидетельства существования разных племен тавров, которые они называют царствами. Вот что, например, писал историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин: «Разделенные на различные царства тавры, между которыми особенно страшны своей чрезмерной грубостью арихи, синхи и напей, свирепость которых усилилась вследствие продолжительной безнаказанности; они-то послужили причиной названия моря Негостеприимным» (так называли тогда Черное море)¹².

По сведениям древних авторов, тавры занимали территорию от Керкинитиды (Евпатории) до Скалистого полуострова (Керченского). Позже кочевники-скифы оттеснили их в горную часть Крыма.

Сарматские племена, появившиеся в Причерноморье в конце III в. до н. э. и слившиеся с поздними скифами были, видимо, потомками населения бронзового века Сибири, Западного Казахстана и Приуралья — носителей культуры, получившей у археологов условное название андроновской. В этническом отношении и скифы и сарматы принадлежали к родственной группе ираноязычных племен. Геродот, путешествовавший по Северному Причерноморью 2500 лет назад, писал по этому поводу, что савроматы (сарматы) «говорят на скифском языке, но издревле искаженном». Причину искажения он отыскивает в местной легенде о происхождении савроматов от скифов и воинственных амазонок. На самом деле савроматы состояли в несколько иной, более отдаленной степени родства со скифами, а их обычаи, ставившие женщин в положение, равное с мужчинами, можно расценить как пережиток матриархата.

Какие же изображения и символы оставили после себя киммерийцы, тавры, скифы и сарматы?

Киммерийские памятники Крыма еще мало изучены. Вероятно, и у киммерийцев были различные изображения символического характера. Известны же пока в Крыму лишь резные изображения солнца на костяных изделиях, найденных в киммерийском погребении VII в. до н. э. у села Зольное близ Симферополя.

О символических изображениях тавров мы знаем больше. Так, возле Гаспры тавро-скифская археологическая экспедиция раскопала каменный ящик VI—V вв. до н. э., стенки которого были украшены черно-красной «геометрической» росписью. Известны и более древние «шедевры», например изображение человеческого лица на горшке IX—VIII вв. до н. э. из раскопок таврского поселения на горе Уч-Баш вблизи Инкермана.

Недавно в одной из пещер на западных отрогах горы Северная Демерджи* открыты высеченный на скале крест и примитивное рельефное изображение человеческого лица. Экспедиция Института археологии АН УССР установила, что в пещере находилось святилище VII—VI вв. до н. э.

Особый интерес представляют две деревянные палочки с фигурными выступами в верхней части, обнаруженные в аналогичном пещерном святилище Ени-Сала II на одном из западных отрогов Долгоруковского нагорья, невдалеке от Симферополя. Как предполагают некоторые исследователи древнего Крыма, в этих изделиях следует видеть схематизированные изображения людей и животных. Не менее схематичны антропоморфные

* Имеется в виду пещера МАН (см. о ней также на стр. 66).

надгробные памятники тавров, найденные в горном Крыму. Для них подбирались камни, естественная форма которых напоминала бы голову и торс человека.

Скифы, культура которых стояла на более высокой ступени развития, высекали из камня настоящие фигуры воинов, одетых в кафтан или панцирь. Как правило, на широком поясе изображен горит (футляр для лука и стрел) и короткий меч; в правой руке — ритон (сосуд в виде рога). Подобные фигуры скифских воинов встречаются в степном Крыму.

Этими памятниками, однако, далеко не исчерпывается все то, что принесли с собой на крымскую землю скифы. Скифские художники любили изображать различных зверей и птиц, нередко самых причудливых и необычных, созданных фантазией человека. На поделках из кости и бронзы, золота и серебра скифы стремились как можно выразительнее запечатлеть образ животного, передать быстроту его бега, силу, свирепость. Характерные детали особенно занимали скифа-художника и выписывались им с исключительной тщательностью и реализмом.

Встречаются в скифском искусстве и сцены борьбы мифических и реальных животных. А в иных случаях вместо целого животного символически изображалась часть его: копыто, клюв, глаз, голова, коготь... Изображения, выполненные в этом стиле (уже давно прозванном учеными метким словом «звериный»), археологи находят в Крыму, чаще всего на территории Керченского полуострова и в степных районах Присивашья¹³. В погребении на горе Темир вблизи Керчи найдены самые древние в Европе образцы скифского «звериного» стиля — головки грифонов, сделанные из кости, а в знаменитом кургане Куль-Оба, тоже в окрестностях Керчи, — родственные по стилю изделия из золота (8).

Какое значение имели для скифов изображения зверей? Где кроются корни этого стиля?

Возможно, изображения тех или иных животных или их частей были своеобразными родовыми знаками скифов, по представлениям которых каждый род произошел от какого-либо животного — прародителя, именуемого тотемом¹⁴. К этому пришли многие ученые различных стран. Звериные мотивы в искусстве начинают вырождаться еще до нашей эры, постепенно отходя на второй план и в значительной мере утрачивая свой первоначальный, тотемистический смысл. С приходом же в Причерноморье сарматских племен первое место в ряду символических изображений занимают сарматские знаки, широко распространившиеся не только в Крыму, но и на огромных пространствах юго-восточной Европы (I, 21—87, 89—120; II, 121, 123—240)¹⁵.

Особенно большое количество знаков появилось в первые века нашей эры, одновременно с разложением родоплеменных отношений, выделением из рода семьи и сосредоточением богатств в руках отдельных лиц. Их ставят на различных ремесленных изделиях и бытовых предметах, на надгробных памятниках и каменных плитах, на скалах и монетах¹⁶. Самым же удивительным оказалось то, что, несмотря на большой схематизм и геометричность форм, сарматские знаки обязаны своим

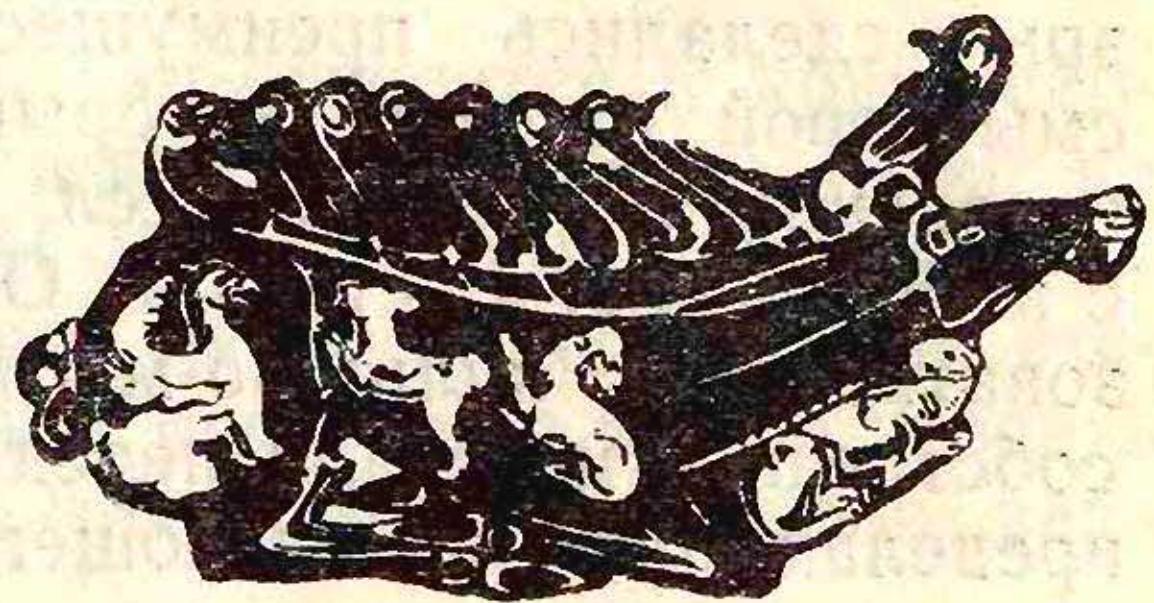

Рис. 8. Скифский золотой олень из кургана Куль-Оба близ Керчи.

происхождением тем же представлениям глубокой древности, которые породили «звериный» стиль, — представлениям о животных как прародителях человека. Разобраться в механизме возникновения сарматских знаков из реалистических изображений животных помогают этнографические данные.

Возьмем, к примеру, угров с Оби¹⁷. Советский этнограф В. Н. Чернецов рассказывает, что вогул из деревни Ляпина Петр Кукин принадлежал к роду, тотемом («прародителем») которого считался филин. Поскольку род Кукина отделился в свое время от основного рода, его родовым знаком стало не схематическое изображение целой птицы, а только части ее — лапы. Когда же из рода выделился сам Кукин со своей семьей, он, считавшийся из-за сиротства сыном своего рода, оставил по традиции в своем личном знаке ту же лапу филина, изображавшуюся в виде трех маленьких линий, соединенных под равными углами в одной точке. Младший брат Кукина для отличия прибавил к знаку отросток вверху, в том месте, где линии соединялись в одной точке. В другой же линии Кукиных одна из боковых черточек вообще исчезает, и хотя они еще осознают свою принадлежность к роду «филина», однако новый знак, в силу большего сходства со стрелой, нежели с лапой птицы, получает название «стрела».

Это — классический пример исчезновения тотемного названия и появления индивидуальных условных знаков и названий, взятых из обыденной жизни. А еще со временем, как свидетельствуют этнографические примеры, прототипами подобных знаков становятся изображения предметов быта. Тотемистическая же основа их совершенно забывается.

Хотя сарматские знаки по своему значению были сперва родовыми, семейными, а в первые века нашей эры сделались преимущественно личными знаками, смысловой оттенок, который они обретали в каждом отдельном случае, зависел, возможно, и от того, где и с какой целью их ставили. Они, например, могли использоваться и с культово-магической целью, и как знаки собственности, и для передачи каких-либо сведений (в пределах племени, знающего их смысл).

Сравнительно недавнее прошлое сохранило любопытнейший документ, написанный первобытными родовыми знаками, — коллективное прошение семи племен американских индейцев Конгрессу США на предмет разрешения рыбной ловли в четырех небольших озерах¹⁸. Индейцы в своем прошении нарисовали шесть различных животных и одно мифическое существо. Так они обозначили, от кого исходит их совместное обращение к властям. Рядом с изображениями тотемов — четыре кружка, символизирующих озера и соединенных линией. На каждой из фигур тотемов индейцы нарисовали глаза и сердца, тоже соединив их линиями — в знак своего полнейшего единства. Из глаз тотема по имени Ошканабис (журавль), который представлял самое сильное и многочисленное племя, возглавлявшее союз всех семи племен, исходило еще две линии: одна вела к озерам — объекту их общей просьбы, другая — к Конгрессу...

Еще до революции ученые и любители-археологи обратили внимание на насыщенность долины реки Карасу различными археологическими памятниками. В наши дни особое внимание привлекли две пещеры в отвесных скалах вблизи Белогорска, на стенах которых исследователи обнаружили загадочные знаки. В одной из них (Ак-Кая I) знаки были нанесены вдоль левой стены (9).

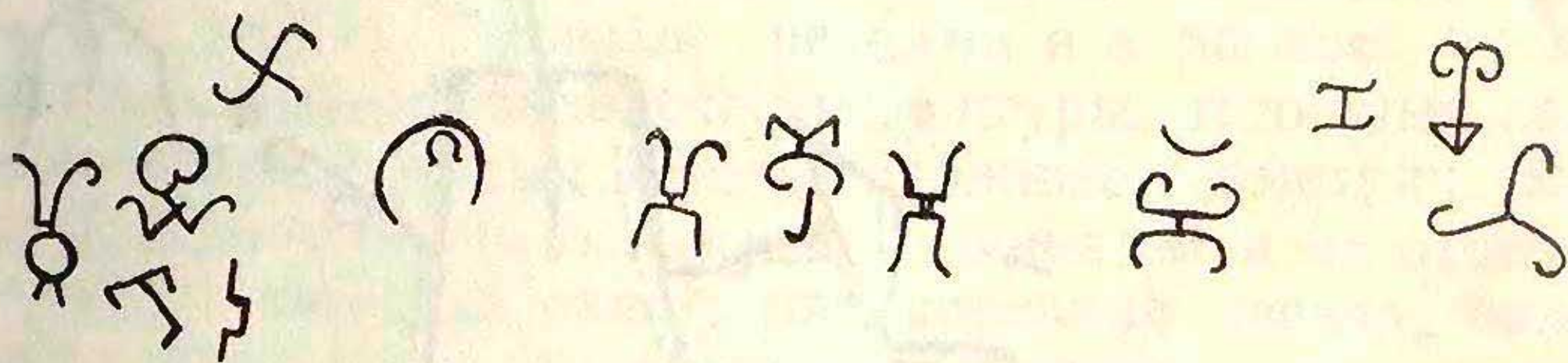

Рис. 9. Сарматские знаки на стене пещеры Ак-Кая I (Белогорск).

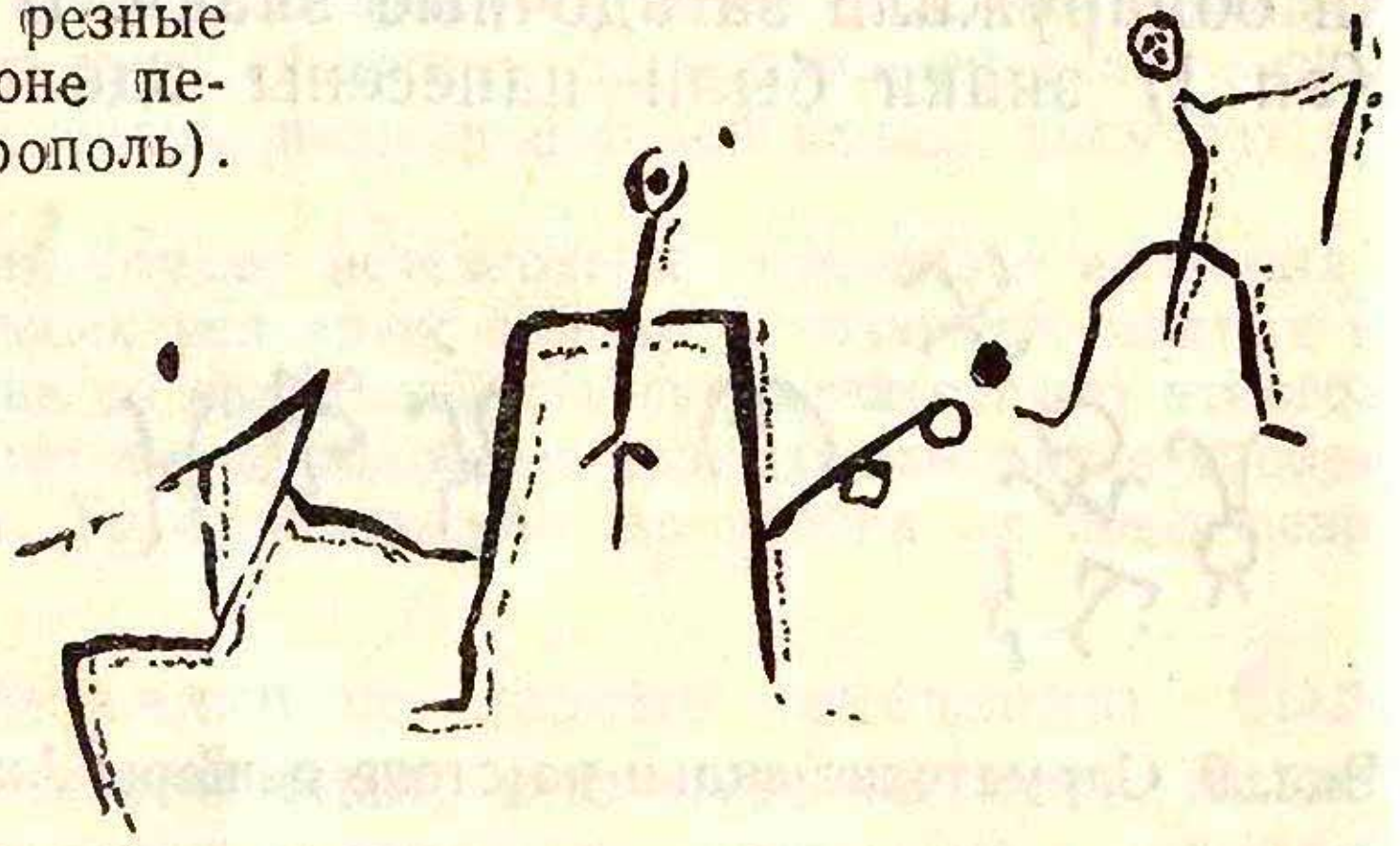
Исследование показало, что они относятся к кругу сарматских. Сарматскими оказались и некоторые знаки на стене другой пещеры — Ак-Кая II. По этнографическим данным, подобные знаки часто наносились на стенах жилищ или хозяйственных построек с целью указать их хозяев. В данном случае это наиболее вероятно: ведь

знаки в пещерах Ак-Кая нанесены явно в разное время, разными людьми, разными резцами; а то, что пещеры были использованы под жилье или с хозяйственной целью, подтверждается и наличием перед ними культурного слоя с керамикой, а также высеченными в камерах уступами и балочными гнездами. Некоторые знаки пещеры Ак-Кая II, близкие по своему начертанию, свидетельствуют о заселении ее на протяжении длительного времени представителями одной семьи или рода.

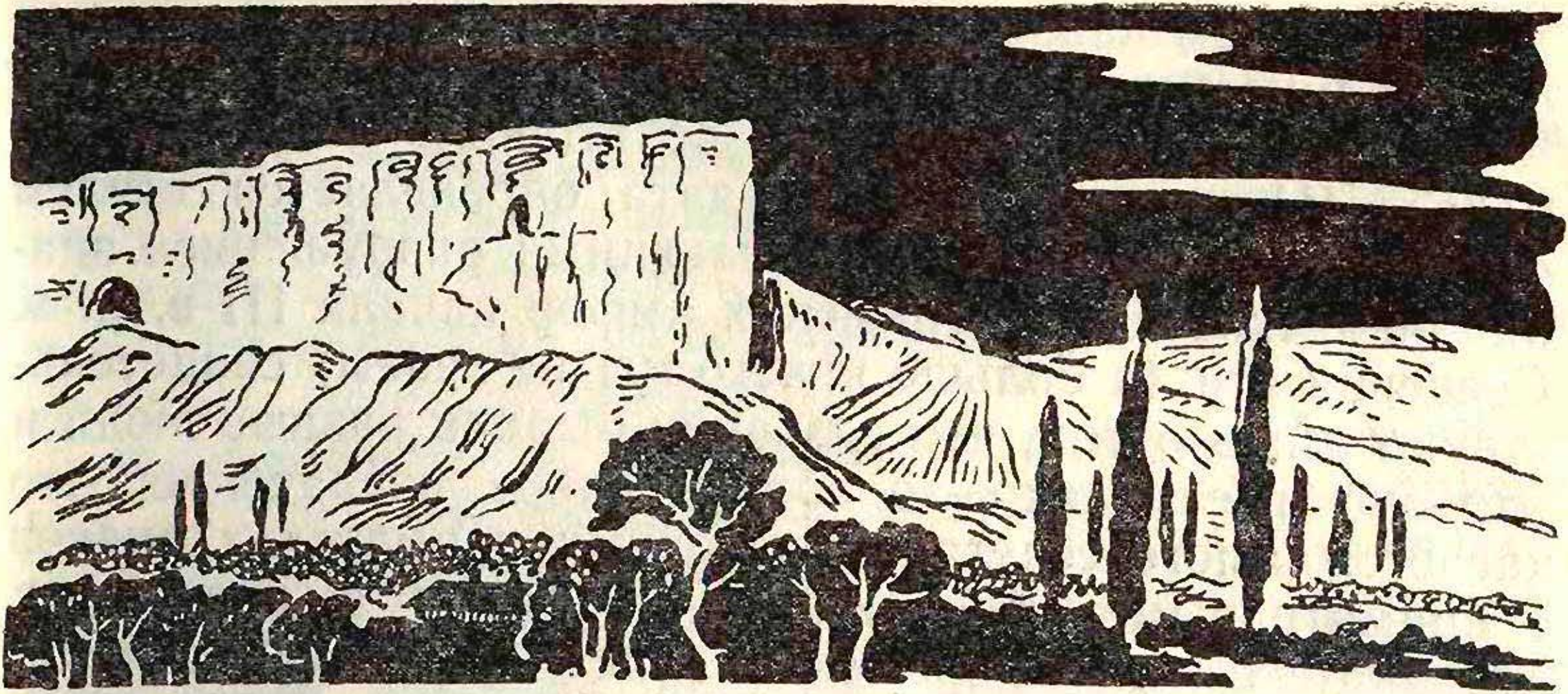
Большое количество различных знаков археологам удалось обнаружить и на потолке пещеры Чокурча, расположенной в обрывах известняковых скал левого берега реки Малый Салгир (ныне в черте Симферополя)¹⁹. Некоторые из них, возможно, тоже принадлежат к кругу сарматских. Там же имеются геометризированные изображения людей (10) и животных.

Рис. 10. Наскальные резные изображения на плафоне пещеры Чокурча (Симферополь).

Интересно, что подобные изображения найдены археологами и на штукатурке здания с фресками, открытого в северной части Неаполиса (Неаполя скифского) — столицы позднескифского государства (11)²⁰. Стены помещения, довольно большого по тем временам (19×19 м),

Ак-Кая. Пещеры с сарматскими знаками.

сохранились на высоту 60—75 см. Штукатурка, уцелевшая на остатках стен, расписана черной, белой, коричневой и красной красками. По штукатурке нацарапаны каким-то острым орудием различные изображения (так называемые граффити). Они помещены на высоте 40—45 см над полом. Разными резцами и в разное время здесь изображены: человеческие фигуры, типичные сарматские знаки, простые и более сложные геометрические фигуры, животные (в основном — лошади) и их отдельные части, скифский сапог, пятиконечная звезда, окно, какое-то подвижное сооружение на колесах и т. д.

Что же представляло собой здание с фресками? В чем заключался смысл изображений на его стенах?

Существует мнение, согласно которому здание служило для свершения каких-либо магических действий; сами же изображения выражают якобы культовые представления²¹. Реконструкция росписи этого здания позволяет предположить, что она была выполнена приглашенными в Неаполис боспорскими мастерами. Изображения же были нанесены позднее по сухой штука-

турке, причем наносились они, судя по их характеру, не одним лицом и как бы наспех, украдкой.

Существовало это здание во второй половине II — начале III вв. н. э. Ранняя дата определяется стилем фрески, поздняя — перекрывающими разрушенное здание обломками позднеримских амфор начала III в. н. э. Сведения эти (а больше ничего мы не знаем) свидетельствуют лишь о том, что в здании бывали разные люди и что оно имело какое-то общественное назначение. Что касается самого сочетания условных сарматских знаков с примитивными рисунками животных и различных предметов быта того времени, то не говорит ли сам факт такого сочетания о том, что последние тоже являются своеобразными родовыми или личными знаками? Ведь графические знаки окончательно абстрагированного условного характера формируются лишь в развитом классовом обществе. А там, где еще не закончился процесс разложения родового строя, существуют наряду со знаками типа сарматских и знаки-рисунки.

Так, индейцы Америки употребляли, помимо знаков, близких к сарматским, и рисунки, весьма условные, но еще сохранившие названия: медведь, акула, зимородок, черепаха, журавль и т. д. Повсеместно встречаются среди знаков переходного периода и изображения различных предметов быта. Такое же явление можно встретить у обских угров, юкагиров, тюркоязычных народов Сибири, туземцев Австралии, негров Африки²².

Дошедшие до нас сарматские знаки свидетельствуют о процессе разложения родовых отношений, когда приобретают первенствующее значение и фетишизируются предметы родового быта, от которых зависит благополучие кочевника. Теряются названия родов по именам животных-предков, а с ними — и родовые знаки, изображающие животное. Появляется множество других знаков-схем — изображений орудий труда или других пред-

метов. Как отзвуки прошлого, долго держатся лишь знаки-изображения тех животных (главным образом, лошадей), которые продолжают играть большую роль в жизни кочевников. Со временем многие из них до неузнаваемости абстрагируются, т. е. перестают быть изображениями и служат лишь признаком принадлежности предмета определенному лицу.

Изображения на известняковой плите, найденной в Керчи (12), свидетельствуют о великом многообразии подобных символов у сарматских племен. Эта плита, высотой 161, шириной 92 и толщиной 25 см, представляет собой поистине энциклопедическое собрание сарматских знаков Крыма.

Зачем же понадобилось сарматам, этим грозным бородатым людям, никогда не расстававшимся с оружием,—так описал их очевидец—римский поэт Овидий²³,—тратить время на составление такого «сборника»?

Попытки ответить на вопрос сводятся в основном к тому, что знаки были нанесены на плиту с какой-то культово-магической целью. Однако некоторые специалисты, на основе этнографических примеров и других материалов, высказывали мысль о том, что подобные «сборники» знаков составлялись и с чисто практическими намерениями: например, для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (своего рода домовая книга). В этом случае все знаки наносились на специальные предметы, сохранявшиеся у представителей местной власти, либо высекались на каменных плитах, вмурованных в стены или ворота городищ. Если же они обозначали принадлежность пастбищ и водопоев, то их высекали на скалах или крупных камнях вблизи источников воды.

Последняя точка зрения подтверждается бесчисленными примерами из жизни многих народов разных времен: сирийских кочевников

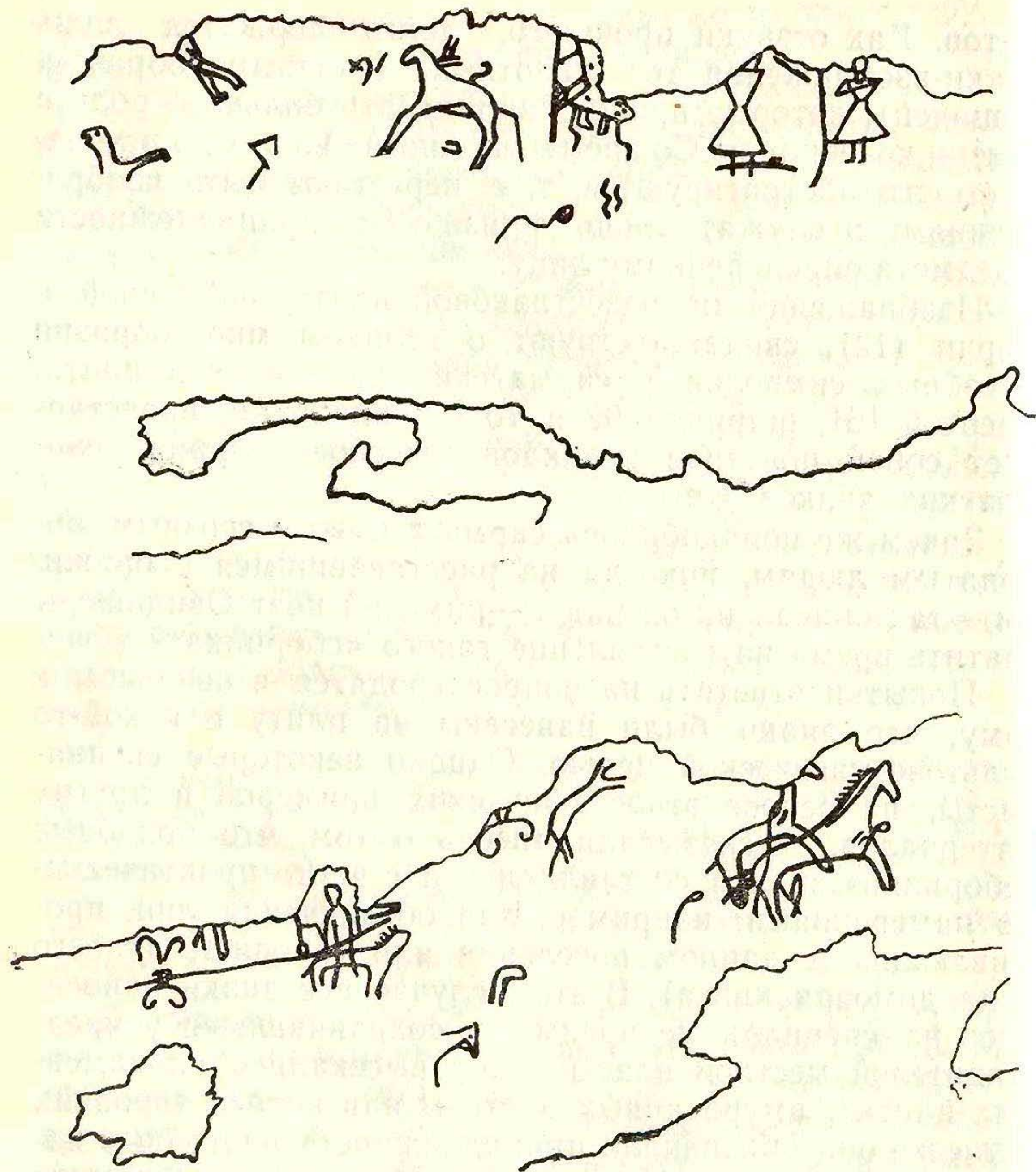
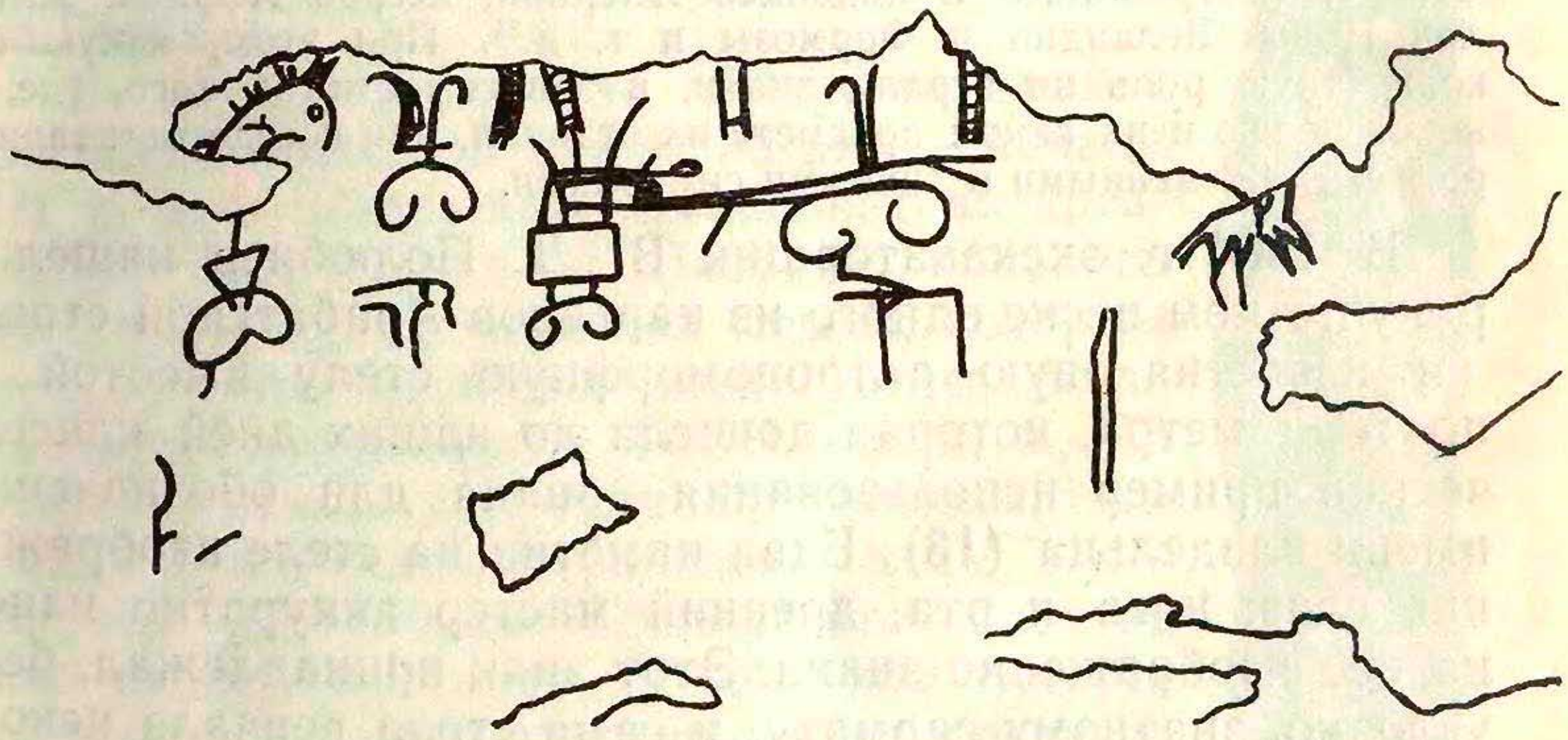
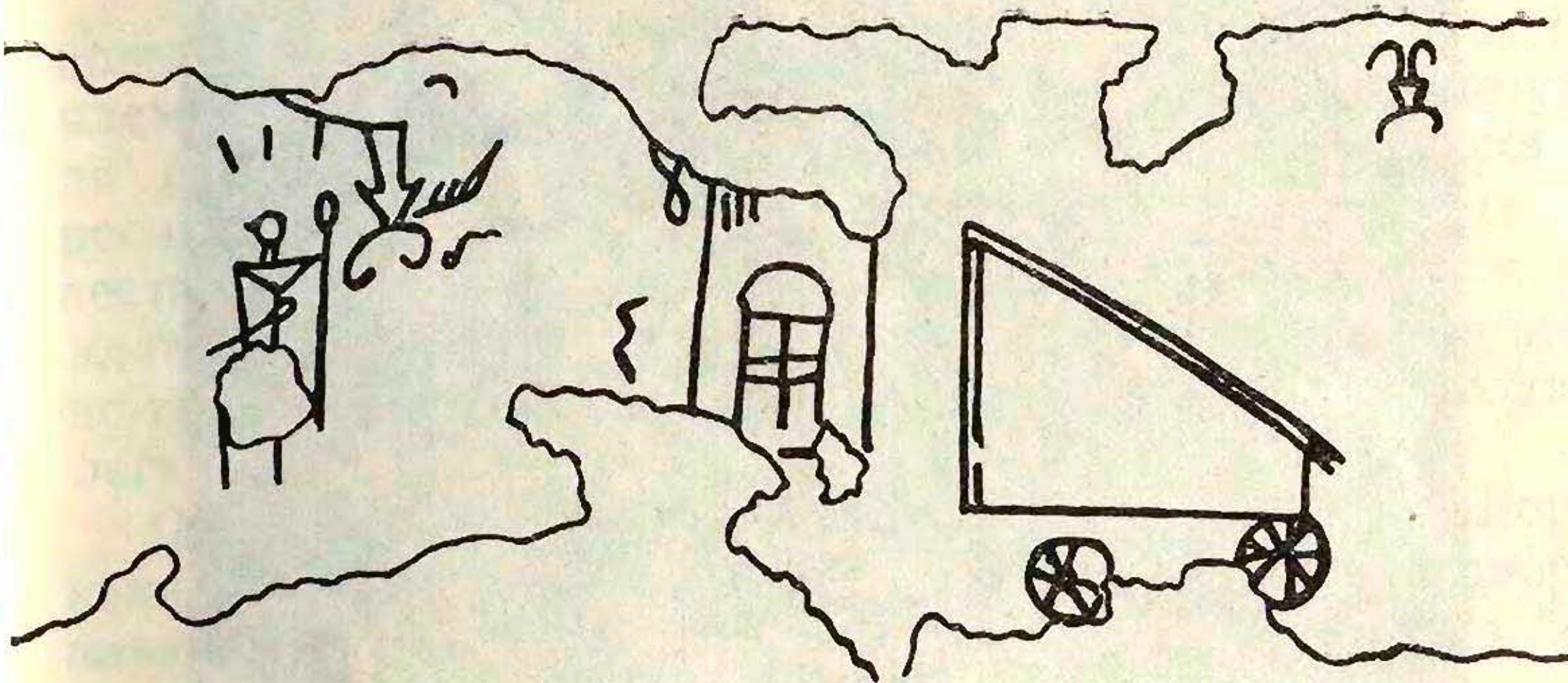

Рис. 11. Граффити на штукатурке одной из построек Неаполиса (Симферополь).

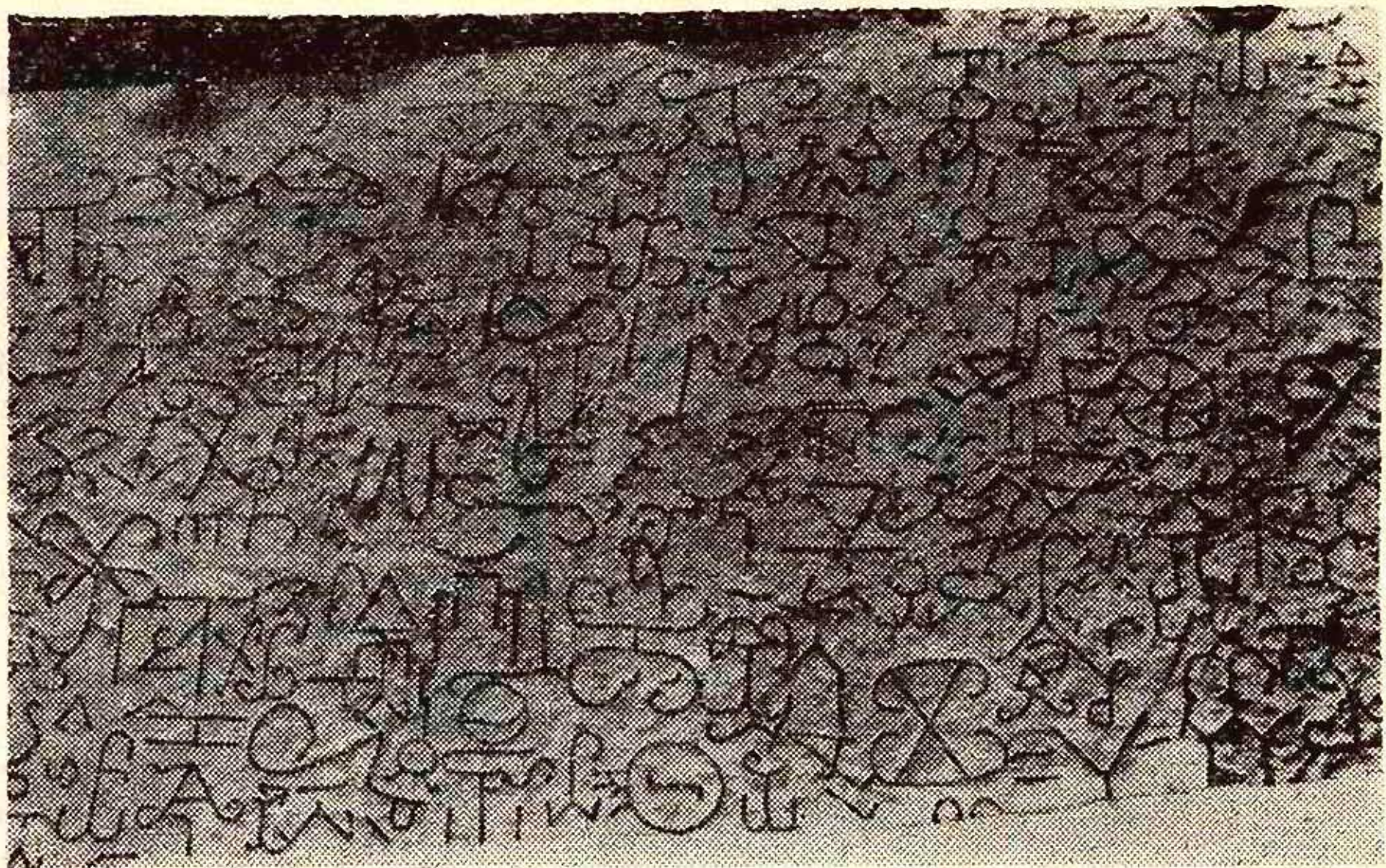

Рис. 12. Известняковая плита с сарматскими знаками из Керчи.

и кабардинцев, русских крестьян и национальных меньшинств Севера, австралийцев и индейцев Америки, негров Африки, жителей Новой Зеландии и Формозы и т. д.²⁴. При этом, какую бы конкретную роль ни играли знаки, в зависимости от того, где, с какой целью и на каком предмете их ставили, они всегда оставались родовыми, семейными и личными символами.

В 1964 г. экскаваторщик В. Д. Полюбиев нашел в ракушечном песке одного из карьеров Арабатской стрелки известняковую антропоморфную стелу высотой в полтора метра, которая донесла до наших дней классический пример использования знака для обозначения имени владельца (13). Едва наметив на стеле изображение глаз, носа и рта, древний мастер аккуратно нанес на нее изображение знака. Этот знак принадлежал, безусловно, знатному сармату, и сама стела венчала некогда курган с его погребением.

Судя по тому, что такой знак встречается на нескольких памятниках Северного Причерноморья с конца II в. н. э., можно предположить, что владелец его был одним из

вождей аланов, которые, объединившись в это время в племенной союз, заняли господствующее положение среди сарматских племен и соседних народов. «Высокие, рослые, красивые, светловолосые», как писал о них известный римский историк Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.), аланы были, говоря его же словами, «страшны сдержанно-грозным взглядом своих глаз, подвижны благодаря легкости вооружения...»

О том, какое важное место в истории Причерноморья конца II — начала III в. н. э. занимали аланы, говорит плита с надписью и изображением знака одного из боспорских царей²⁵. Плита с древнегреческой надписью 208 г. была прикреплена к стене какой-то важной общественной постройки, созданной, как гласит текст этой надписи, попечением главного аланского переводчика Герака...

Выше мы упомянули о царских знаках Боспора, точнее об одном из них — начала III в. н. э. Известный исследователь древностей Боспора В. В. Шкорпил, опираясь на датировку тех древних вещей, которым сопутствуют подобные знаки, отнес большинство последних к I—III вв. н. э. По более точным современным данным, эти знаки были распространены и в IV в. — вплоть до гибели Боспорского царства под натиском гуннов. О том, как удалось раскрыть загадку этих знаков, их древнюю сущность, происхождение и смысл, речь пойдет в следующей главе.

Рис. 13. Антропоморфная стела с сарматским знаком с Арабатской стрелки.

Уже в XIX столетии ученые разных стран, заинтересовавшиеся многочисленными сарматскими знаками (их именовали тогда «загадочными»), обратили внимание на сложные и как бы родственные композиции целой группы знаков, встречающихся на каменных плитах, на различных ремесленных и ювелирных изделиях — вещах из глины и бронзы, золота и серебра²⁶ (I, 1—18, 20, 88; IV, 4—44).

Большая часть их была найдена на территории Керченского полуострова, который в первые века нашей эры входил в состав Боспорского царства. К ним относится, в частности, богато отделанный уздечный набор, принадлежавший кому-то из представителей боспорской знати (14). Отдельные вещи с такими же знаками встречались археологам в Симферопольском и Бахчисарайском районах, а также вблизи Гурзуфа (15). Отметим, однако, что эти изделия тоже изготовлены мастерами древнего Боспора, но, видимо, путем торгового обмена попали туда, где нашли их археологи.

Кроме того, на Боспоре были найдены каменные плиты с надписями общегосударственного значения, где эти же знаки, высеченные с величайшей тщательностью, иногда сопровождались именами царей. В надписях рассказывалось о строительстве оборонительных сооружений, восстановлении крепостей, победах Боспора над врагами. Ученые заметили, что на всех плитах, датированных годами правления одного царя, стоит один и тот же знак. Стало ясно: это не что иное, как личные знаки правителей Боспора.

С самого начала изучения знаков боспорских царей

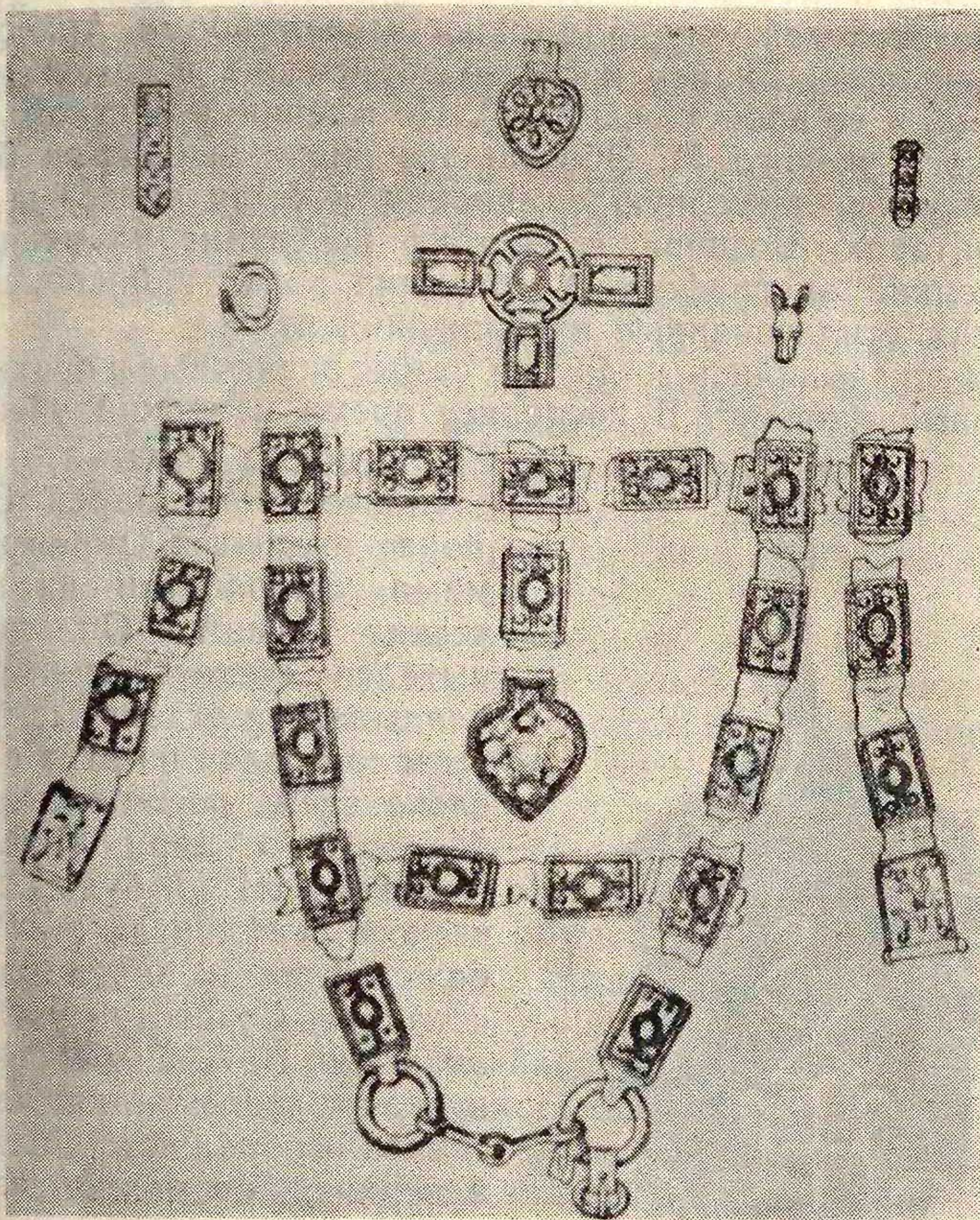

Рис. 14. Уздечный набор со знаками боспорского царя (Керченский полуостров).

исследователей удивляла их необычная форма. Археологи стремились найти какое-то объяснение и самой этой форме, и ее происхождению²⁷. По мнению известного немецкого ученого М. Эберта, эти знаки выражали буддийскую религиозную символику и были занесены на территорию Боспора с востока кочевыми племенами. Немецкий эпиграфист Э. Мерклин видел в боспорских знаках стилизованные изображения птиц.

Высказывались и другие, самые различные и противоречивые мнения²⁸. В последнее время немецкий ученый

Г. Гумбах полагал, что сложные знаки царей Боспора являются монограммами, состоящими из греческих букв²⁹. Он даже пытался «читать» их, раскладывая на отдельные буквы и составляя из этих букв слова. Так, разложив знак боспорского царя Тиберия Евпатора III на буквы греческого алфавита, Г. Гумбах прочел в знаке слово «солнце». Советский ученый академик Б. А. Рыбаков допускал, что нижняя часть знаков изображает лошадей, а верхняя, возможно, чело-

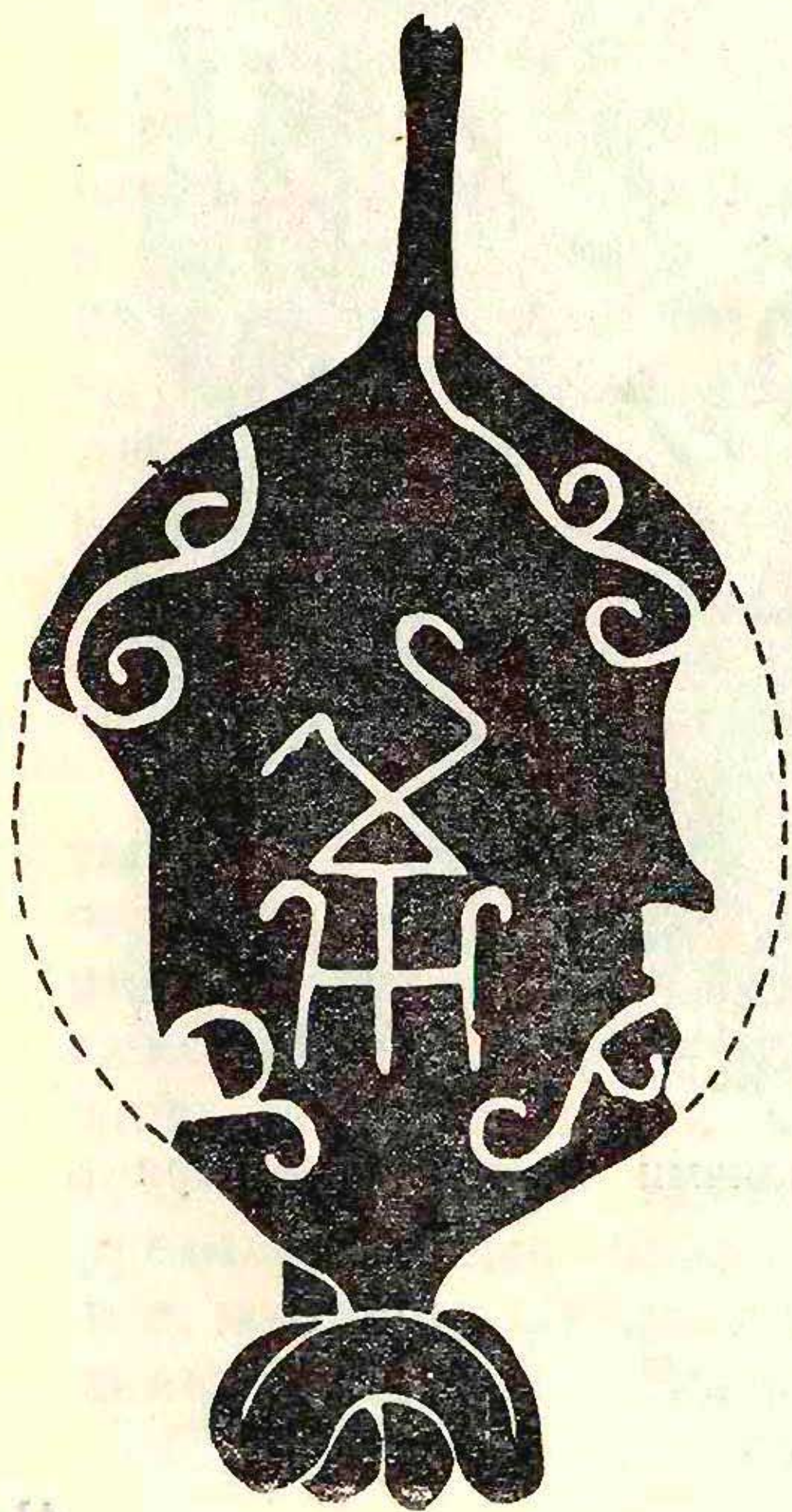

Рис. 15. Фибула из Гурзуфа со знаком боспорского царя Тиберия Евпатора III.

века с поднятыми вверх руками³⁰. Известный археолог и этнограф С. П. Толстов, соглашаясь с мнением Б. А. Рыбакова, считал, что знаки эти попали на Боспор из Средней Азии³¹.

В последнее время была выдвинута гипотеза о сарматском происхождении некоторых царских знаков Боспора (типа знака царя Тиберия Евпатора III). Сторонники ее считают, что эти знаки были привнесены на территорию Крыма (и всего Причерноморья) сарматскими племенами, цари же Боспора просто-напросто позаимствовали их у сарматов. В результате боспорские знаки стали рассматриваться как разновидность сарматских³².

В какой же мере соответствуют действительности высказанные выше догадки о форме и происхождении сложных царских знаков Боспора?

Остановимся на этом подробнее.

Еще в третьем столетии до нашей эры боспорские цари использовали в качестве знака царской собственности изображение трезубца, того самого, который вам, вероятно, не раз приходилось видеть на веселых приморских праздниках в честь древнего бога морей — Посейдона. Использование трезубца, а также дельфина в качестве царских знаков объяснялось вымышленной генеалогией царей Боспора, согласно которой представители правящих династий происходили от мифического героя Евмолпа, сына Посейдона.

Трезубец — символ морского бога — это три небольшие черточки, соединенные перекладиной, подобно нижней части сложных царских знаков Боспора (IV, 4—44). Древко трезубца изображалось линией, отходящей от перекладины в противоположную от его «зубцов» сторону (IV, 1—2).

Впервые в истории Боспора использовал такой трезубец в качестве своего знака царь Спарток III (правил

в конце IV — начале III в. до н. э.). И он же был первым, кто называл себя царем Боспора³³. Ставился трезубец Спартоком III в виде клейма вместе со словом «царь» и изображением дельфина. Вот с тех-то пор трезубец, подчеркивая легендарное происхождение боспорской династии, и укоренился на Боспоре как царский символ³⁴. И если Спарток III ставил его на черепице, которую вырабатывали мастерские Пантикапея*, то в начале I в. н. э. мы видим его на монетах Митридата VIII, который провозгласил Боспорское царство независимым от Римской империи. Правда, эти монеты были в употреблении совсем недолго, римляне вскоре восстановили свою власть на Боспоре, но символика трезубца осталась. А в конце II в. н. э. Савромат II действительно покончил с зависимостью Боспора от Рима, провел денежную реформу и снова поставил на своих монетах трезубец, желая подчеркнуть, что они принадлежат представителю законной боспорской династии. Ставили на своих монетах трезубец и его преемники (V). Таким образом, знак этот стал своего рода гербом царей Боспора³⁵.

Здесь-то и кроется ключ к разгадке одного из главных «секретов» более сложных, составных знаков Боспора первых веков нашей эры.

В надписях царей Боспора—Тиберия Евпатора III, Савромата II, Рискупорида III, общим гербом которых был, как мы уже знаем, трезубец, появились новые знаки (I, 1—2, 15—17), которыми сопровождаются их имена³⁶. Значит, и это тоже своеобразные, но уже личные, царские гербы. Если же новые знаки использовались как личные символы, как своего рода эмблемы, заме-

---

* Пантикапей — столица Боспорского царства (на месте современной Керчи).

нявшие в иных случаях имена царей, — а это вполне возможно, ибо не все разноязычное население Боспора знало греческое письмо, — то в этих знаках (III, 4—44) должна была сохраняться какая-то связь с трезубцем, как символом царской власти.

Взглянем еще раз на знаки Тиберия Евпатора III (I, 1), Савромата II (I, 15) и Рискупорида III (I, 17). Бросается в глаза общая для всех трех нижняя часть, верхняя же в каждом из них иная.

Таким образом, в знаке каждого из царей можно различить две разные половины: верхняя заменяет его имя, нижняя, в которой нетрудно узнать трезубец, символизирует принадлежность его к общей для всех этих царей династии. А небольшие загнутые наружу черточки, которые выступают из верхних углов нижней части знаков (IV, 8—37, 41—44), являются либо частью верхнего именного знака, либо добавлены в процессе «варваризации» и усложнения рисунка самого трезубца. В пользу последнего говорит, в частности, наличие на монетах некоторых боспорских царей трезубцев с подобными же черточками (V, 8—9, 16; VI, 45).

Остается невыясненным происхождение каждого из множества вариантов верхней части знаков, изменение которой всякий раз знаменовало появление на Боспоре нового царя. В археологическом материале самого Боспора пока нет ничего, проливающего свет на этот вопрос. Знаки же и другие символические изображения, распространенные на соседних территориях, свидетельствуют, что все изображения, варьирующие начертания верхних (именных) частей царских знаков Боспора, весьма широко бытовали в сарматской среде, и тоже в качестве обозначений имен собственных (VI, 1—62). Очевидно, в связи с сильной сарматизацией Боспора такие знаки в сочетании со схематизированным изобра-

жением трезубца привели к появлению в первые века нашей эры более сложных составных знаков боспорских царей. Символы эти были понятны всему, в массе неграмотному, населению Боспора.

Естественно, подобные знаки-«гербы» (IV, 4—44) употребляли только те цари, которые принадлежали к законной правящей боспорской династии. Если же случалось, что к власти в древнем Пантикапее приходили «посторонние», они не употребляли подобных знаков³⁷. Так, когда в первой половине III в. н. э. власть захватил некий Ининфимей (который был выходцем из сарматской среды), он отбросил «герб» боспорских династий — трезубец и сделал своим символом начертание, напоминающее букву «Н» (VII, 1—8) — один из типичных сарматских знаков (VII, 9—23). Таким же образом поступил и другой сармат — Фофорс, узурпировавший боспорский престол в конце III в. н. э. Односложные знаки на его монетах³⁸ (VIII, 1—4) тоже относятся к разряду характерно сарматских (VIII, 5—6).

Сложные знаки царей Боспора, в которых соединились две разные эмблемы — династическая местная с именной, занесенной извне, и слились две традиции — боспорская и сарматская, — нельзя расценивать как чисто сарматские тамги. Этот термин не вполне передает их сущность. Группу царских знаков Боспора (типа знаков Тиберия Евпатора III, Савромата II, Рискупорида III) правильнее рассматривать как самостоятельную группу боспорских знаков, тем более, что за пределами Боспорского царства подобные знаки можно встретить только на предметах боспорского происхождения.

Царскими знаками Боспора мы и закончим обзор символических изображений, оставленных в Крыму населением раннего железного века. Посмотрим, что принес с собой в Крым следующий исторический этап —

средневековье. Эта эпоха его истории наиболее драматична: частой была смена населявших полуостров народов, различными их интересы и взаимодействовавшие здесь культуры. И прежде чем предпринять попытку разобраться в наиболее специфическом наследии крымского средневековья — языке его изобразительных символов, надо окинуть хоть бы беглым взглядом само течение этого бурного исторического периода*.

В ВОДОВОРОТЕ СОБЫТИЙ

На протяжении всего средневековья на Крым непрерывно нападали различные племена и народы. В III в. н. э. в Крым вторглись готы, в IV—гунны, союз различных тюркских и тюркоязычных племен. Разгромив готское племенное объединение, состоявшее не столько из готов, сколько из покоренных ими племен Причерноморья, гунны окончательно опустошили Боспорское царство, а остатки готов и скифо-сарматского населения степного и центрального Крыма вытеснили в горы.

Вскоре на Крым обратила свой взор и могущественная Византийская империя. В 518 г. она присвоила все южное побережье от Херсона до Боспора. Но в 567 г. полчища тюркских племен, перейдя Керченский пролив, вновь опустошили древний Боспор. В 705 г. они захва-

---

* Условным началом средневековья некоторые ученые считают конец IV в. — время разгрома гуннами готского племенного объединения в Северном Причерноморье. Это произошло в эпоху Великого переселения народов, как называют первый этап средневековья.

тили Херсон (древний Херсонес) и посадили там своего тудуна — наместника Хазарского кагана.

На рубеже VIII—IX вв. в Крыму появились дружины русского князя Бравлина, установившего на некоторое время свою власть на всем побережье, от Корсуня (Херсона) до Корчева (Керчи).

В 950 г. степной Крым захватили кочевые орды печенегов, в середине XI в. их сменили половцы. А в 1223 г. приморский город Сугдея (Судак) оказался в руках татар. Об этом первом походе татар в Крым арабский историк Ибн-аль-Асир писал: «Подойдя к городу Сугдее, татары овладели им, а жители разбрелись; некоторые из них со своими семьями и имуществом ушли в горы, а некоторые отправились в море»³⁹.

В 1239 г. татары захватили весь восточный Крым, посадив в Солхате (Старом Крыму) наместника золотоордынского хана. Затем, в последующие десятилетия, они укрепились в юго-западной части полуострова и в 1443 г. образовали независимое Крымское ханство, столицей которого стал Бахчисарай.

В это же время итальянские торговые города-республики Венеция и Генуя вели между собой борьбу за крымское побережье. В конце XIII в. в Сугдее (Судак) был венецианский, а в Кафе (Феодосия) генуэзский консулы⁴⁰. Но в 1356 г. генуэзцы полностью вытеснили венецианцев из Крыма.

Наконец, в 1475 г. армия турецкого султана захватила владения генуэзцев и совместно с татарами двинулась на Мангупское княжество — небольшое самостоятельное государство в гористой юго-западной части Крыма. Государство это было создано потомками тавров, скифов, сарматов, аланов и готов. В декабре 1475 г. пала столица княжества — город Феодоро. С этого времени и до конца XVIII в. Крым находился под фактическим управлением

турецкого султана. Крымское ханство утратило свою независимость и превратилось в вассала Турции и ее обязательного союзника в войнах⁴¹.

НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Уже с IV в. н. э., в связи с распространением православия и византийских обычаев, в Крыму все чаще и чаще появляются изображения крестов и других символов, связанных с христианством: павлинов, голубей, чаш, виноградных лоз. Особенно ярко выражена подобная символика на раннесредневековых надгробиях и стенах погребальных склепов на территории Керченского полуострова. Со временем изображения крестов появляются на скалах юго-западного Крыма в связи с возникновением так называемых «пещерных городов» (16), а еще позже — вместе с ликами святых — на стенах многочисленных храмов и монастырей. Правда, здесь нужно иметь в виду следующее обстоятельство: не все кресты, встреченные на территории горного Крыма, являются христианскими. Некоторые из них, как, например, в упомянутой уже пещере МАН, могут относиться и к дохристианским временам⁴².

В период раннего средневековья на Боспоре возникает большой ремесленный центр по производству золотых, серебряных и бронзовых застежек и пряжек, богато украшенных цветной силикатной пастой, стеклом, драгоценными камнями и изображениями хищных зверей. Что представляют собой эти зооморфные изображения, сказать трудно. Некоторые ученые предполагают, что они могли и в это время сохранять свой прежний геральди-

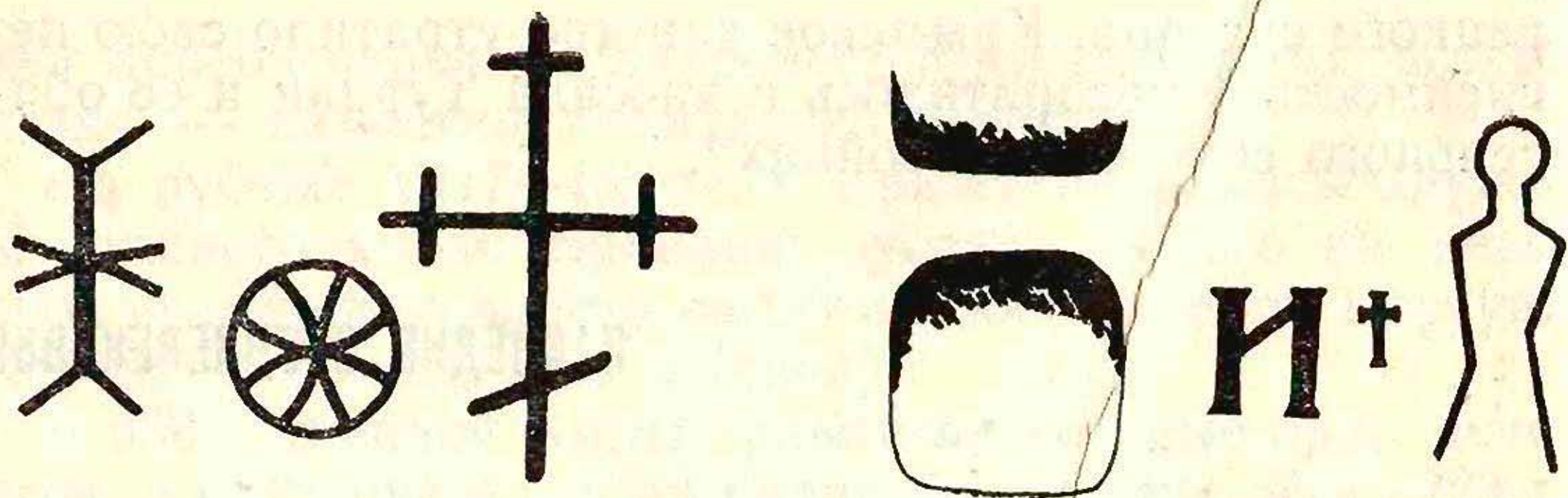

Рис. 16. Кресты, розетка, буквы и человеческая фигура, высеченные на скалах Мангупа.

ческий смысл. А может быть и так, что изображения зверей в эпоху средневековья уже не выступали в своем прежнем значении (как символы предков) и применялись лишь в силу традиции, с чисто декоративной целью.

На некоторых изделиях ремесленников средневекового Боспора встречаются изображения, подобные сарматским знакам. Однако пока не удалось выяснить, сохранили ли они именно смысл или же употреблялись только в качестве орнамента. Ответить на этот вопрос помогут лишь дополнительные находки аналогичных памятников.

Изображения, подобные сарматским знакам, встречаются в различных местах Крыма — на своде упомянутой ранее пещеры Чокурча, на скалах и камнях Чуфут-Кале (близ Бахчисарая), на черепицах Тепсеня (пос. Планерское), Эски-Кермена (юго-западный Крым) и Херсонеса (17).

Интересную серию знаков на черепицах обнаружили археологи при раскопках Феодоро—Мангупа (18), того самого, где была столица одноименного княжества. Подобные знаки, выполненные высоким рельефом, рассмат-

риваются рядом исследователей как метки мастеров. Форма их — самая разнообразная. Так, некоторые из них почти аналогичны сарматским знакам, другие являются буквами греческого алфавита, третьи — изображением креста, круга, треугольника, звезды, волнистой линии, различных животных — лошади и т. д. Мы полагаем, что эту разнохарактерность меток на черепицах Мангупа и других городов Крыма можно объяснить этнической

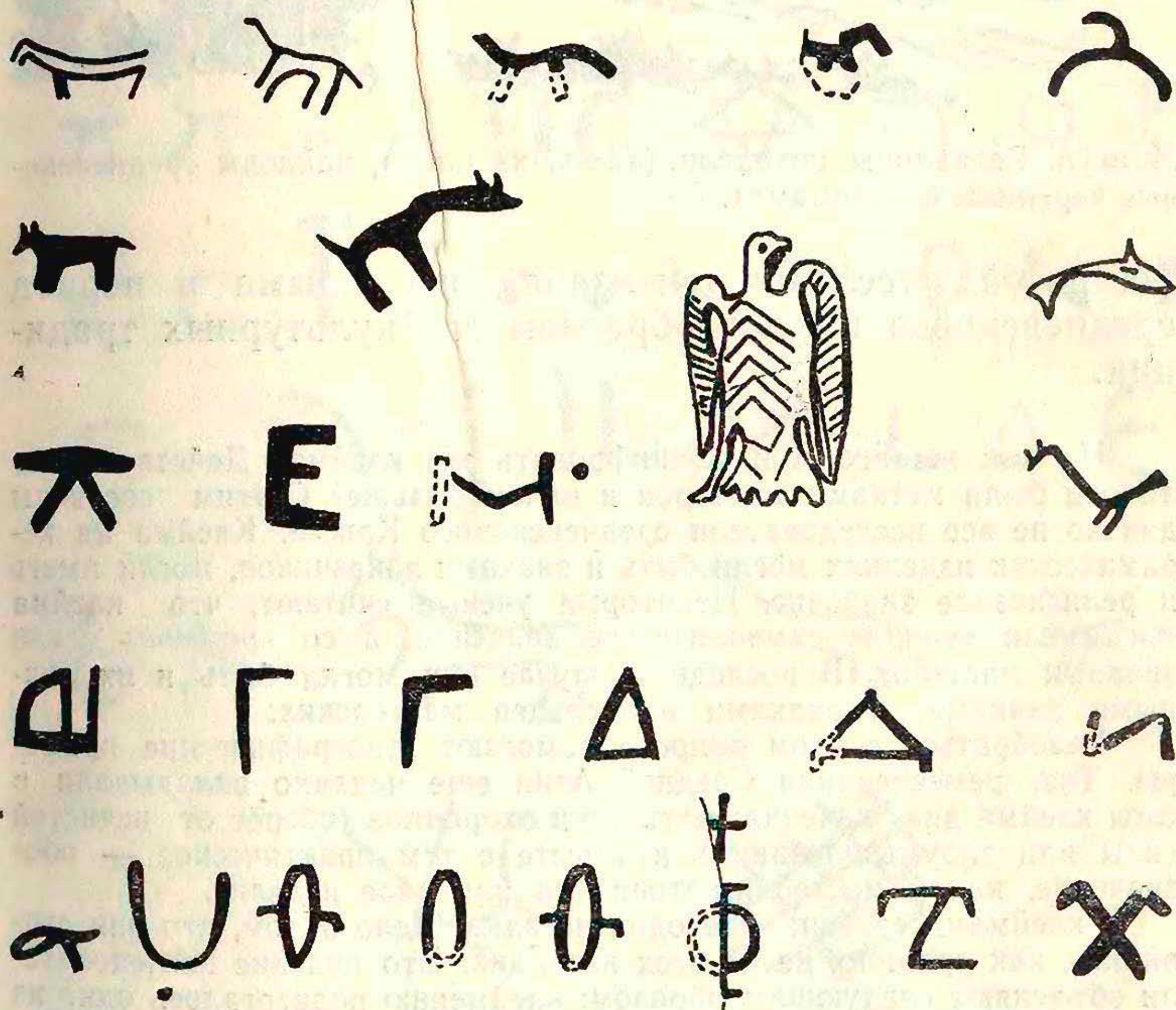

Рис. 17. Клейма на херсонесской черепице (по А. Л. Якобсону).

Мангуп. Развалины цитадели (здесь, на плато, найдены средневековые черепицы с клеймами).

пестротой населения юго-западного Крыма в период средневековья и многообразием его культурных традиций.

Но как же все-таки расшифровать эти клейма? Действительно ли они были метками мастеров и ничем больше? С этим согласны далеко не все исследователи средневекового Крыма. Клейма на керамических изделиях могли быть и знаками заказчиков, могли иметь и религиозное значение. Некоторые ученые считают, что клейма эти имели вначале символическое значение, а со временем стали знаками мастеров. В последнем случае они могли быть и их личными знаками, и знаками владельцев мастерских.

Разобраться в этом вопросе помогают этнографические примеры. Так, ремесленники Средней Азии еще недавно вкладывали в свои клейма два значения: магически-охранное (оберег от нечистой силы или злоумышленника) и вместе с тем практическое — обозначение, какой мастер изготовил то или иное изделие.

С клеймами связана еще одна загадка. Дело в том, что они ставились, как правило, не на всех изделиях. Это явление исследователи объясняют следующим образом: клеймению подвергалось одно из изделий однотипной серии. Каждая же серия состояла из определенного количества экземпляров. В этом случае клейменные экземпляры

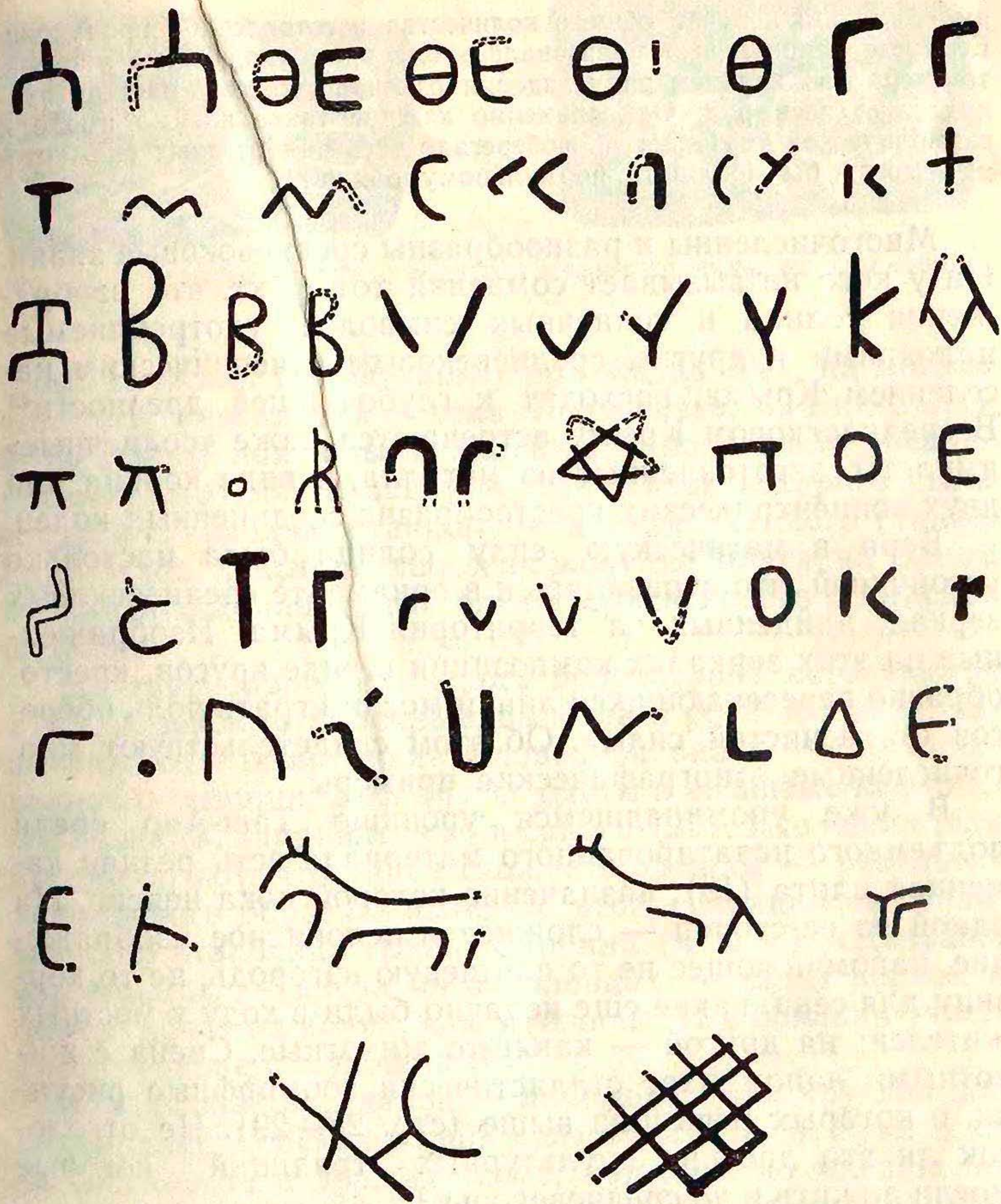

Рис. 18. Клейма на черепице из Мангуца (по А. Л. Якобсону).

ры облегчали подсчет общего количества изготовленной продукции. Если же одной печью пользовались одновременно разные мастера, то клеймо на крайнем ряду изделия означало, какому мастеру принадлежал весь ряд. Одновременно каждое такое клеймо имело и символическое значение: оно оберегало весь ряд от злых сил, которые могли бы помешать нормальному обжигу.

Многочисленны и разнообразны средневековые знаки. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что изображения солнца и солнечных символов, употребляемые половцами и другим средневековым кочевническим населением Крыма, восходят к глубочайшей древности⁴³. В средневековом Крыму встречаются даже «солнечные» амулеты, изготовленные из металла, в виде кольца или двух концентрических крестообразно соединенных колец.

Вера в магическую силу солнца была настолько устойчивой, что отразилась и в орнаменте средневековых зеркал, найденных на территории Крыма. Изображенные на этих зеркалах композиции в виде кругов, крестообразно пересекающихся линий могли играть роль оберегов от «нечистой силы». Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические примеры.

В уже упоминавшемся урочище Таш-Аир среди подъемного недатированного материала есть резная каменная плита (19), назначение которой пока неясно. На одной из ее сторон — сложное и непонятное изображение, напоминающее не то плетневую изгородь, не то корзину для сена, какие еще недавно были в ходу у местных жителей; на другой — какие-то животные. Сцена с животными напоминает стилистически зооморфные рисунки, о которых речь шла выше (стр. 28—29). Не отголосок ли это древних культурных традиций, которые могли дожить и до средневековья?..

В Крыму известны примеры, когда на каменных надгробиях высекались изображения тех орудий труда, ко-

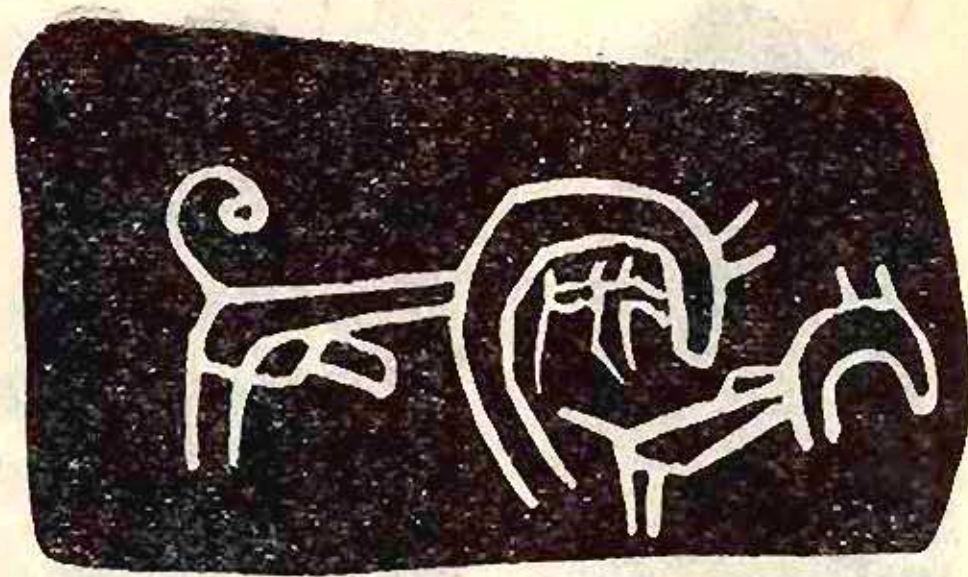
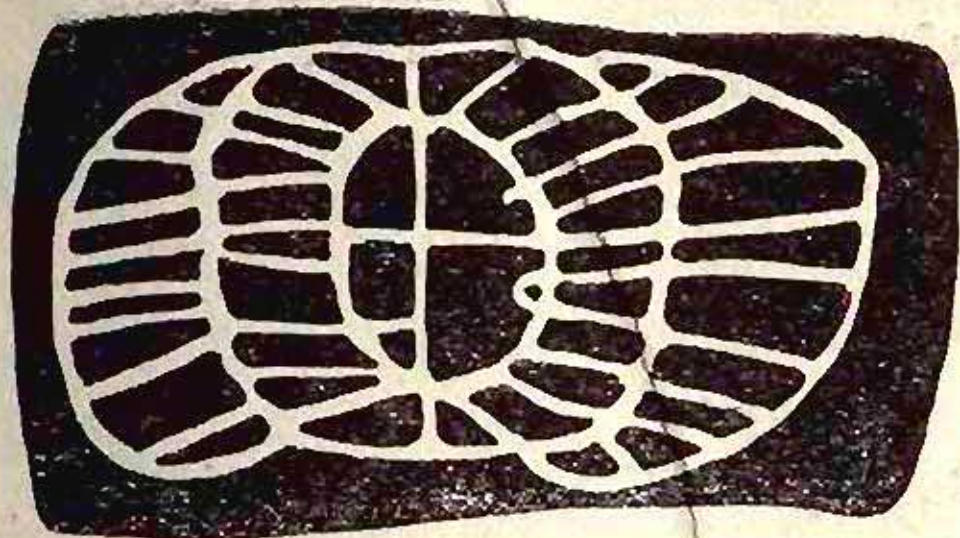

Рис. 19. Каменная плитка с резными изображениями из Таш-Аира.

торые служили погребенному при жизни. Так, на могиле портного (могильник у села Верхоречье, б. Бия-Сала) изображены ножницы и линейка, а на могиле средневекового жителя села Шурю, вся жизнь которого была связана с ткацким станком, — детали ткацкого станка. Еще более красноречиво изображение плуга на одном из надгробий, найденных близ средневекового поселения в Ласпи.

На территории Крымского полуострова встречаются и средневековые каменные, высотой в рост человека, изваяния. Это памятники половецкой знати — мужчин-воинов и женщин. Те и другие одеты в вышитые кафтаны и шаровары, заправленные в сапоги (20). Исследователи предполагают, что такая схожесть одежды — результат одинакового образа жизни. Об этом сохранилось свидетельство итальянца Плано Карпини (XIII в.): «Девушки и женщины, — писал он о половцах, — ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. И в бою они участвуют наравне с мужчинами»⁴⁴.

На головах истуканов — либо шлем или круглая шапочка, либо женская шляпа с высокой тульей. Руки всегда на животе и держат сосуд, который, по мнению исследователей, служил для жертвенных возлияний. Нередки на изваяниях и различные украшения, а также

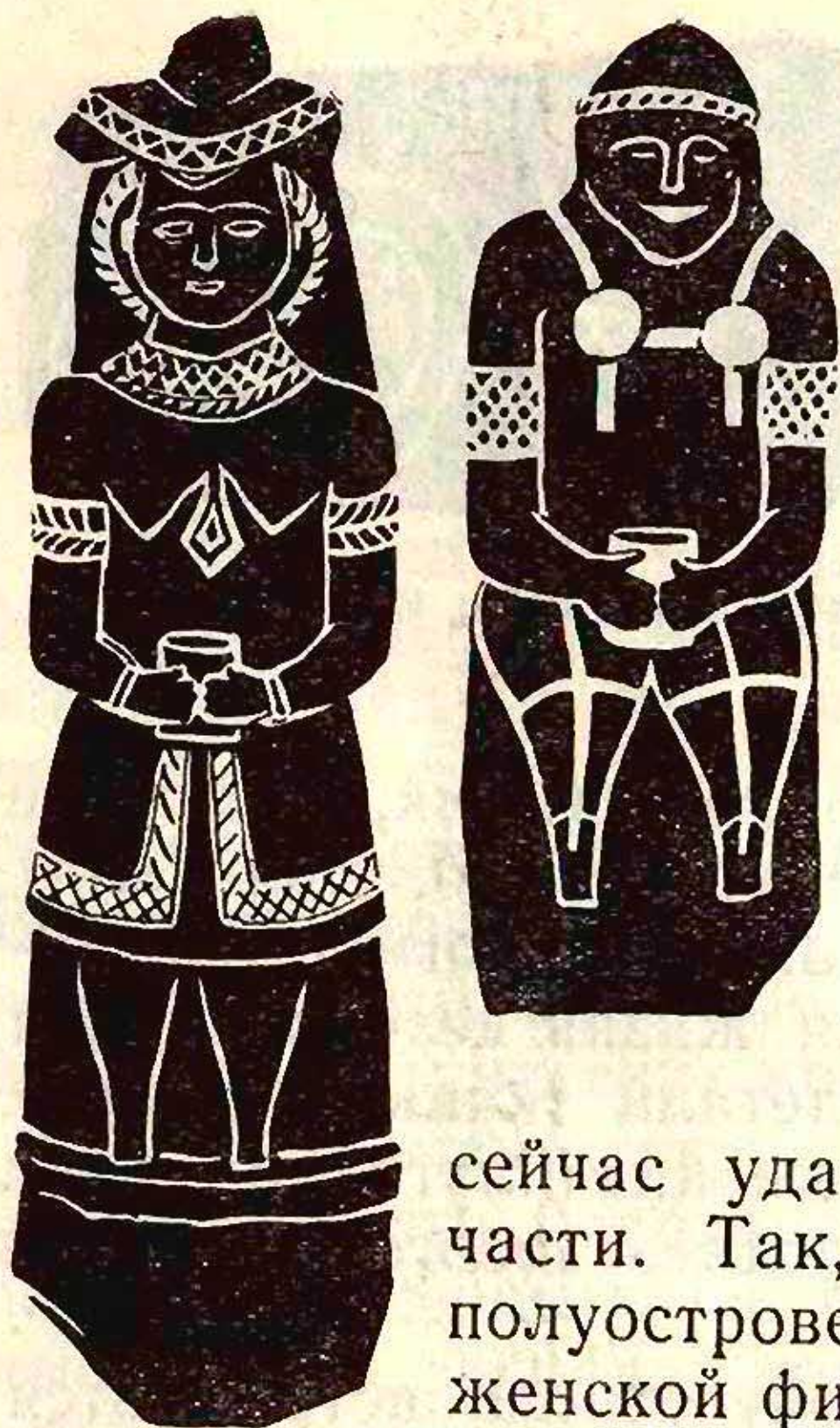

Рис. 20. Половецкие каменные изваяния, найденные в Крыму.

мелкие предметы и оружие, подвешенные на поясах.

В Крыму подобные памятники — так называемые «бабы» — обнаружены в Красноперекопском, Сакском, Кировском и Бахчисарайском районах. Иногда, еще в древности, они были разбиты, и

сейчас удается найти лишь отдельные их части. Так, например, на Тарханкутском полуострове была найдена верхняя часть женской фигуры. На ее одежде сзади — орнамент в виде небольших ромбов. Более затейливым геометрическим узором украшены рукава кафтана. Нижнюю часть другого женского изваяния архео-

Рис. 21. Изображения на татарских каменных надгробиях из степного Крыма.

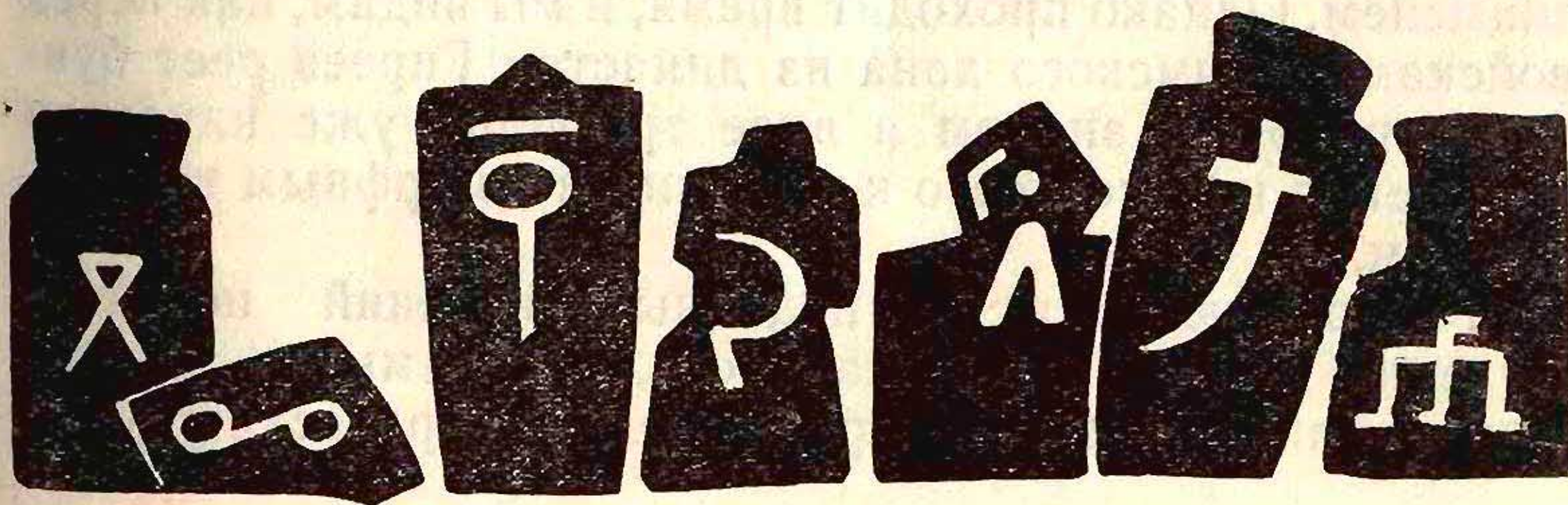

логи нашли в одном из курганов вблизи Евпатории. Сохранились только ноги, обу-тые в сапоги.

Когда-то все эти каменные изваяния мужчин и женщин стояли величаво на вершинах курганов, и путник, проезжая мимо по заросшей равнине, где еще в XVI в. бродили дикие олени, однорогие бараны, буйволы, водились медведи, издалека видел, что в кургане погребен представитель половецкой знати...

Из всех символических начертаний средневековья наиболее широко и долго бытовали в Крыму тюркские знаки—тамги, аналогичные сарматским знакам. Их можно встретить и на скалах, и на бывших межевых камнях, и на могильных плитах.

«Секреты» тюркских тамг в настоящее время известны сравнительно хорошо. Если знак ставился на надгробии, он обозначал, кто захоронен в могиле. Этим же знаком хозяин помечал границы своего земельного участка, метил свое имущество, в том числе и самое главное — табуны, ибо скот у кочевников был основным источником су-

ществования. Знак наносился на шкуру животного при помощи раскаленного железного тавра. У татар, например, существовали даже специалисты-тавровщики, имелись построенные для этой цели здания.

Страшный знак — невольничье тавро — наносили и на тела пленников, захваченных во время разбойничьих набегов. «Пленных гнали в Крым, — писал арабский историк XVI в. Ромал Ходжи, — окружив их цепью верховых и подхлестывая нагайками; клеймили тавром, раскаленным в огне, на тех же частях тела, что и у животных...»

Как же выглядели татарские знаки — тамги? Большая их часть напоминает сарматские знаки, другие ближе к арабским буквам и цифрам, третьи сходны с изображениями различных предметов быта (21).

Интересно, что изучение татарских родовых и личных знаков раскрывает картину перехода от родового знака в виде животного к вполне схематизированному личному. Когда в 1237 г. семь татарских родов, возглавляемых знатными беями — потомками Чингис-хана, отделились от хана Батыя и перекочевали в Крым, их князья — беи — употребляли в качестве родовых знаков изображения голов животных — коней, быков и др. Выступая в поход, каждый род выставлял впереди себя подобное металлическое изображение, укрепленное на высоком древке и служившее, если приходилось воевать, боевым знаменем. Однако проходит время, и мы видим, как перед войсками крымского хана из династии Гиреев реет бунчук с родовым знаком в виде трезубца, уже никакого отношения не имеющего к прежним зооморфным изображениям.

Раскрытию смысла подобных явлений помогает изучение всевозможных надписей, находимых в Крыму. Они проливают свет на различные исторические собы-

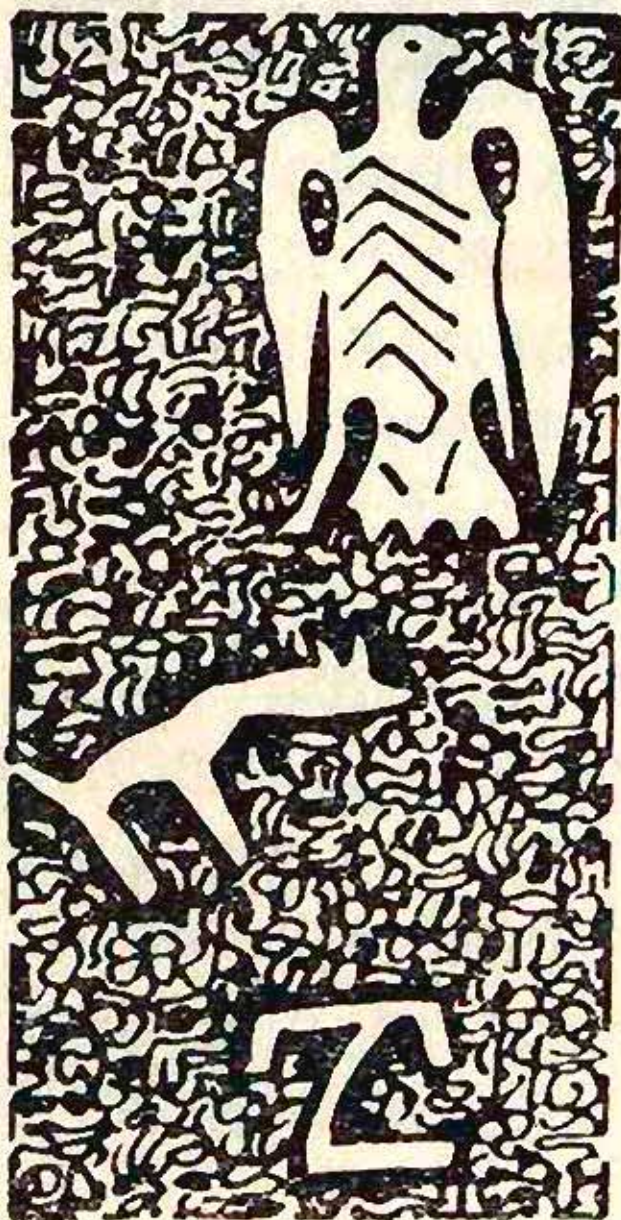
тия, рассказывают о римских и византийских войсках, стоявших в Херсонесе и других местах Крыма, о князьях и военачальниках Мангупа, о генуэзских консулах, заботливо укреплявших и украшавших итальянские города Кафу, Сугдею, Чембало, и о многом-многом другом.

Одни надписи высекались на могильных памятниках, другие — на плитах, вмурованных в стены различных построек. Надписи эти на разных языках: греческом, латинском, армянском, древнерусском, караимском, древнееврейском, арабском, старотюркском, крымско-татарском. Разноязычие было вызвано этнической пестротой населения полуострова в средневековую эпоху и являлось следствием особого географического положения Крыма на пути из Европы в Азию.

В ПУТЬ, СЛЕДОПЫТЫ!

Несмотря на многочисленные изыскания и находки ученых, бóльшая часть таинственной книги истории, в том числе и истории письменности, еще не открыта человеческому взору. Ее как бы разрозненные страницы, разбросанные и по крымской земле, ждут, когда рука исследователя, увлеченного поиском, прикоснется к ним. Есть возможность и вам, читатели и краеведы, войти в число первооткрывателей.

Ученые-археологи не всегда имеют возможность достаточно детально обследовать отдельные участки трудно-

доступных районов полуострова. Любознательной же и неутомимой армии любителей-краеведов, для которой практически нет преград, такое задание по силам.

Что нужно делать при обнаружении новых, никому не ведомых памятников древности? Самое важное — и это каждый сумеет — подробно описать, а хорошо бы и зарисовать открытый памятник, правильно указав, на каком расстоянии и в каком направлении от ближайшего населенного пункта или какого-нибудь заметного постоянного ориентира он находится.

Памятник всегда стоит сфотографировать, а местность вокруг как можно подробнее обследовать. Если при обследовании вы найдете обломки каких-либо вещей из глины, кремня, металла и т. п., их нужно подобрать, указав на схеме место находки и расстояние от найденного памятника с изображениями. При первом же удобном случае постарайтесь сообщить эти данные в местный краеведческий музей, любое ближайшее научное учреждение или исполком.

Скажем и о том, чего не следует делать. В последние годы появились «любители» старины, которые ведут себя как отъявленные хищники. Так, на скалистом мысу Сюйренской крепости некий «скульптор» высек изображения каких-то уродов. Другой «украсил» своим творением древние стены одной из пещер Тепе-Кермена. Что это? Маниакальные потуги прославиться во что бы то ни стало? Или подчеркнутое неуважение к родной старине и людям, которым она дорога?..

Человек, уважающий себя, никогда не испортит памятник, не позволит себе «украшать» древние изображения дорисовкой собственных, отнюдь не загадочных «знаков». Не столько открытый, сколько сохраненный и зафиксированный памятник принесет краеведу уважение и признательность ученых.

Не исключено, что вам встретятся где-нибудь изображения или знаки, аналогичные описанным выше.

К примеру, рисунки, подобные пиктограмме пещерного навеса Таш-Аир или знакам в пещере Чокурча, можно найти не только в юго-западной части горного и предгорного Крыма, но и в других местах Крымских гор и предгорий. Наверняка там есть еще не одна пещера с древними изображениями и знаками. А изображения, подобные рисункам на стелах из села Казанки в Бахчисарайском районе и урочища Бахчи-Эли в окрестностях Симферополя, узорам на стенках каменных ящиков, на плитах с чашевидными углублениями, а также сарматские знаки и тюркские тамги могут быть в любом месте Крыма.

Тот, кто заинтересуется древними надписями, пусть запомнит, что надписи греческие — древние и средневековые — чаще всего встречаются на западном, южном и восточном берегах Крыма, а иногда и в центральном Крыму, латинские — на южном и юго-западном берегах, армянские — в районах Феодосии, Судака, Старого Крыма и Белогорска, древнееврейские и караимские — преимущественно в районах Бахчисарая и Старого Крыма, древнерусские могут оказаться в районе Керчи, некогда входившей в состав Тмутороканского княжества.

А те, кто любит плавать под водой, пусть прислушаются к рассказу о таврах из уст самого отца древней истории — Геродота. Главной своей богиней тавры считали богиню плодородия Деву. Все их неудачи связывались с ее гневом, все успехи — с ее милостью. И вот, чтобы Дева всегда была расположена к своему народу,

устроили в ее честь святилище на какой-то из прибрежных скал, высоко над морем. Они приводили на скалу своих пленных в качестве жертв божеству и здесь, умертвив их, вместе с дарами Деве сбрасывали в море. Такой же была и судьба всех мореплавателей, терпевших кораблекрушение у таврских берегов⁴⁵.

Но где находилось это место? И было ли святилище зданием, или же Геродот назвал храмом жертвенное место с вырубленным в скале изображением Девы? Что еще, кроме убитых врагов, приносили в дар своей покровительнице тавры, которых Геродот называет дикими и жестокими людьми?.. Для этого надо найти прежде всего само святилище. И хотя по сей день обнаружить его не удалось, трудно не поверить яркому рассказу Геродота.

Подобные примеры — не редкость. Эдвард Томпсон, путешественник и археолог с мировым именем, будучи еще никому не известным юношей, прочел книжку епископа Диего де Ланды о том, как жители столицы древних майя, чтобы задобрить божество плодородия и дождя, бросали в большое подземное водохранилище карстового происхождения живых людей, а вслед за ними и различные жертвенные дары⁴⁶.

В эту легенду не верил почти никто из ученых. Однако Томпсон решил все же выяснить достоверность предания. Многие считали его сумасшедшим, другие советовали избрать иной вариант самоубийства. Но Томпсон, приобретя простейший водолазный костюм и заручившись поддержкой такого же неизвестного никому собирателя губок с Багамских островов, отправился в джунгли, нашел священное место древних майя, и, ныряя ежедневно от восхода до заката солнца, разгребая ил и обломки камней, нашел не только множество человеческих костей, но и различные изделия из меди, золота, нефрита, копья с кремневыми и обсидиановыми наконечниками, остатки старинных тканей и, что особенно выделял сам Томпсон, много различных загадочных знаков и изображений, выгравированных на изделиях из золота и меди.

Такое же удивительное превращение древних преданий в реальность пережили еще два человека — англичанин Остин Лейард и немец Генрих Шлиман.

Первый из них предпринял две экспедиции в Сирию, в междуречье Тигра и Евфрата, и, объездив на кочевнической лошаденке сотни километров, открыл великолепные дворцы с не менее великолепными изображениями, а его помощник Г. Рассам — библиотеку царя Ашшурбанипала, состоявшую из 20 000 глиняных табличек, исписанных клинописью. Эти таблички стали ключом ко всей ассирийско-вавилонской культуре⁴⁷.

Второй под влиянием поэм древнегреческого певца Гомера о легендарных героях Ахилле и Гекторе, об Энее и разрушении могущественной Трои отправился в Средиземноморье, бросив блестящую карьеру коммерсанта, и нашел там, вопреки заключениям многих ученых, не только подтверждение «Илиады» и «Одиссеи», но и такое несметное количество драгоценных древних изделий, что ни один музей не в состоянии был их купить...⁴⁸

Однако с чего же начать вам?

Прежде всего посетите ближайший из крымских краеведческих или археологических музеев. Здесь вы увидите большинство описанных выше памятников. Некоторые из них являются уникальными. Так, в Евпатории можно осмотреть монументальный двухтонный каменный ящик древних кеми-обинцев, отделанный с необычайной тщательностью простейшими орудиями труда. В Симферополе — плиту из Бахчи-Эли и другие памятники, в том числе каменные изваяния половцев, в Бахчисарае — ханские знаки-тамги, а в Севастополе (Херсонесе) — целую группу антропоморфных таврских надгробий и большую коллекцию древнегреческих и латинских надписей.

Прекрасные образцы генуэзских надписей покажет вам Феодосия — главный форпост Генуи на Черном море в XIII—XV вв. Не менее интересные памятники с нанесенными на них сарматскими и сложными гербовыми знаками боспорских царей имеются и в Керченском историко-археологическом музее.

И все же ряд памятников с описанными выше загадочными изображениями вы увидите не в историко-археологическом, а в том «естественном музее, хранящем

тайны тысячелетий», которым и является Крымский полуостров.

Рюкзак на плечи, посох в руки — перед вами полная загадок земля древней Тавриды...

Но сначала испытайте себя на нескольких относительно легких маршрутах, которые мы вам рекомендуем.

Тропой кеми-обинцев. К западу от Бахчисарая, на юг от Севастопольского шоссе, отходит дорога. Она ведет в долину реки Качи. Сразу же за тесным входом в долину, на правом берегу реки, — скальные навесы и гроты. Навес Таш-Аир I достигает длины 65 м.

Один из гротов Таш-Аира был в древние времена расширен человеком. Он имеет глубину около 3 м, длину — 9 м и высоту от 1,6 до 3,1 м. Открытая сторона грота заложена каменной стеной.

Восточная часть навеса не сохранилась. Она была уничтожена взрывом при проведении дороги в 1934—1935 гг. Под навесом и перед ним — большая площадка. Ее ширина — от 15 до 25 м, а длина до 65 м.

Здесь на скале — пиктограмма, о которой говорилось в самом начале. Сейчас от нее сохранились три группы рисунков (всего 34 фигуры). Местами прослеживаются остатки краски от осыпавшихся изображений.

Подземный «алтарь». На Ангарском перевале от Чатыр-Дага до Демерджи идет пересекающая шоссе лесная дорога. Если пройти по ней в сторону Демерджи, то за серым обелиском — старинным памятником строителям первого в Крыму шоссе — она приведет к подножию высокого скалистого утеса — Пахкал-Кая (он же у туристов — Иван-лысый). За ним открывается вид на западные, обрывистые и скалистые склоны горы Северная Демерджи, где и находится древнее пещерное святилище VII—III вв. до н. э. Прямо от узкой седловины между Пахкал-Кая и Демерджи, минуя ездовую доро-

гу — севернее ее, — идет узкая, очень крутая тропинка к пещере МАН.

Интересна история исследования этой пещеры. Расположенная высоко над ущельем безымянного притока реки Ангары, пещера долгое время «укрывалась» от пытливого взгляда исследователей. Вход в нее будто замаскирован огромными выступами скалы. Лишь в 1963 г. «открылась» она человеку. Первыми вошли в нее юные краеведы — алуштинские и симферопольские школьники, члены Малой академии наук, в честь которой и названа пещера (МАН).

За высокой аркой входа в пещеру открывается сводчатый зал длиной 35, шириной 5 и высотой около 8 м. В глубине его — своего рода «алтарь» из больших естественных глыб камня (высотой свыше 4 м). Над «алтарем» — туфовый натек, где были вырезаны символическое изображение человеческого лица (круг диаметром 12 см с углублениями вместо глаз, носа и рта), а рядом — крест. К сожалению, до настоящего времени сохранился лишь крест. Изображение на мягком известняковом натекке скалы полностью уничтожено горе-«туристами».

Неподалеку — черный провал глубиной более 30 м. Он ведет в труднодоступный нижний зал, превосходящий по размерам первый, с небольшим озерком и красивыми сталактитами и сталагмитами причудливой формы, — картина, полная своеобразной романтики... Ради этого стоит посетить пещеру МАН!

Святилище древних скотоводов. От села Перевального, на 20-м километре шоссе Симферополь — Ялта, по долине идет проселочная дорога в село Краснопещерное.

Ваша цель — пещера Ени-Сала II, та самая, в которой, подобно пещере МАН, было святилище VII—

VI вв. до н. э. и в которой были найдены две древние деревянные фигурки.

До пещеры недалеко; главное — храните терпение и хладнокровно шагайте мимо колхозного сада, оставляя его слева за речкой, которую вновь перейдете. Ни в коем случае не поддавайтесь никаким соблазнам! Время дорого.

Наконец, вы за селом. Слева, куда идет дорога, увидите глубокое, с обрывистыми краями ущелье в красноватых известняках. Это — Кизил-Коба, знаменитые Красные пещеры с многометровыми подземными лабиринтами, фантастическими залами, подземными водоемами и рекой...

Но вам, на этот раз, не туда. Сверните с дороги на тропинку вправо, вдоль подножия Долгоруковского нагорья. Перейдите вброд ручей («Алешина вода»), оставьте за собой остатки разрушенной средневековой деревеньки Кучук-Янкой и красивое ущелье с полуразрушенным, но все еще действующим водопроводом, поднимайтесь — где коровьей тропкой, где прямо через кусты — по краю водораздела между Кучук-Янкойским ущельем и урочищем Ени-Сала, часть которого составляет соседнее ущелье с пещерами. По водоразделу, а точнее — одному из западных отрогов Долгоруковского нагорья, идет большая и древняя скотопрогонная тропа из долины на горное пастбище. Там, почти у самого выхода на яйлу, ниже дороги, на южном склоне водораздела и находится известная пещера Ени-Сала II. Открыли ее для науки опять же краеведы-школьники, участники археологического кружка горного клуба ОДЭТС!..

Вы снимаете рюкзаки, складываете их перед входом в пещеру и, сдерживая нетерпение, осторожно проникаете внутрь. Осторожность не излишня: слева коварный провал — вход в нижний зал пещеры-святилища. В обо-

их залах пещеры множество костей животных, преимущественно черепов овцы, козы, коровы. На каждом шагу встречаются осколки разбитых сосудов.

Какие же религиозные обряды выполняли здесь далекие предки коренного населения Крыма?..

Давно отзвенели голоса этих людей, однако своды пещеры хранят о них память.

Пещеры Ак-Кая. В 5 км от Белогорска, на северо-восток, возвышается огромная скала. Это Ак-Кая (в переводе с татарского «белая скала»). Ее высота — около 350 м. Вот здесь-то, в пещере Ак-Кая I, можно осмотреть интересную группу сарматских знаков, описанных выше (стр. 31—32).

Не менее интересны сарматские знаки пещеры Ак-Кая II, которая находится в юго-восточном обрыве скалы, у самого ее подножия. Но это далеко не все. В пещере много средневековых знаков и надписей, в том числе родовая тамга крымских ханов Гиреев.

ШАХТА НА КАРАБИ*

Прекрасное место для самостоятельной разведки — Караби-яйла, на которой находится шахта с самыми загадочными изображениями древнего и средневекового Крыма.

Караби-яйла — это плоскогорье большого горного массива к востоку от Долгоруковской яйлы. Его западный край омывает Суат — приток Бурульчи. Попасть туда проще всего из Симферополя по долине Малого Салгира и через Долгоруковское нагорье. Невда-

* Материал этой главы публикуется впервые.

леке от пещеры Ени-Сала II по нагорью идет хорошая дорога, которая пролегает вначале вдоль правого берега ручья Суботхан (питающего речку Кизил-Кобу), а затем углубляется в лес и тянется вдоль северного подножия горы Тырке, пересекая верховья речек Большой и Малой Бурульчи, Гнилушки, Суата. Над Суатом дорога выходит на седло между горами Тырке и Каратау. Здесь она раздваивается: левое ответвление идет через Каратау к метеостанции на Караби-яйле и дальше в Белогорск; правое — вниз, к селам Генеральскому, Малореченке, Солнечногорскому.

Можно подняться сюда и по дороге из Белогорска (после осмотра пещер Ак-Кая). К той же метеостанции приведет и дорога из села Межгорье, которое расположено на Бурульче, между Белогорском и Симферополем; к югу от шоссе туда отходит ветка благоустроенной проселочной дороги.

Необычайно красив подъем на Караби по ущелью речки Тунас от урочища Нижний Кокасан, что прилегает к северной стороне перевала на пути из Белогорска в село Приветное.

Интересна и лесная дорога, соединяющая село Генеральское с Караби-яйлой. По ней нужно довольно долго идти вверх до перевала между горами Тырке и Каратау. На перевале она разветвляется: влево — на запад — отходит уже упоминавшаяся дорога на Долгоруковскую яйлу и в долину Малого Салгира, вправо — ее продолжение на Караби и Белогорск. Если повернуть вправо и, оставляя ниже и слева от себя глубокий яр, где начинается речка Суат, пройти подножие лесистого Каратау, то путь приведет на безлесные пространства яйлы. Здесь можно встретить диковинные фигуры, выложенные из камня прямо на земле. Сделаны они давно — камень обомшел, местами «ушел» в землю. Стилистически, а мо-

жет быть, и по смыслу эти знаки (22) близки к другим — на скальным, обнаруженным тоже на Караби, в одной из ее карстовых шахт.

О значении фигур можно говорить лишь предположительно: пока что они уникальны. Несомненно, однако, изображения эти имели не только смысловое, но и какое-то магическое значение. Не могло быть простой случайностью и сходство между ними в рисунке, и размещение на почти одинаковом расстоянии друг от друга (около 30 м), и примерная ориентировка юг —

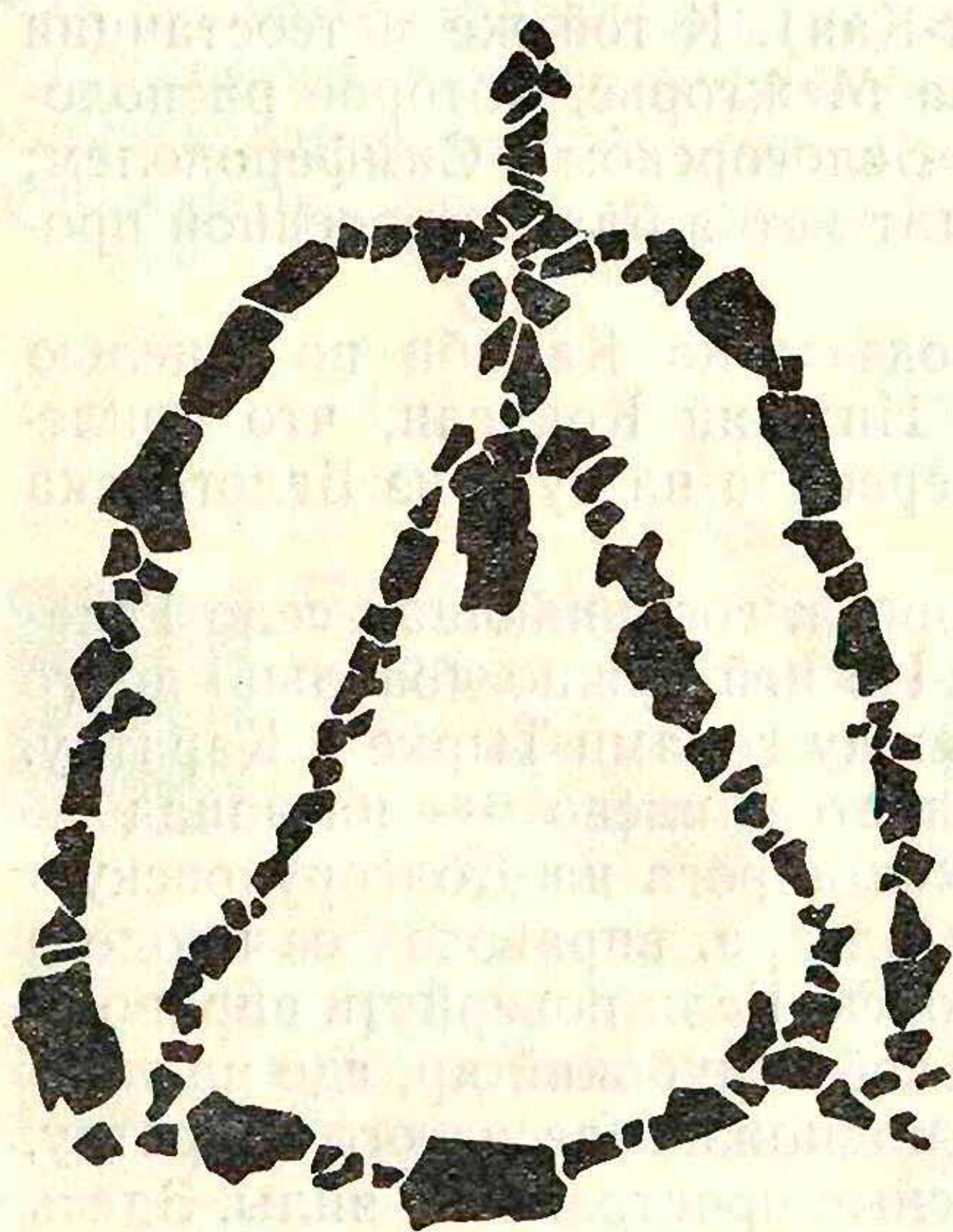

Рис 22. Один из четырех знаков, выложенных из камней на Караби-яйле.

север. Красноречиво число фигур: четыре. Издревле четверка связывалась с определенной символикой (вспомним хотя бы славянских четырехликих идолов). Не могла ли тут быть связь, например, со сменой времен года и т. п.?

Узнайте у сотрудников метеостанции, как найти пещеру Большой Бузлук (Ледовую). В светлой нише слева от входа в пещеру высечен тамгообразный знак сарматского типа. В 200 м от пещеры в сторону горы Тай-Хоба вы увидите отверстие шахты «Студенческой». На стенах ее — резные

изображения, обнаруженные несколько лет назад студентами Крымского сельхозинститута. На дне шахты даже летом не тает снег. Не он ли привлекал сюда древних и средневековых обитателей безводной яйлы?..

Рисунки на стенах шахты нанесены в разное время, некоторые, вероятно, тысячелетия назад. Их можно разделить на несколько групп.

Часть «знаков» напоминает резные линии на вышеупомянутой плите из села Денисовка. Иногда несколько таких линий пересекаются между собой в различных направлениях (IX, 1). Подобные изображения известны на плитах из Каменной могилы (Запорожская область)⁴⁹ и на стенах некоторых гротов в Приазовье.⁵⁰ Там же встречаются более сложные рисунки, какие были обнаружены и на стенах шахты «Студенческой» (IX, 2). В этой же шахте есть и другие, тоже условные изображения, не поддающиеся расшифровке и не имеющие прямых аналогий (IX, 3); некоторые, пока столь же загадочные, рисунки представляют собой сочетание резных линий и чашеобразных насечек (IX, 4).

К рисункам, которые поддаются расшифровке, относятся изображения деревьев, человеческой фигуры и двух кораблей с мачтами (IX, 5). Судя по устройству кораблей, запечатленных рукой неизвестного художника, они относятся к средневековому времени. Труднее определить время нанесения на стены шахты «Студенческой» колесницы с человеческой фигурой (23). На датированных памятниках древности еще не встречалась колесница подобной конструкции. Неясна также дата еще одной группы изображений (IX, 6), в которую входят три солнечных знака в виде кругов правильной формы, три неправильных круга, из которых два концентрических (вписаны один в другой), а третий — с крестом в центре и расходящимися в стороны лучеподобными отростками;

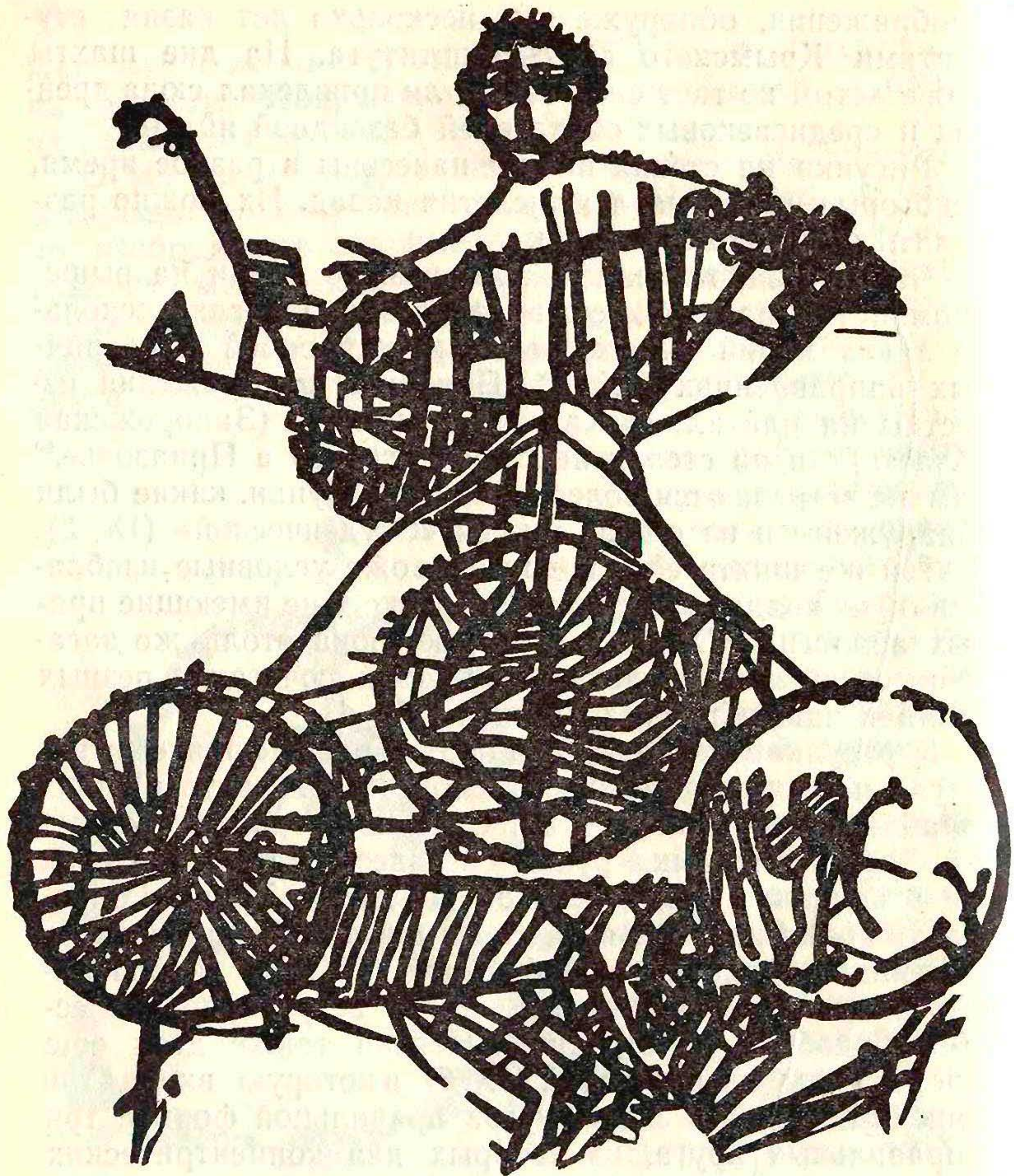

Рис. 23. Изображение колесницы в шахте «Студенческой».

в этой же группе — два креста и изображение колеса. Кресты и солнечные знаки могли быть нанесены как в средние века, так и в гораздо более раннее время. Еще труднее сказать что-либо определенное относительно изображения колеса со спицами, хотя подобные колеса известны на Кавказе и в других местах. Трудность здесь двойная: и в определении времени нанесения этого знака в данном случае, и в расшифровке его смысла. Многие исследователи считают, что изображения колес тоже символизировали солнце, которое подобно колесу катится по небу. В ряде случаев это положение соответствует действительности; на протяжении многих веков изображения колеса часто теснейшим образом связывались с небесной символикой — солнечной или звездной.

Совсем недавно на праздник Ивана Купала христианское население юга СССР, в том числе и Крыма, торжественно сжигало колесо, когда солнце «поворачивало на запад». В праздник Масленицы облитое дегтем пылающее колесо скатывали с горы как символ солнца, «возвращающегося на лето»⁵¹.

Вера в магическую силу колеса была столь велика, что ради изгнания «нечистой силы» заболевшего куриной слепотой подводили к старому колесу и заставляли смотреть на ступицу, надеясь, что это возвратит ему зрение⁵². Колеса вырезали и на сволоках, которые поддерживали потолки в избах. С украшенными таким образом сволоками были связаны различные поверья. Считалось, например, что если приснится, что такой сволок обрушился, то в доме кто-то должен умереть⁵³. Может быть, подобный же магический смысл вложил древний мастер и в изображение колеса в шахте «Студенческой».

Тем не менее — сразу же предупредим читателя — рисунок колеса в шахте «Студенческой» мог иметь и иной смысл. Так, например, на столбе, воздвигнутом еще в глубокой древности ассирийским царем Тукульти-Нинурта I, подобные же рисунки колес со спицами были помещены вместе с изображениями военных знамен. Это были те самые колеса, которые победным маршем пронесли боевые колесницы царя и его сподвижников и ни разу, что называется, не подвели; в критические минуты сражений они верно выполняли свою «колесью» службу...

Есть еще на Караби-яйле заманчивые, слабо иссле-

дованные уголки! Попробуйте, сколько позволят вам силы и время, заняться самостоятельными поисками пещер, щелей, воронок: может быть, иные из них таят новые загадочные наскальные знаки. Наверное, счастье улыбнется и вам, как улыбнулось оно алуштинским и симферопольским школьникам, открывшим пещеры МАН, Ени-Сала II, или молодым спелеологам, обнаружившим в 1970 г. на той же Караби новую карстовую полость с наскальными знаками...

А если и нет, разве вы не испытаете величайшее наслаждение самого поиска? Ведь это и имел в виду академик Ферсман, когда писал: «...Что может быть замечательнее и интереснее пещер? Узкий, извилистый ход... К причудливой форме пещеры примешивается и шелест летучих мышей, и тихий мерный шум падающих капель, и глухие раскаты обрывающихся под ногами камней... Белые, желтые, красные минералы своими отложениями покрывают стенки пещер; в их причудливых формах таятся таинственные диковины, напоминающие то фигуры каких-то застывших великанов, то кости гигантских ящеров»...

ВПЕРЕДИ — ПОИСК

Сколь ни увлекательны предложенные выше маршруты, не менее интересен и поиск в составе археологических экспедиций, работающих в различных уголках крымской земли.

В таких местах, как Херсонес и Керчь, раскопки ведутся все теплые время года (т. е. почти весь год), а с наступлением весны в Крыму начинают свою работу многочисленные экспедиции из различных городов страны и даже из-за рубежа. Сведения о том, не ба-

зируется ли какая-либо из них вблизи вашего местопребывания, вы можете получить в местных краеведческих музеях.

Есть в Крыму и музеи, где работают специалисты-археологи, сами организующие экспедиции: в Севастополе (Херсонес), в Бахчисарае, в Симферополе, в Керчи.

Кроме того, есть на Украине Институт археологии, крымские сотрудники которого тоже ведут раскопки почти круглый год. С ними можно связаться — опять-таки через местные музеи. Археологические экспедиции далеко не всегда работают на одном месте. Это делается только тогда, когда тот или иной памятник в какой-то степени уже известен ученым и задача состоит в полном его раскрытии.

Но ведь не все памятники известны! Их нужно искать, а для этого необходимы разведки. И археологи отправляются на поиски новых памятников. Вот где было бы особенно кстати участие добровольных помощников — энтузиастов новых открытий.

У археологов есть такие задачи, до которых, при всей актуальности и выполнимости, еще не дошли их руки. Проведите пешеходную разведку по одному из следующих двух маршрутов: маршрут первый — между Симферополем и селом Гвардейское; маршрут второй — по южным склонам Главной горной гряды.

Исчезнувшая деревня. В 1925 г., следуя по дороге из Симферополя к Сарабузу (ныне Гвардейское) через деревни Кадырбаш, Алач, экспедиция Бахчисарайского музея обнаружила в деревне Абузлар (в 2 км от Симферополя) целую группу загадочных знаков⁵⁴.

Оговоримся сразу же, что в настоящее время деревни Абузлар нет и достоверных сведений о ней не сохранилось. Знаки же находились на плоской и низкой скале.

Площадь скалы — 250—300 квадратных саженей (примерно 120—150 кв. м).

Старожилы о знаках Абузларской скалы судили по-разному. Интересно предание о том, что здесь когда-то проводились народные собрания, после чего и делались на скале соответствующие пометки. Изучение знаков «в натуре» помогло бы решить их загадку. Необходимо вновь разыскать эту скалу!

Перед разведкой не мешает зайти в Крымский областной архив и ознакомиться со старинными землеустроительными планами (фонд Таврической губернской чертежной). На них наверняка обозначена деревня Абузлар.

В связи с тем, что Симферополь с тех пор сильно разросся во все стороны, поиск нужно начать почти в пределах города, на левом берегу Салгира (ведь старые дороги, как и новые, тянулись вблизи реки).

Захватив полосу шириной около 1 км (для большей надежности), нужно двигаться зигзагами в направлении поселка Аэрофлотского, затем Грэсовского, затем Гвардейского. Чтобы не пропустить сравнявшейся с землей скалы, зигзаги в заданной километровой полосе левого берега должны быть очень густыми. Обязательно надо расспрашивать каждого, не знает ли он что-либо об этой скале. Не менее обязательным условием является и следующее: нужно вести дневник, записывая все, что видели и слышали.

Если не окажется ничего на левом берегу Салгира, то в Гвардейском, перейдя через реку, придется повести осмотр (но уже в обратном направлении — к Симферополю) правого берега реки.

Помните: не надо спешить! Ведь скала-то почти не возвышается над поверхностью земли. Найти ее можно, только буквально наткнувшись на нее.

Поход ваш увенчает удача, если вы проявите максимум терпения, выдержки, смекалки и наблюдательности. И второе открытие знаков на скале Абузлар будет за вами!

Над Никитой и Ялтой. Цель этой разведки — отыскать забытое урочище Грамата и выяснить, не сохранилась ли скала с таинственной надписью до наших дней. Вот что писал о ней еще в прошлом веке крупнейший знаток древностей Крыма академик П. И. Кеппен: «На границе Гурзуфской и Никитской, от Гурзуфа, как говорят, не менее трех часов пути, на яйле, при дороге из Никиты в Бююк-Езенбаш есть урочище, называемое Грамата, или по-татарски — Язлы-Таш, т. е. камень с надписью. Татары, видевшие оный, сказывали мне, что тут есть на камне надпись, строки в две, не татарская, но, вероятно, френкская» (генуэзская)⁵⁵.

Судя по описанию, это урочище и сам камень были где-то у южных обрывов Главной горной гряды.

Территория между ними и Никитским садом в средние века была густо заселена. Поселок Никита, отчасти и ботанический сад разместились на остатках бывших поселений и могильников. У шоссе, к северу от села, на обрывистой вершине и сейчас еще можно заметить основания небольшой крепости Паликастер (Палеокастрон — Старая крепость); много ниже села — над самым мысом Мартьян — остатки другой крепостцы, а под ним — пещера, еще не изученная археологами. Но не отвлекайтесь от задачи найти Язлы-Таш: это тоже не сделал пока ни один исследователь.

Чтобы не тратить попусту силы, поиски начните от поселка Никиты и старой дороги на село Счастлиное (б. Биюк-Озенбаш).

Главное — не спешить. Это задача — не на один день.

Земля древней Тавриды, возможно, прячет ключи и к решению загадки, связанной с одной из величайших войн далекого прошлого. Это была война (в VI в. до н. э.) между великим персидским царем Дарием I (по-персидски — Дарайавуш)* и скифами. Полки Дария лавиной двинулись на земли скифов. И когда 60 лет спустя, всемирно известный греческий путешественник и историк Геродот посетил Северное Причерноморье, воспоминания об этой войне были настолько живы, что он посвятил ей всю IV книгу своей знаменитой «Истории». Он передал в ней рассказы участников войны или тех, чьи отцы сражались с Дарием. Среди них был и скиф по имени Тимн, опекун царя Ариапейта, того самого Ариапейта, который унаследовал власть от Иданфирса, руководившего скифским войском во время войны с персами...

Скифы, чувствуя, что силы Дария намного превосходят их собственные, решили измотать врага тактикой отступления. Далеко на север отправили они в кибитках своих детей и жен, отвезли имущество и отогнали скот. А сами, отступая на протяжении одного дня пути от авангардов персидского войска, уничтожали на пути персов траву и все съедобное, засыпали колодцы и родники. День за днем шли персы по опустошенной степи, терпя потери от голода и жажды, напрасно пытались нагнать скифов для решающего боя с ними.

Раздосадованный Дарий оставил, наконец, бесплодную погоню за неуловимым противником. Выбрав самого

---

* Его слова послужили эпиграфом к этой книге.

удалого из своих приближенных, он посылает его к Иданфирсу с письмом.

«Чудак, — писал Дарий I Иданфирсу, — зачем ты все убегаешь, хотя можешь прибегнуть к одному из следующих двух средств: если ты считаешь себя в силах противостоять моему могуществу, то остановись, прекрати свое блуждание и сразись со мной; если же признаешь себя слабее, то также остановись в своем бегстве и приди для переговоров к своему владыке с землей и водой» (т. е. сдайся).

Разгневанный Иданфирс прислал Дарию убийственный ответ: «... И прежде никогда не убегал я из страха ни от кого из людей, и теперь не бегу от тебя: нынче я не сделал ничего нового по сравнению с тем, что обыкновенно делаю в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобой, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которых мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены. Если бы нужно было во что бы то ни стало ускорить бой, то у нас есть могилы предков, вот попробуйте разыскать их и разрушить, — тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за гробниц или не станем; раньше мы не сразимся, если нам не заблагорассудится. Это относительно сражения; владыками своими я признаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов. А тебе же вместо даров земли и воды я пошлю такие дары, какие приличествует тебе получить; наконец, за то, что ты назвал себя моим владыкою, ты мне поплатишься».

«Дары», посланные скифами вконец измотанному Дарию, состояли из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы стали гадать о значении этих подарков. Может быть, скифы сдавались Дарию с землей и водой — ведь мышь водится в земле, лягушка живет

в воде, птица, дескать, чрезвычайно походит на лошадь, а передача стрел не означает ли признание его военного превосходства?.. Всем возразил один из приближенных Дария. Он истолковал смысл подарков так: «Если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или подобно мышам не скроетесь в земле, или подобно лягушкам не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел...»

Это предметное письмо (подобное предметным письмам, о которых говорилось выше) правильно прочитал Дарию его сподвижник. Действительно, вскоре персидскому войску пришлось начать позорное отступление под градом стрел преследовавших его скифов.

Случилось невероятное: одна из сильнейших мировых держав древности потерпела позорное поражение от кочевых скифских племен. Гордый Дарий вынужден был признать непобедимость скифов, на стороне которых выступили родственные им будины и гелоны. Таврское же население Крыма, как и племена агафирсов, невров, андрофагов, механхленов, жившие на территории нынешних Румынии, Восточной Польши, Западной Украины, Белоруссии, центра европейской части СССР, в помощи скифам отказало. Все они сохраняли, так сказать, нейтралитет. Остается загадкой: какие же народы выступили на стороне великого персидского царя в этой древнейшей мировой войне?

Его войско насчитывало 700 000 отборнейших солдат — невиданная по тем временам военная машина! И состояла она не только из персов, но и представителей других народов Азии, Европы и даже Африки.

Так кто же они, эти народы, поднявшие вместе с персами свои мечи против скифов и потерпевшие от них поражение мирового масштаба?..

Ключи к ответу на этот вопрос вполне могут быть и где-нибудь на берегах Керченского пролива.

«Но что же, собственно, нужно искать?» — спросите вы. А вот что. Геродот в 87 главе IV книги своей «Истории» так описывает начало похода Дария: «Осмотревши также Боспор, он велел поставить на берегу его два столба из белого мрамора и начертать на одном из них ассирийскими, а на другом эллинскими письменами имена всех народов, с которыми он шел в поход»...

Эти же народы могли упоминаться и в каких-либо надписях древнегреческих городов Керченского полуострова и Тамани.

Начать обследование лучше всего с юго-восточной стороны Керченского полуострова, вдоль берега, в направлении бывших сел Коренково, Героевское, Аршинцево и города Керчь. Закончить поиск можно в районе паромной переправы на Тамань.

Ширина обследуемой полосы — не менее 3 км. При повторных обследованиях ее можно равномерно расширять, удаляясь от берегов.

Методика поиска в данном случае будет иная, чем на предложенных выше пешеходных маршрутах. Дело в том, что плиты с надписями могут оказаться вторично использованными в каком-либо сооружении. В связи с этим нужно самым внимательным образом осмотреть буквально каждый камень любой постройки (или развалин) в полосе поиска.

Именно так и было совершено большинство находок подобного рода. Например, пять знаменитых столбов с иероглифическими надписями хеттов, народа, о котором до находки этих столбов было известно лишь из Библии (хетты поддерживали тесные связи с Египтом и жили на территории нынешней Сирии). Все пять столбов, по воле случая, были найдены в одном и том же сирийском городе: один оказался на городском базаре, два других — в различных жилых

кварталах, причем один — в стене дома; четвертый столб был обнаружен в стене небольшой лавочки, пятый — в ограде сада.

Во время осмотра вам предстоит опросить местных жителей: не встречались ли им где-либо плиты (или их обломки), покрытые разными буквами, и не слышали ли они рассказов и преданий о чем-нибудь подобном? Особенно подробно следует расспрашивать жителей тех мест, где были некогда древнегреческие города. Ведь весьма возможно, что древние надписи и поныне находятся где-то вблизи. И пусть вас не смущает мысль о том, почему же, в таком случае, их не открыли до настоящего времени.

Помните, что лишь в 1952 г. в Египте был открыт один из шести таинственных сфинксов, описанных тысячелетия назад в древнем папирусе. Сообщили же о нем египетским археологам погонщики каравана. А ведь этот колосс с головой человека и телом льва имел в длину около 80 м и в высоту целых 20 м. А пять других, видимо, подобных ему сфинксов, так еще и не найдены, несмотря на их громадные размеры.

Но возвратимся к плитам с древнегреческими надписями. Не забудьте, что на вашем пути расположена Керчь. Постарайтесь, чтобы ни один камень старых кварталов города и древних развалин на его территории не ускользнул от ваших глаз.

Если ваши поиски на восточном берегу Керченского пролива окажутся безрезультатными, имеет смысл произвести обследование береговой полосы на Тамани. Если есть возможность — расширьте обследуемые зоны, а если времени у вас слишком мало, лучше растяните свои работы на два-три года. Залог вашего успеха — не в быстроте, а в широте охвата местности. Скептически настроенному читателю, который уподобит поиски древних надписей поискам иглы в стоге сена, можно привести не один поучительный пример.

Лондонский гравёр Джордж Смит, откликнувшись на аналогичный призыв редакции английской газеты «Дейли телеграф», тоже отправился на поиск — с туманных берегов Темзы в выжженную солнцем долину Евфрата. Ему предстояло найти единственную, и притом маленькую, глиняную табличку с клинописью, затерявшуюся вообще неизвестно где.

И он нашел ее, эту знаменитую табличку, содержащую окончание рассказа о всемирном потопе!..

Ну, а если вам не удастся найти никаких надписей, связанных с походом Дария, то и тогда вы не пожалеете ни о чем. За время своего путешествия вы увидите столько интереснейших памятников древности, услышите столько легенд и удивительных историй, что воспоминаний о них вам хватит на многие годы. Но думается, что вам все же удастся найти хотя бы следы утерянного «дипломатического документа» древнейшей из мировых войн. Ведь не зря же каменотесы Дария высекли пророческие слова:

«Ты, который в будущие дни увидишь эту надпись...»

Увидишь!

- ¹ Ч. Л о у к о т к а . Развитие письма, М., 1950; Е. И. К а ц п р ж а к . История письменности и книги, М., 1955; К. W e u l e . Vom Kerbstock zum Alphabet, Stuttgart, 1921; R. S t ü b e . Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Schrift. Monographien des Buchgewerbes, Band 6, Leipzig, 1912; Н. D e l i t s c h . Geschichte der abendländischen Schreibriftformen. Leipzig, 1928.
- ² А. А. Щ е п и н с к и й . Культуры эпохи энеолита и бронзы в Крыму. Советская археология, № 2, 1966; А. М. Л е с к о в . Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры, Киев, 1965.
- ³ Д. А. К р а й н о в . Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. Материалы и исследования по археологии СССР, № 91, 1960.
- ⁴ А. В. А р ц и х о в с к и й . Основы археологии, М., 1954.
- ⁵ Э. Ц е р е н . Библейские холмы. М., 1966.
- ⁶ А. А. Ф о р м о з о в . Очерки по первобытному искусству. Материалы и исследования по археологии СССР, № 165, 1969.; Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. Советская археология, № 2, 1958; А. H ä u s l e r . Antropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Lütner Universität, Halle-Wittenberg. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Band XV, Heft 1, 1966.
- ⁷ А. А. Щ е п и н с к и й . Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. Советская археология, № 3, 1963; М. Я. Р у д и н с ь к и й . Кам'яна могила, Київ, 1961.
- ⁸ Г. Б. Ф е д о р о в . Остия. Вокруг света, № 2, 1966.

- ⁹ К. Керам. Боги, гробницы, ученые, М., 1960.
- ¹⁰ Геродот. История, IV, 11—12. Вестник древней истории, № 2, 1947.
- ¹¹ Скимн Хиосский. Землеописание. Вестник древней истории, № 3, 1947.
- ¹² Аммиан Марцелин. История, XXII, 8, 33. Вестник древней истории, № 3, 1949.
- ¹³ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский. Там, где пройдет Северо-Крымский..., Симферополь, 1966.
- ¹⁴ А. В. Арциховский. Основы археологии, М., 1954.
- ¹⁵ И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, выпуск 62, Л., 1933; Н. Jänichen. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. Antiquitas, Reihe 1, Abhandlungen zur alten Geschichte, Band 3, Bonn, 1956; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959; Е. І. Соломонік. Нові пам'ятки з сарматськими знаками. Археологічні пам'ятки УРСР, том XI, Київ, 1962.
- ¹⁶ Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье. (По поводу некоторых загадочных знаков.) История и археология древнего Крыма, Киев, 1956; В. Драчук. Родові тамги на предметах побуту. Народна творчість та етнографія, № 6, 1968; В. Nadel. Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego. Archeologia, XIII, 1962, Warszawa, 1963.
- ¹⁷ В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. Советская этнография, VI—VII, 1947.
- ¹⁸ Э. Добльхофер. Знаки и чудеса, М., 1963.
- ¹⁹ П. Н. Шульц. Работы тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.). Бюллетень Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, выпуск 2, М., 1947.
- ²⁰ И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском. Советская археология, № 4, 1960.
- ²¹ О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. Советская археология, № 1, 1962.
- ²² П. Ефименко. Юридические знаки. Журнал Министерства народного просвещения, часть CLXXVI, СПб, 1874; С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. АН СССР. Новая серия, XXII, М.—Л., 1954.

- ²³ П. О в и д и й Н а с о н. Печальные песни, V, 7. Вестник древней истории, № 1, 1946.
- ²⁴ В. П о ж и д а е в. Хозяйственный быт Кабарды, Воронеж, 1925; Г. К. Г е й к е л ь. Из финляндской археологической литературы. Известия императорской Археологической комиссии, выпуск 38, 1911; Dr. W e t z s t e i n. Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker. Globus, Band XXXII, 16, Braunschweig, 1877.
- ²⁵ В. В. Ш к о р п и л. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. Известия императорской Археологической комиссии, выпуск 40, 1911, № 28.
- ²⁶ G. K i e s e r i t z k y und C. W a t z i n g e r. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, № 192, 232, 626; В. L a t y s c h e v. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, II, Petropoli, 1890, № 210, 232; G i s e l a R i c h t e r, Greek, Etruscan and Roman bronzes. The Metropolitan Museum of Art, New York, 1915, № 1092; M. E b e r t. Die Frühmittelalterlichen Spangenhelme vom baldenheimer Typus. Prähistorische Zeitschrift, Band 1, Berlin, 1909; E. H. M i n n s. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.
- ²⁷ H e r t a R u p p. Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin Scheibenfibeln im Rheinland, Band II, Bonn, 1937; E. M e r c k l i n. Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe. Archäologischer Anzeiger, Band 43, 1928, Berlin — Leipzig, 1929.
- ²⁸ А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д. Надпись времени императора Зенона, Записки Одесского общества истории и древностей, том XVI, 1893; В. P o s t a. Archäologische Studien auf russischem Boden, Budapest—Leipzig, 1905; A. G ö t z e. Ostgotische Helme und symbolische Zeichen. Mannus, Band 1, Würzburg, 1909; M. R o s t o w z e w. Skythien und der Bosporus, Berlin, 1931.
- ²⁹ Э. И. С о л о м о н и к. Рецензия на работу Н. Humbach'a «Die sogenannte sarmatische Schrift». Советская археология, № 3, 1965.
- ³⁰ Б. А. Р ы б а к о в. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. Советская археология, VI, 1940.
- ³¹ С. П. Т о л с т о в. Из предистории Руси. Советская этнография, VI—VII. 1947; Древний Хорезм, М., 1948.
- ³² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, М.—Л., 1949; В. Д. Б л а в а т с к и й. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964.
- ³³ Д. Б. Ш е л о в. Античный мир в Северном Причерноморье, М., 1956.
- ³⁴ Д. Б. Ш е л о в. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры, М., 1956.

- 35 А. Н. Зограф. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР, № 16, 1951, табл. XLIV, 19, XLVI, 6, 14, 18, XLVIII, 3, XLIX, 14, L, 3, 5—8, 10, 17, 23, 25.
- 36 В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 годах. Материалы по археологии России, СПб, 1892, выпуск 9; В. L a t y s c h e v. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, I, II, IV; Д. Б. Шелов. Тамга Римиталка. В сб.: «Культура античного мира», М., 1966, рис. 2, 2—4; Corpus inscriptionum graecorum, edidit Augustus Boeckh, Berlin, 1828, II, add., № 2132e.
- 37 А. И. Болтунова. Из черновики В. В. Латышева. Вестник древней истории, № 2, 1951.
- 38 Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. Вестник древней истории, № 2, 1949, табл. II, III, 3.
- 39 В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том I, СПб, 1884.
- 40 Ф. Брун. О поселениях итальянских в Газарии, Труды I-го Археологического съезда, том II, 1871; W. Heyd. Histoire du commerce du Levant en moyen âge, II, Leipzig, 1886; G. Bratiani. Recherches sur la commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929; E. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Atti della Società Ligure di storia patria, vol. LVI, Genova, 1928.
- 41 В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, СПб, 1887.
- 42 А. А. Щепинский. Во тьме веков, Симферополь, 1966.
- 43 J. W e r n e r. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956, Band II, Taf. 44, Abb. 2; J. Dechelette. Le culte du soleil au temps préhistorique. Revue archéologique, 4e série, tome XIII, Paris, 1909.
- 44 Иоанн де Плано Карпини. История монгалов, СПб, 1911.
- 45 В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории, № 2, 1947.
- 46 Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане (1566 г.), М. — Л., 1955.
- 47 К. Керрам. Боги, гробницы, ученые, М., 1960.
- 48 А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций, М., 1959.
- 49 М. Рудинський. Кам'яна могила, Київ, 1961; В. М. Гладилін. До питання про вік наскельних рисунків Кам'яної могили. Археологія, XVI, 1964.

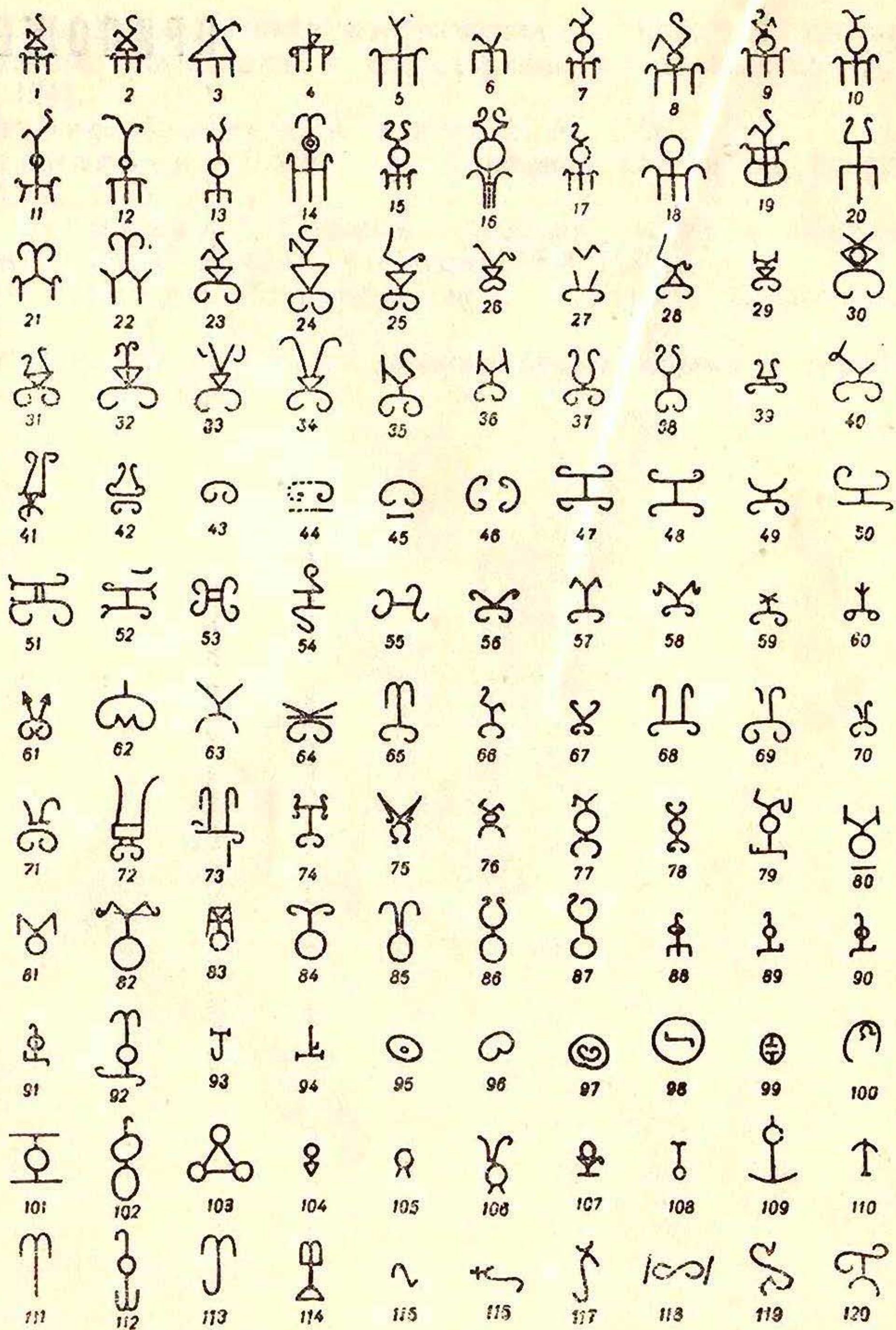
- 50 О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, 1941.
- 51 Д. Фрезер. Золотая ветвь, выпуск IV. М., 1928.
- 52 А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, том I, М., 1865.
- 53 В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. Советская археология, № 4, 1960.
- 54 О. Акчокраклы. Татарские тамги в Крыму, Симферополь, 1926.
- 55 П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических, СПб, 1837.

ПРИЛОЖЕНИЯ

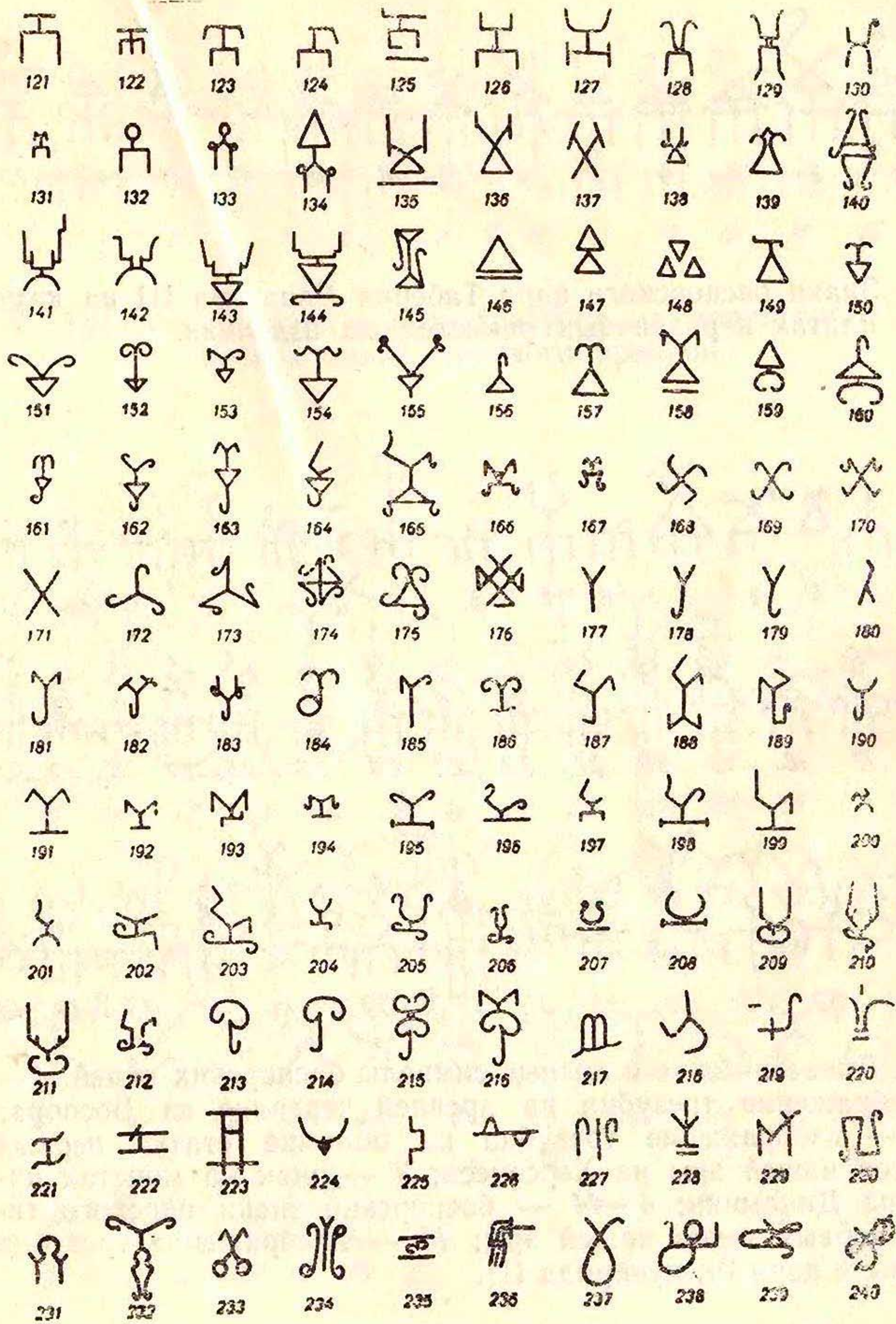
1. Описание и анализ объектов (табл. 1-10)
2. Описание и анализ объектов (табл. 11-20)

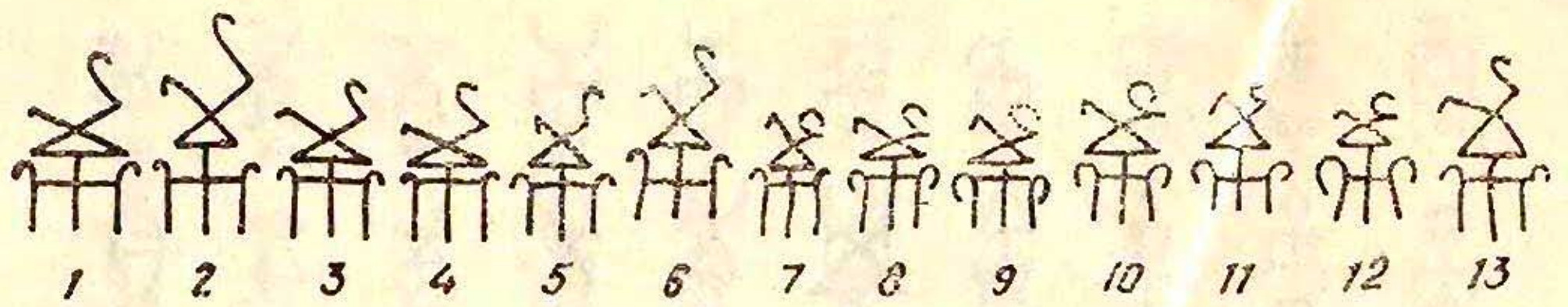

I—II. Сарматские знаки первых веков нашей эры (1—18, 20, 88 — боспорские знаки царского типа) По Э. И. Соломоник.

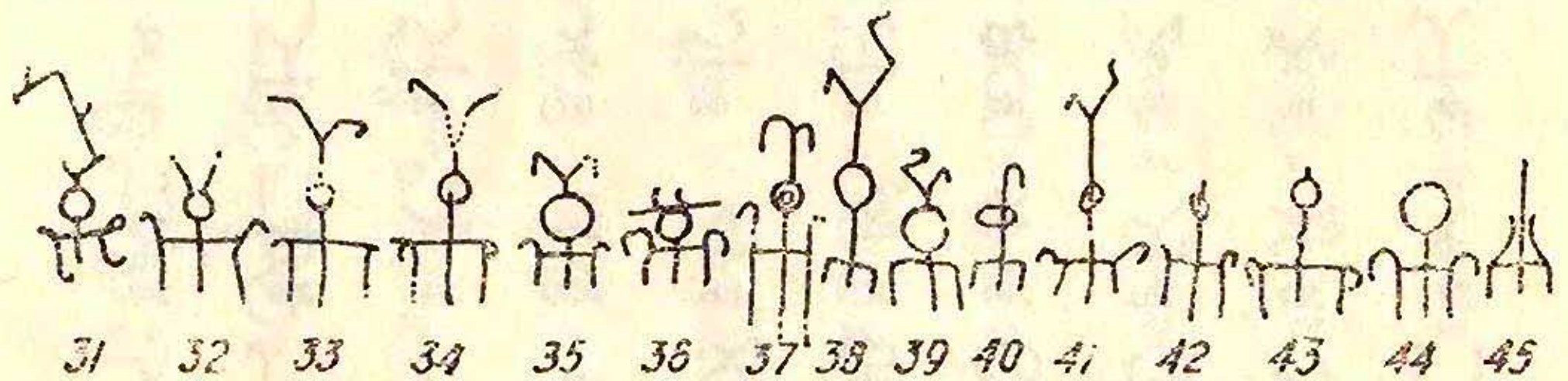
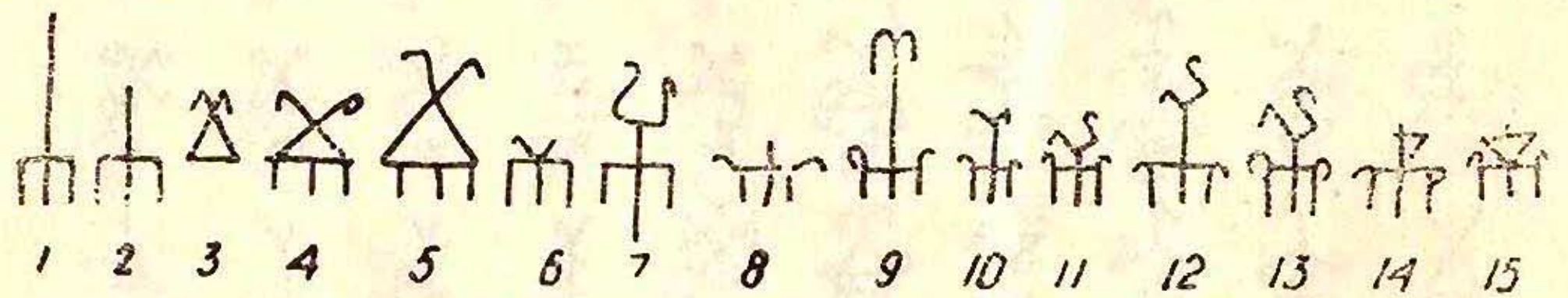

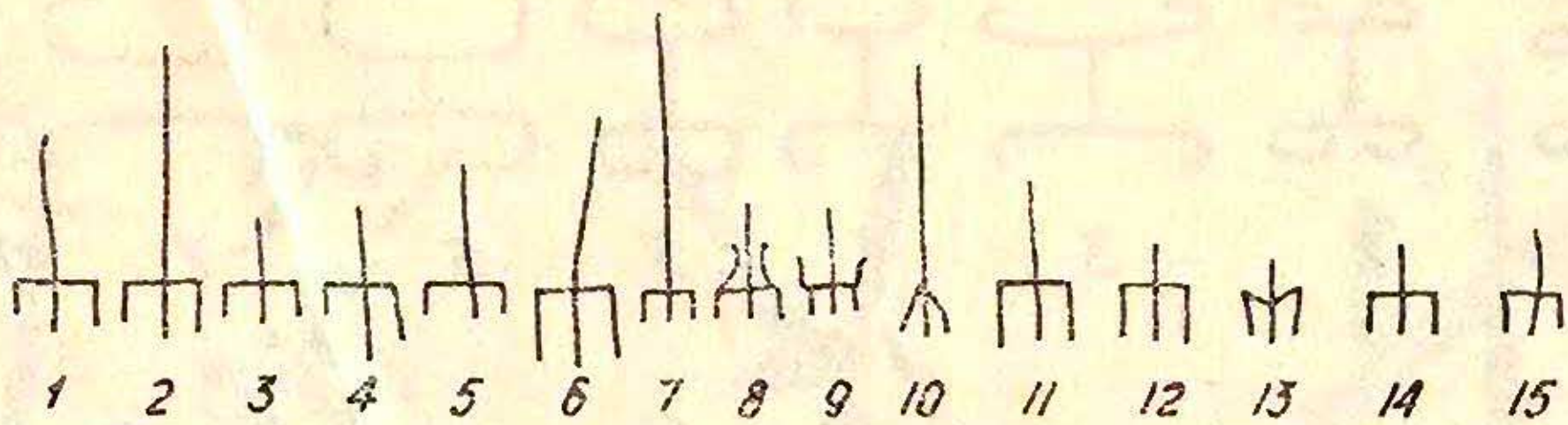

III. Знаки боспорского царя Тиберия Евпатора III на каменных плитах и различных ремесленных изделиях.

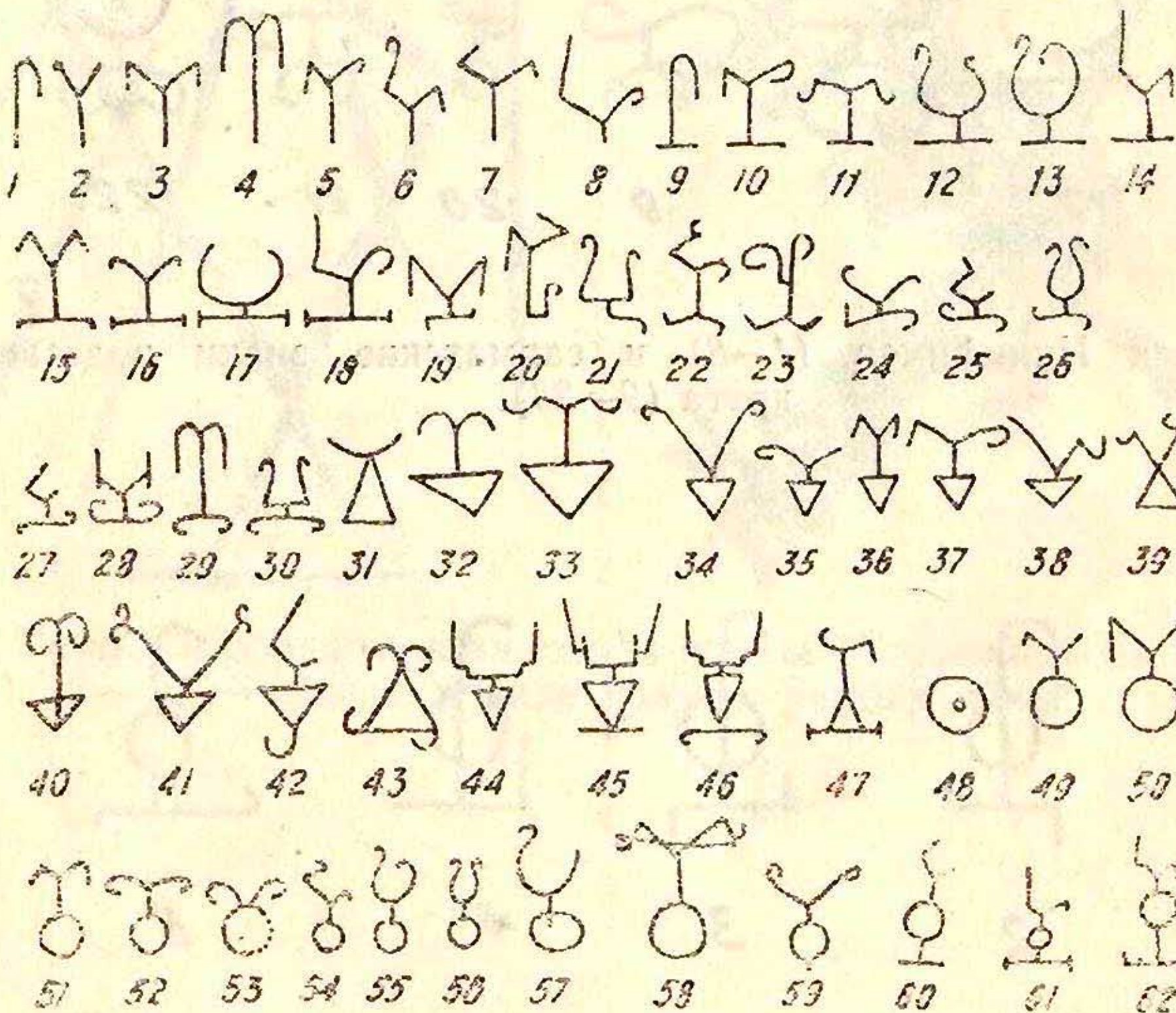

IV. Династические и личные символы боспорских царей: 1— изображение трезубца на древней черепице из Боспора; 2 — изображение трезубца на обломке статуи первых веков нашей эры из Херсонеса; 3 — знак на монетах царицы Динамики; 4—44 — боспорские знаки царского типа первых веков нашей эры; 45 — изображение трезубца на монете царя Рискупорида III.

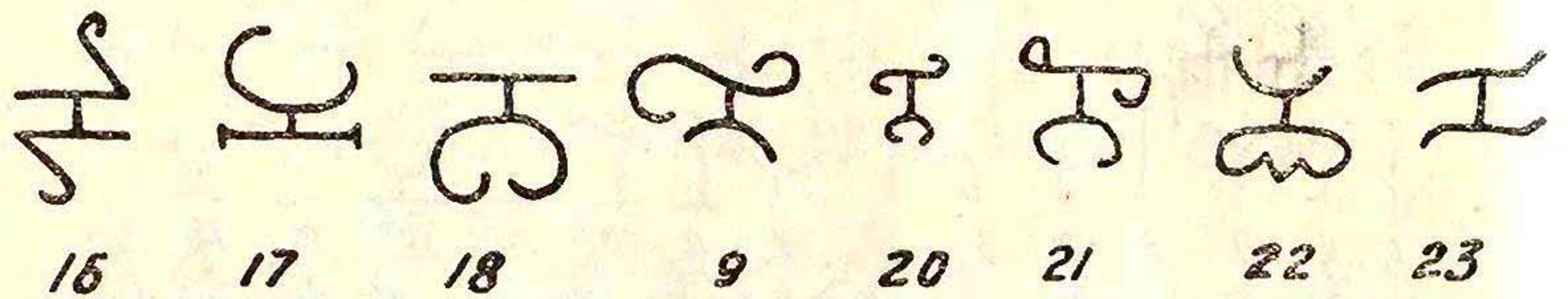
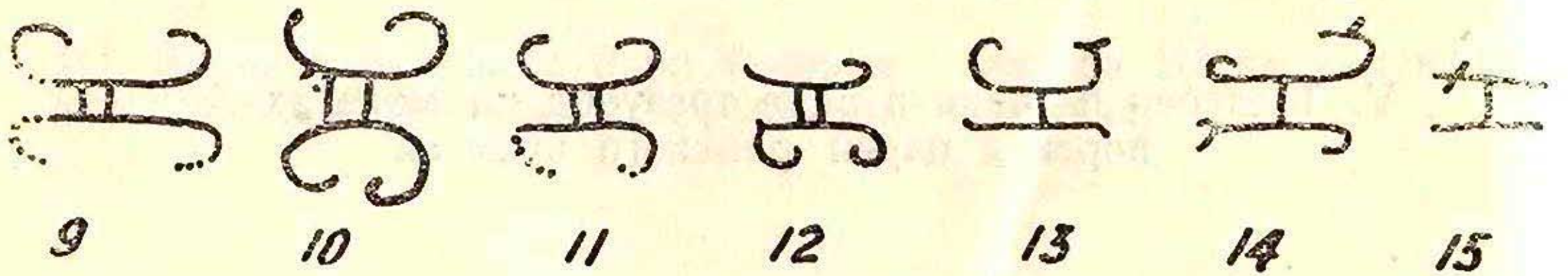
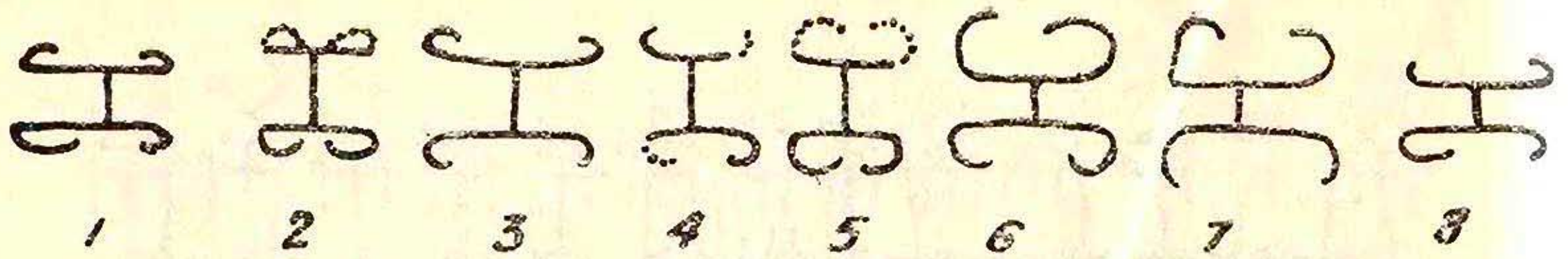

V. Трезубец и знаки в виде трезубца на монетах боспорских царей римского времени.

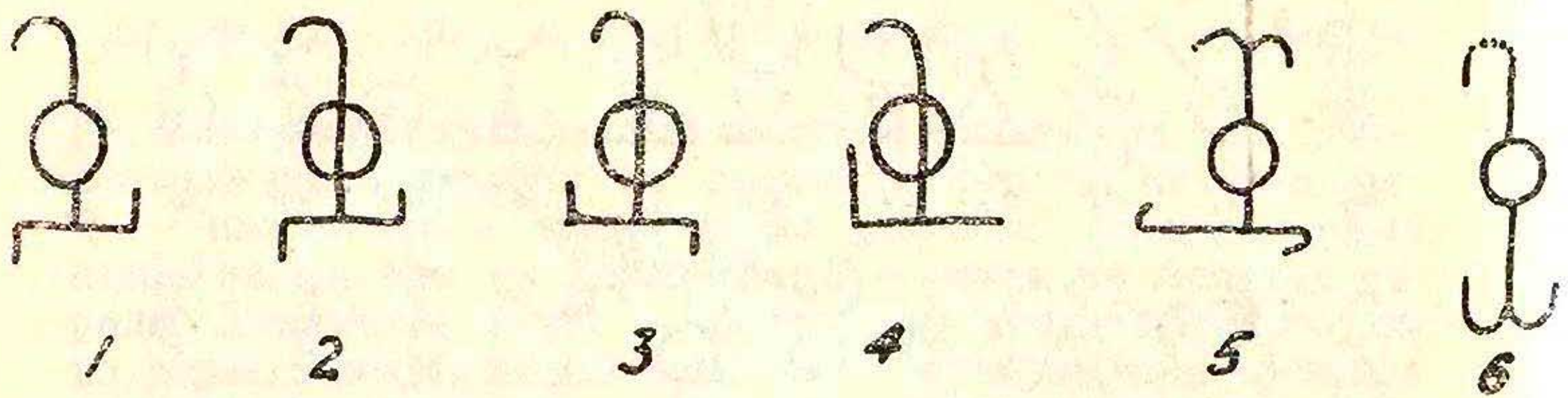

VI. Сарматские знаки первых веков нашей эры.

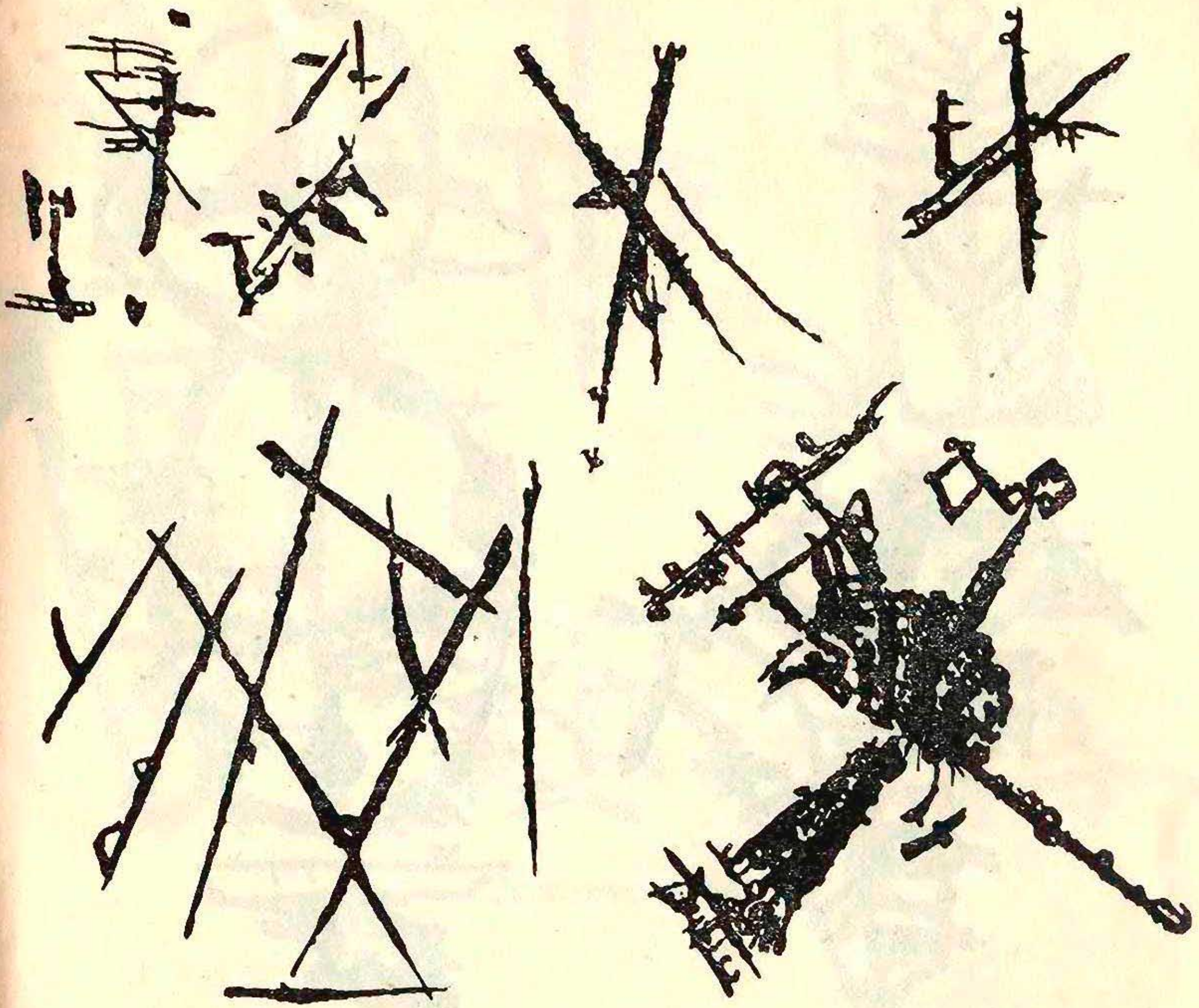

VII. Знак Ининфимея (1—8) и сарматские знаки родственного круга (9—23).

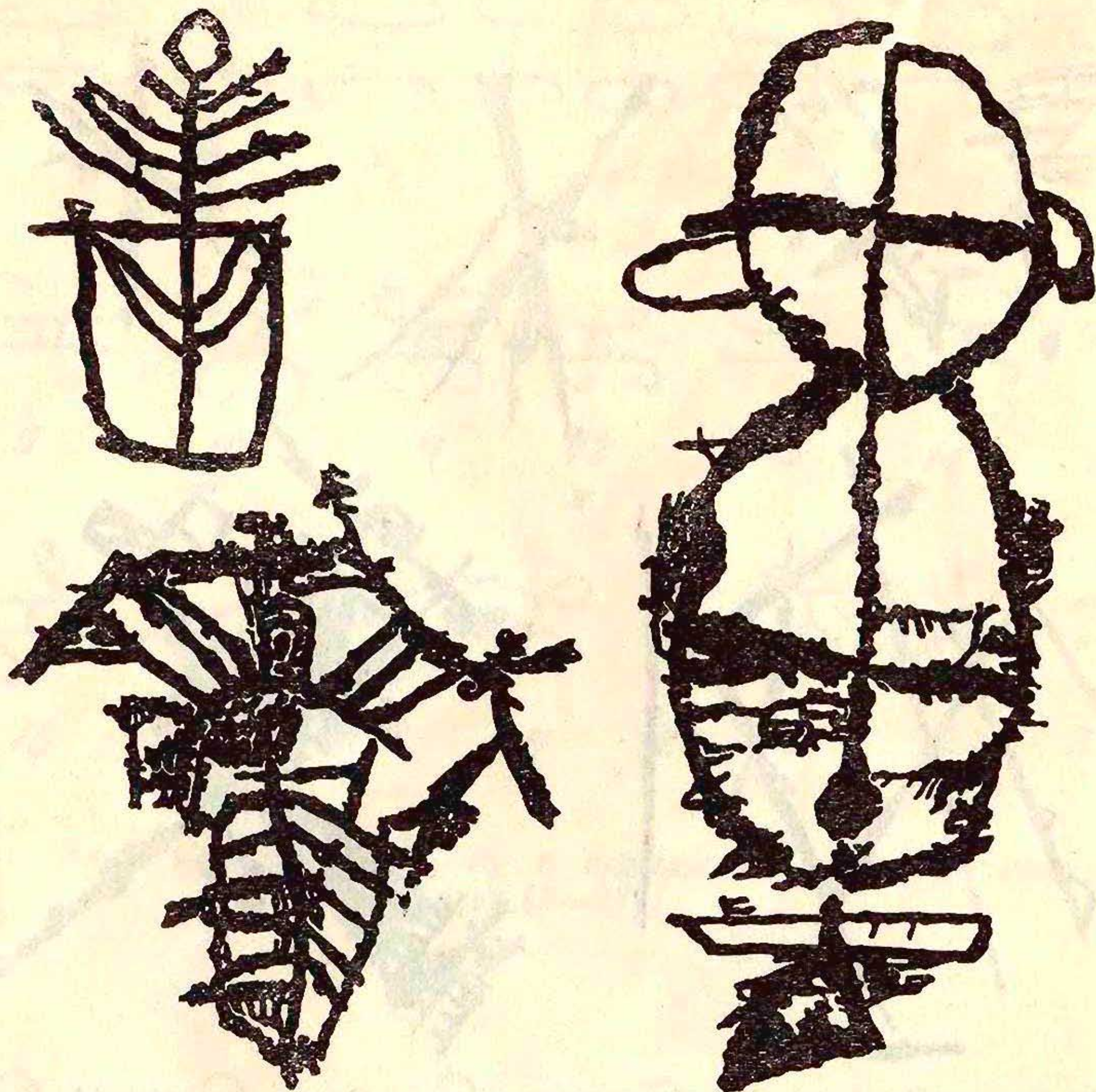
VIII. Варианты знака Фофорса (1—4) и близких по начертанию сарматских знаков (5—6).

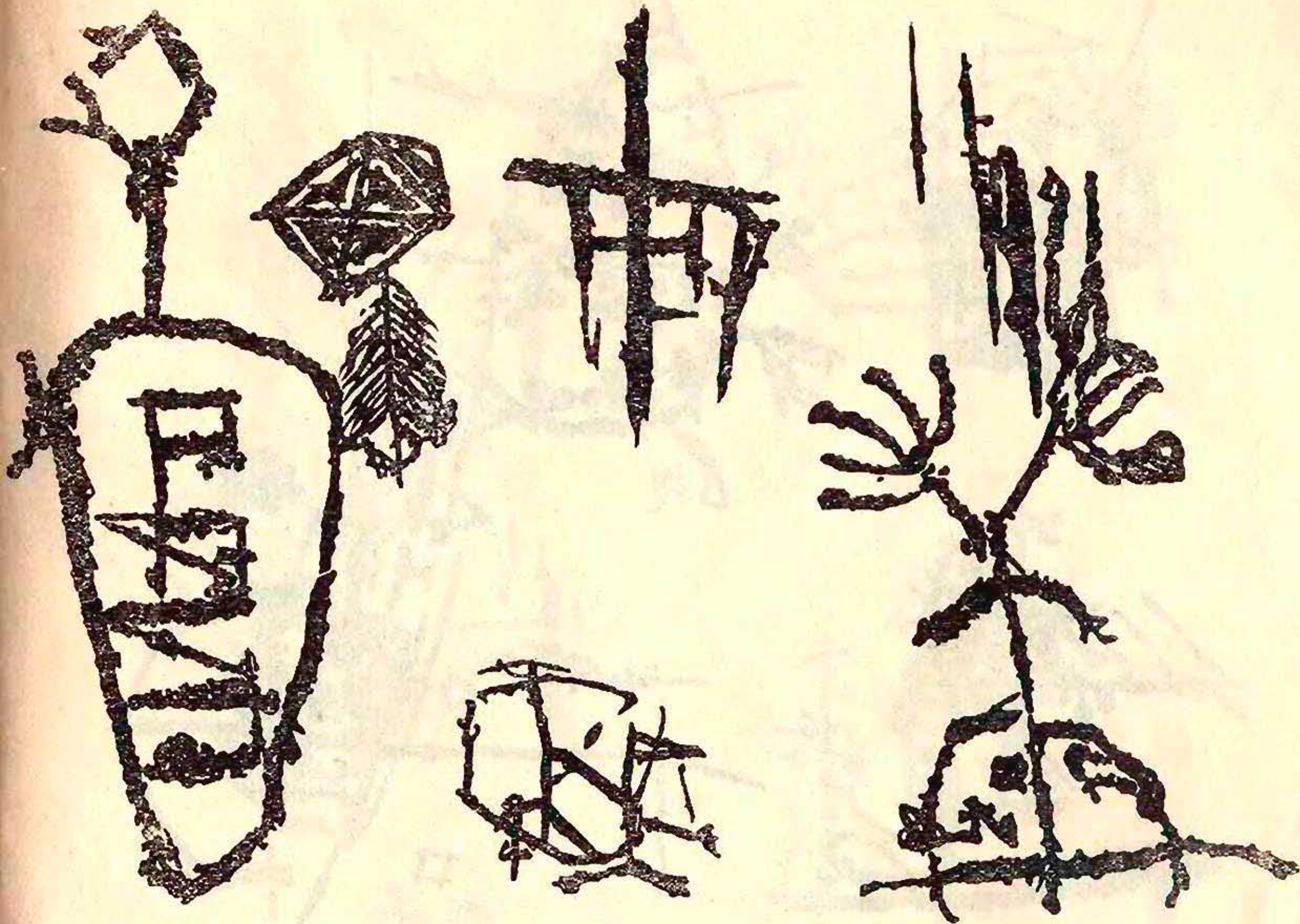
IX. Резные изображения на стенах шахты «Студенческой» (1—6).
1 — Знаки в виде прямых резных линий.

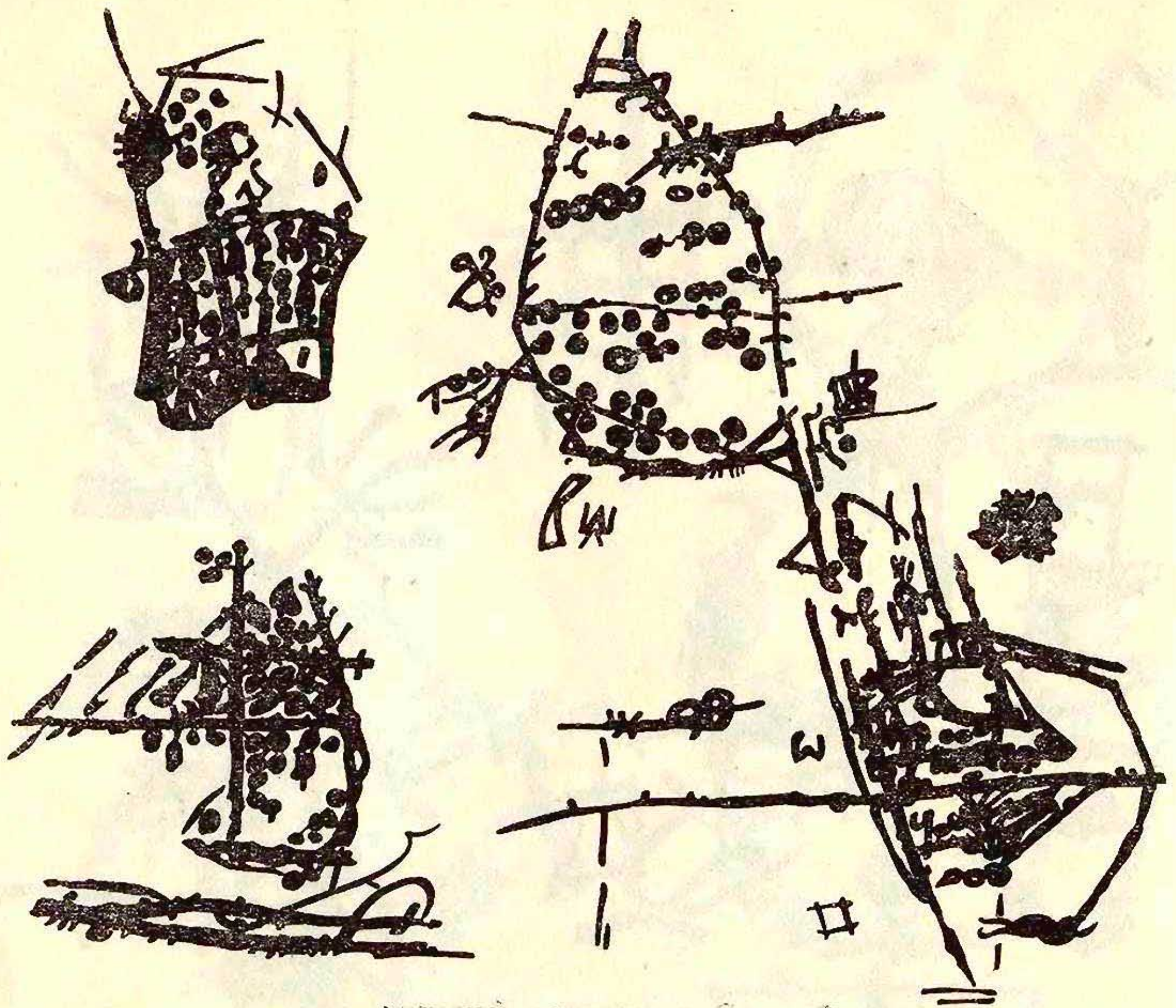
2 — Усложненные геометривованные изображения.

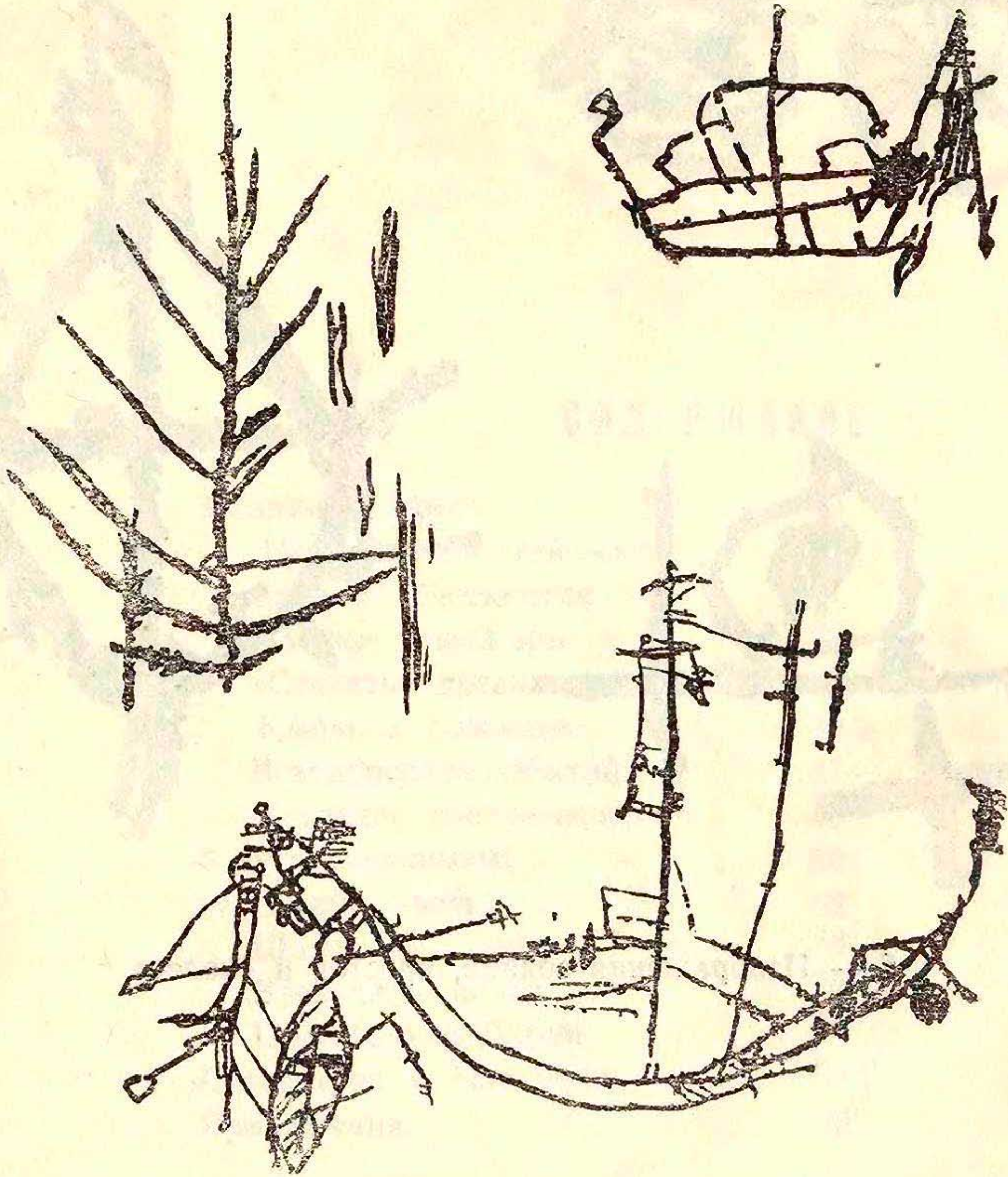
3 — Загадочные фигуры.

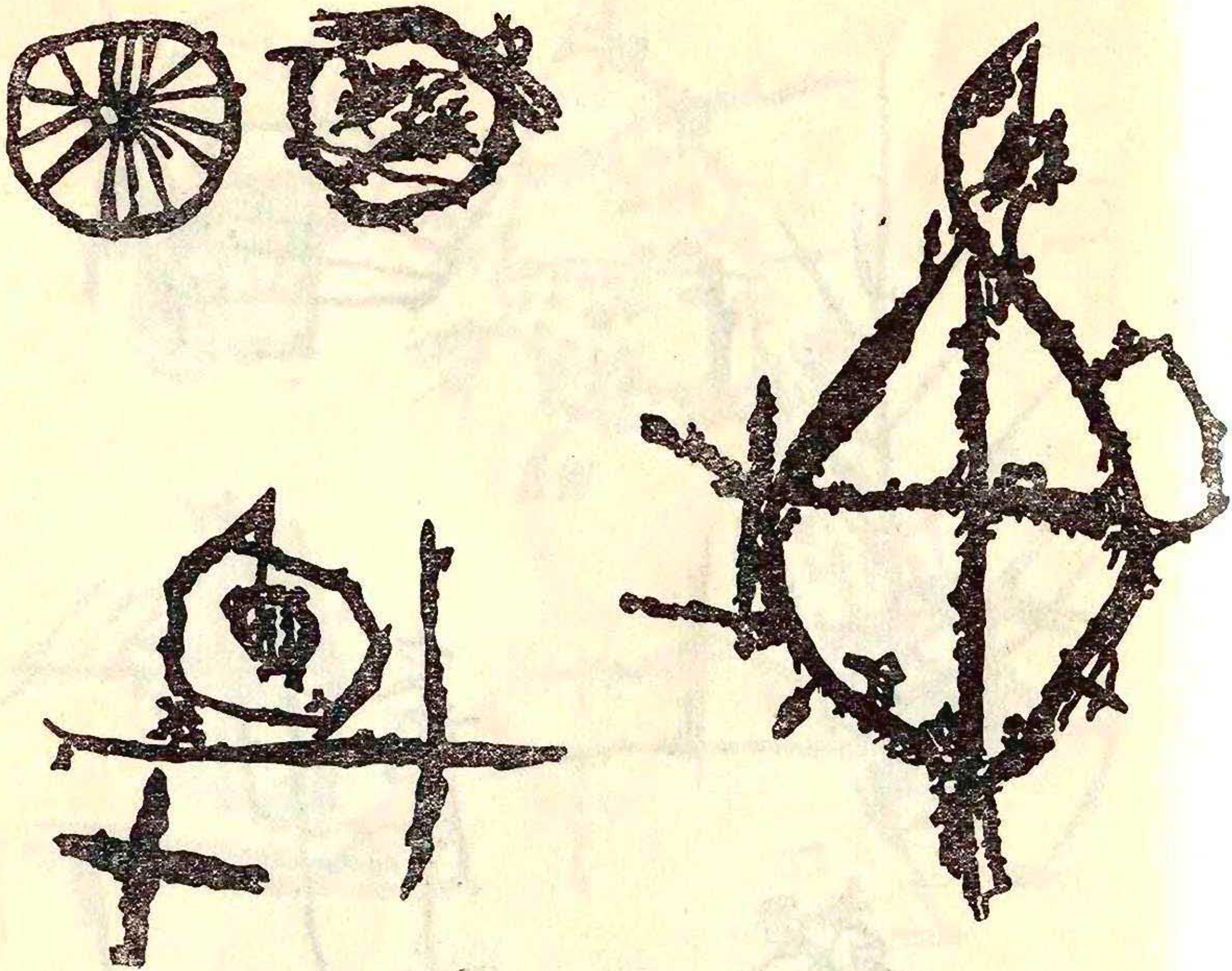
Изображения в виде резных линий и чашеобразных углублений.

5 — Наскальные рисунки деревьев, кораблей и человеческой фигуры.

6 — Изображения солнца, крестов и «колес».

СОДЕРЖАНИЕ

Загадки на камне	6
Нераскрытые «тайны»	7
Символы бессмертия	21
На заре нашей эры	24
«Секреты» древних знаков	27
Ключи к разгадке	40
В водовороте событий	47
Наследие средневековья	49
В путь, следопыты!	60
С чего начать?	62
Шахта на Караби	68
Впереди — поиск	74
По «следам» Дария	78
Литература и источники	84
Приложения	89

Виктор Семенович Драчук

ШАГ В НЕВЕДОМОЕ

*Серия „Археологические памятники
Крыма“*

Редактор С. К. Сосновский
Художник Н. Г. Чайка
Художественный редактор
В. В. Купчинский
Технический редактор
С. Н. Солодовникова
Корректоры А. Ф. Чевычалова,
С. А. Павловская

Сдано в набор 13.VIII 1970 г. Подписано
к печати 26.XI 1970 г. БЯ 02841. Бумага
70×108^{1/32}. Объем: 3,25 физ. п. л., 4,55
усл. п. л., 3,94 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 175. Цена 16 коп.

Издательство «Крым», Симферополь,
ул. Горького, 5.

Типография издательства «Таврида»
Крымского обкома КП Украины.
Симферополь, проспект Кирова, 32/1

Издательство «Крым» начинает выпуск новой серии «Археологические памятники Крыма», в которую войдут следующие издания:

К. Когонашвили, О. Махнева. Алустон и Фуна.

О. Домбровский. Крепость в Горзувитах;

А. Щепинский, Е. Черепанова. Степные курганы

Л. Фирсов. Чертова лестница

О. Махнева. Столица феодоритов

Ю. Колосов. Белая скала

Т. Высотская. Альминские городища

В. Даниленко. Башня Зенона

Е. Веймарн, М. Чорэф. «Корабль» на Каче

О. Домбровский. Почтенная Пойка

Э. Соломоник. Говорящие камни

Коллектив авторов. Тау-Кипчак

Коллектив авторов. Святая гора.

П. Шульц. Склепы Боспора

И. Марченко. Город Пантикапей

Это книги о древностях первобытного, античного и средневекового Крыма, о работе ученых над их исследованием при участии крымских краеведов, добровольцев и энтузиастов археологических экспедиций.

Специалисты-археологи покажут как бы поднятые из праха столетий древние стоянки и поселения, убежища и городища, античные и средневековые города, замки, монастыри. Страницы написанных ими книг воскресят в живых конкретных чертах далекое прош-

лое нашего края, поведают о тех, кто его населял: людях каменного века, киммерийцах и таврах, скифах и сарматах, греках и римлянах, готах и гуннах; о хазарах, аланах, русах; о гунуэзцах и турках...

Многочисленны племена и народы, которые оставили на крымской земле вещественные следы своего пребывания — памятники истории и культуры.

Настоящая серия — дань благодарности читателям за бескорыстную заботу об этих памятниках, их охрану и сбережение, за помощь ученым в сложном, часто нелегком труде.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ
 ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В КРЫМУ И НА ПРИ-
 ЛЕГАЮЩИХ К НЕМУ ТЕРРИТОРИЯХ

- — единичные находки
- — находки незначительного количества знаков
- — места массовых находок

16 коп.

